

[Polaris]

ДРЕВНИЙ

УЖАС

Забытая палеонтологическая фантастика

Том XVIII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDXVI

Salamandra P.V.V.

ДРЕВНИЙ УЖАС

Забывтая
палеонтологическая
фантастика

Том XVIII

Salamandra P.V.V.

Древний ужас. Сост. и прим. М. Фоменко (Забытая палеонтологическая фантастика. Том XVIII). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 218 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDXVI).

Палеонтологическая фантастика — это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это — захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это — повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

В сборник «Древний ужас» вошли произведения западных писателей, созданные в 1900-1930-х гг. Многие из них впервые переведены на русский язык.

© Authors, estate, 2023

© Переводчики, 2023

© М. Fomenko, состав, комментарии, 2023

© Salamandra P.V.V., оформление, 2023

ДРЕВНИЙ УЖАС

Стейси Блейк

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА МАРВИНА

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА МАРВИНА.

Фантастический рассказ.

Начну с того, что я не автор, а лишь простой хроникер странной истории Александра Марвина. Как мне пришлось узнать ее — это само по себе могло бы составить целую историю, излагать которую у меня нет ни охоты, ни времени. Но я хотел бы, чтобы вы увидели героя моего рассказа таким, каким я видел его в первый раз: осунувшимся, бледным, как полотно, преждевременно состарившимся, безнадежно качающим головой и причитающим:

— Один, один! Несчастный человек! Зачем я спасаю!

Я хотел бы, чтобы вы видели его, когда он, согнувшись и проливая горькие слезы, сидел на своей постели из папоротника в самом дальнем углу пещеры при свете наших факелов, с своими тусклыми, слезящимися глазами, устремленными на струйку воды, которая капля за каплей падала с каменной сырой стены напротив, и слышали, как он слово за словом рассказывал нам свою странную и невероятную историю.

Правда ли то, о чем гласит эта история, или нет, предоставляю судить вам.

Но если принять во внимание показания г-жи Блисс, экономки профессора Грегсби, горничной Алисы Бэнч и Сайлеса Тофета, исполнявшего обязанности метрдотеля за обедом — можно установить одно: был еще шестой член собрания.

В лаборатории профессора Грегсби было найдено пять трупов. Трое слуг спаслось.

Они слышали шум разгрома — «будто туда ворвалось какое-то ужасное, фыркающее и топающее ногами животное», как рассказывал Сайлес Тофет — крики жертв... но пока оставим это.

Кто был шестым членом общества, собравшегося у профессора Грегсби? Что случилось с ним? Очевидно, он не попал в число жертв Диттонской катастрофы, загадка которой не разгадана до настоящего времени.

Я говорю «до настоящего времени» вполне обдуманно. Ибо с настоящего момента ее можно считать разгаданной. Я убежден, что Александр Марвин был шестым членом собрания. Больше того, я безусловно верю его рассказу.

Покойный профессор Хэлиард Грегсби был если не популярной, то весьма выдающейся личностью в ученом мире. Его труды, особенно знаменитый трактат «Прошлое в настоящем», представляли большой интерес даже для неспециалистов.

Выдающееся положение профессора Грегсби, равно как и известность остальных четырех жертв, делает это событие особенно памятным в летописях современных катастроф.

Кроме профессора Грегсби, были д-р Харлей, выдающейся невропатолог, Смеддервик, знаменитый биолог, Артемус Биффен, популярный художник, и не менее популярный Бентлей Блэффингэм — известный импресарио, человек, который, по собственному признанию, мог быть импресарио кого угодно, от певца Карузо до дрессированной блохи включительно.

Тайна, окутывавшая их трагическую смерть, произвела мировую сенсацию. Какова была природа этого невероятно огромного и свирепого существа, появившегося, так сказать, из «ничего»? Может быть, оно было только плодом воображения, ибо первое упоминание о нем относится к моменту появления его в лаборатории профессора Грегсби, откуда неслось фыркание и топот, так образно, хоть и неопределенно, описанные свидетелями. Но если так, то что за существо напугало жителей Диттона, слышавших, дрожа от страха в своих постелях, как оно промчалось через их деревню?

Что за существо убило полисмена на портсмутской дороге, гналось за автомобилем от Григского луга до самого поворота на станцию Эшер, где оно, оставив преследование автомобиля, погналось за другим полисменом, которого тоже убило, после чего направилось через Гэмптонский двор и скрылось по направлению к Мольсейским лугам? Но предоставим слово Марвину.

— Меня зовут Александром Марвином, — начал он, — и если не считать того, что я единственный человек, видевший и переживший самую странную и самую ужасную трагедию, какую когда-либо видел свет, меня можно было бы причислить к разряду самых заурядных людей.

Так начал Александр Марвин свой рассказ, по временам прерывая его глубокими вздохами.

— Моя история, — продолжал он, — связана с именами профессора Хэлиарда Грегсби и остальных несчастных джентльменов, разделивших его судьбу. Но, за исключением Эдварда Харлея, я не знал никого из них, по крайней мере, до того рокового вечера, когда профессор Грегсби наглядно излагал свою теорию в связи с тем, о чем трактует его книга «Прошлое в настоящем», и на гибель себе и своим товарищам демонстрировал чудесные свойства *витализирующих лучей*.

Харлей и я были знакомы с детства, так как учились в одной и той же школе. Я был значительно моложе его и, будучи застенчивым и изнеженным мальчиком, не подходившим к грубым нравам общественной школы, часто пользовался его заступничеством и покровительством. Могу без преувеличения сказать, что я почти боготворил его. Когда после одного пережитого мною увлечения я впал в сильную меланхолию и, уступая настойчивым просьбам своего верного слуги, решил обратиться к врачам, естественно, что я обратился к своему старому школьному другу и покровителю, доктору Эдварду Харлею.

Годы, отделявшие нас от школьных времен, и слава, приобретенная Харлеем, не изгладили в нем памяти о нашей былой дружбе. Он приветливо встретил меня, и я так же легко, как и в старину, в моменты своих детских затруднений, рассказал ему обо всем недавно мною пережитом.

— Гм! — задумчиво сказал он, когда я окончил свой рассказ. — Значит, она бросила тебя?

Я утвердительно кивнул головой. Это была правда. Женщина, которую я любил, безжалостно бросила меня. Но я все еще продолжал любить ее...

— Гм! Ты нуждаешься в систематическом лечении.

Минуту или две он молча смотрел на меня, потом продолжал:

— Милый Дэклинг, — это мое старинное школьное прозвище, — пробовал ли ты развлечения: путешествия, театры и прочее? Нет? Ты говоришь, что не в состоянии забыть ее. Конечно, это очень трудно. Ты вечно находишься в одиночестве и беспрестанно думаешь о своем горе, тем самым создавая вокруг себя неблагоприятную атмосферу. Тебе необходимо культивировать в себе здоровое и целительное чувство общности. Тебе надо бывать в обществе и найти для себя новые интересы.

Я попробовал было возразить ему, но он даже слушать не стал меня.

— Ты поселишься у меня, — продолжал он, — и скоро увидишь результаты моего лечения. За твоими пожитками мы пошлем завтра, а курс твоего лечения начнется сегодня же. Я возьму тебя с собою на обед к профессору Грегсби. Гений ли это, шарлатан или просто безумец — я не знаю. Но я уверен, что он развлечет тебя. Раз в месяц он устраивает у себя маленькие обеды, на которых с удивительной серьезностью ведутся разговоры на абсурднейшие темы. В последний раз там говорилось о «четвертом измерении в связи с астральным планом». Какая нелепость! Не правда ли?

Я коротко согласился, что это действительно нелепость (в то время я мог согласиться с чем угодно), и поспешно возразил, что профессор вряд ли будет рад незваному гостю. Но спорить с Харлеем было бесполезно.

Профессор Грегсби жил в Диттоне. При его доме, в котором помещалась лаборатория, был обширный сад, спускавшийся до самой реки.

Вопреки моему опасению, хозяин дома ничего не имел против моего присутствия. Очевидно, Харлей телеграфировал или телефонировал ему обо мне. Я был встречен профессором и его гостями с достаточной любезностью, чтобы чувствовать себя более или менее сносно.

Обед был подан вскоре после нашего прибытия. Разговор, который велся за ним, насколько мне помнится, мало отличался от обыкновенных застольных разговоров. Только

после того, как мы отправились в курительную комнату и закурили свои трубки, он перешел на более серьезные темы.

Как совершился этот переход — я не заметил, так как был слишком поглощен своими печальными мыслями. Я отвлекся от них и стал прислушиваться к разговору лишь тогда, когда Смеддервик начал особенно страстно что-то доказывать. Он нападал на содержание последней книги профессора Грегсби. Я уже упоминал о ней. Это — «Прошлое в настоящем».

— Если бы это оставалось только теорией, — говорил он, — я, конечно, ничего не стал бы возражать. Но когда вы имеете смелость — да, именно смелость, Грегсби, — ожидать, что мы поверим...

Я припоминаю, как в разговор вмешался импресарио Блэффингэм, напомнивший, что на настоящем собрании они условились говорить о Марсе.

— О каналах, господа, о вероятной природе марсиан, если таковые существуют...

— Совершенно верно, — спокойно прервал его профессор Грегсби, — мы действительно собирались говорить о Марсе. Но если вы ничего не имеете против — мы отложим разговор о Марсе до другого раза и продолжим наш спор. Я совсем не предполагал, что мои исследования приведут к таким результатам.

— Вы утверждаете, что действительно испытали и проверили свои так называемые «факты», — вмешался Смеддервик.

— Да, — спокойно ответил Грегсби, — и, если нужно, я могу подтвердить это своим честным словом.

Смеддервик что-то проворчал, но не стал дальше спорить.

— Конечно, — продолжал профессор, оглядываясь кругом, — вы все читали мою книгу? Она вышла в свет недели три тому назад.

Все, за исключением Блэффингэма, читали ее. Блэффингэм объявил, что был очень занят, «бегая», по его собственному выражению, «по всей Европе» за какой-то знамени-

той певицей с целью заключить с ней контракт на несколько ее выступлений в опере «Ромео и Джульетта».

В этом месте Марвин прервал рассказ, вспомнив о своем несчастье, и прошло некоторое время, прежде чем нам удалось снова вернуть его к нему. Здесь вышел невольный пропуск, так как Марвин возобновил рассказ с того момента, когда профессор Грегсби проводил аналогию между пространством и временем.

— Приведенные им аргументы, — продолжал Марвин, — показались мне весьма убедительными. Все, что может быть измерено, должно иметь свое протяжение... Я сам читал книгу профессора Грегсби. Быть может, это помогло мне понять его теорию. Безусловно, оно также помогло в этом товарищам Грегсби, за исключением Блэффингэма, понявшего ее, по его словам, без чтения книги. Даже Смеддервик соглашался с логичностью этих аргументов. Суть утверждения профессора Грегсби, насколько я мог понять, заключалась в следующем: можно, будучи поставленным в надлежащие условия, наблюдать предметы во времени и перемещаться в нем точно так же, как мы наблюдаем предметы в пространстве и перемещаемся в нем.

— А каковы эти «надлежащие условия»?

Марвин убежден, что этот вопрос был задан Блэффингэмом.

— Эти условия заключаются в том, что наши чувства должны быть приближены к «протяжению времени». Время, как я уже сказал, по аналогии с пространством имеет свое особенное протяжение, — ответил Грегсби и продолжал объяснять, что мы — существа, ограниченные в восприятии вещей и в свободе передвижения, так сказать, одной стихией.

Это вызвало чье-то замечание, что часы — вещь, относящаяся ко времени, и между тем, мы без всяких «надлежащих условий» можем наблюдать за их стрелками и перемещаться за ними. Биффен поспешил загладить это неудачное вмешательство.

— Следовательно, будучи поставлены в эти условия, мы получим способность перемещаться из настоящего в прошлое и будущее?

Грегсби ответил, что его исследования еще не зашли так далеко и пока ограничились только прошлым. Относительно будущего он надеется со временем тоже добиться успеха, если ему удастся открыть известные световые лучи.

— Световые лучи? — спросил Смеддервик.

Грегсби начал говорить о световых лучах.

— Как всем известно, — говорил он, — бывают видимые и невидимые световые лучи. К световым лучам, воспринимаемым нашими чувствами, приспособлены все пространственные существа. Эти лучи освещают нам «пространственное протяжение». Вторые же... — Здесь он остановился.

— А вторые? — спросил Смеддервик.

— Назначением или функцией света является «освещать», — продолжал Грегсби. — Видимые световые лучи освещают видимый мир или то, что мы условились называть «пространственным протяжением». Вполне логичным будет допущение, что невидимые лучи освещают невидимый мир...

— Или, другими словами, то, что мы условились называть «временным протяжением»? — спросил мой друг Харлей.

— Совершенно верно. Или четвертое измерение, если вы предпочитаете этот термин. Или, если хотите, астральный план.

— Все эти разноназванные, но, очевидно, тождественные измерения, планы и прочее, — насмешливо сказал Смеддервик, — вместе с невидимыми световыми лучами позволяют нам предполагать все, что угодно...

Все с большим возбуждением заговорили разом.

— Призраки! Тени! — кричал кто-то.

— Господи! Я уверен, что они существуют! — слышался голос Блэффингэма.

Харлей и Смеддервик тоже говорили что-то в этом роде.

Весь этот шум покрыл голос профессора Грегсби.

— Повторяю, — спокойно говорил он, — я открыл и *могу применять* особые невидимые световые лучи, освещающие ту часть «протяжения времени», которую мы относим к прошлому. Кроме того, я могу тем или иным способом направить эти лучи куда захочу — на десять, сто, тысячу, сотни тысяч лет назад. Как уже было сказано, я усовершенствую

вал свой первый примитивный аппарат, и мы можем видеть существа, принадлежащие времени, существа прошлого. Мы можем воссоздать все, как оно было в тот промежуток времени, на который мы направим эти лучи.

— И эти существа будут словно призраки! — воскликнул Биффен.

— Да, словно призраки. Как я уже высказался в своей книге, случайные спектральные или относящиеся к призрачным явления, иногда и наблюдаемые людьми, по всей вероятности, обуславливаются частичным проявлением невидимых световых лучей, показывающих нам в каком-нибудь повторяющемся действии явления, некогда имевшие место в прошлом.

— Теперь, — прервал себя Грегсби, — я хочу обратить ваше внимание на следующее: я говорил о нас, как о пространственных существах. Но наряду с этим я употреблял термин «существа настоящего», термин, относящийся к «временному протяжению». Этим я не противоречил себе. Я должен обратить ваше внимание на то, что эти два протяжения не совсем разделены. В известном пункте вечно меняющегося настоящего они пересекаются. Это и заставило меня произвести некоторые исследования, результаты которых я намерен сейчас продемонстрировать перед вами.

С этими словами он поднялся среди всеобщего молчания, в продолжение которого глаза всех были устремлены на него, и пригласил всех присутствовавших последовать за ним.

Марвин помнит, что последовал за остальными в комнату, которая служила профессору Грегсби лабораторией. Он не мог подробно описать ее, но помнит, что это была длинная, задрапированная черным комната, в одном конце которой стоял аппарат, сделанный из блестящего, похожего на серебро металла и имевший вид волшебного фонаря с целой системой рычагов. Все сели. Профессор Грегсби занял место у аппарата. Дальше Марвин помнит только то, что все погрузилось в глубокий мрак.

— Ну, а потом? — спросил я. Но Марвин, казалось, за-

был, что рассказывает свою историю. Наконец он снова заговорил.

— Было темно... темно... Об этом я говорил?

— Да, — ответил я.

— Темно... Стоял непроглядный мрак... Грегсби объяснил, что когда он осветит невидимыми лучами известную часть пространства, тогда можно будет увидеть то, что происходило в ней в тот промежуток времени, на который направлены эти лучи.

После этого появилось подобие экрана с серой туманной поверхностью, освещенной слабым светом. Грегсби спросил, в какую эпоху прошлого они хотели бы заглянуть.

— Как можно дальше, — быстро ответил Блэффингэм, — этак тысяч на сто лет назад.

Это, очевидно, настроило известным образом воображение присутствующих, и все поддержали просьбу Блэффингэма.

Послышалось щелканье, точно нажали какой-нибудь рычаг, и внезапно перед ними открылась большая полукруглая стена тростника, который был так высок, что скрывал от зрителей небо. На переднем плане было небольшое открытое место болотистого характера.

В продолжение нескольких минут они смотрели на открывшуюся перед ними картину, но она оставалась неизменной.

Биффен высказал мысль, что следует переместить фокус лучей на другой период, но Грегсби сказал:

— Нет, подождем еще.

Внезапно какое-то большое крылатое существо опустилось на открытое болотистое пространство. Все увидели, что оно похоже на летающего дракона со злой, заканчивавшейся длинным клювом головой и огромными, имевшими вид кожаных, крыльями. В общем, существо имело в высшей степени отвратительный вид.

— Птеродактиль, — высказал я свое предположение.

— Да, — сказал Марвин, — и Смеддервик назвал его так.

Дальше он рассказал, что в когтях птеродактиля было мертвое тело какого-то небольшого пушистого существа, кото-

рое чудовище начало пожирать с удивительно отвратительной манерой.

В продолжение нескольких минут они смотрели на это ужасное зрелище, испытывая отвращение, смешанное с любопытством. Вдруг птеродактиль прекратил свой обед, расправил крылья, прыгнул в воздух и скрылся из вида. Очевидно, он был чем-то напуган.

Вдруг в середине болотистого места, куда спускался птеродактиль, появилось волосатое, обезьяноподобное существо с острыми ушами, которыми оно шевелило, бросая по сторонам пугливые взгляды. Это существо стояло согнувшись и жадно пожирало кровавые остатки брошенной птеродактилем добычи.

Но вот обезьяноподобное существо бросило остатки пиршества птеродактиля и, оглянувшись через плечо, убежало. Едва оно скрылось из виду, как появилось другое такое же существо, которое несло в руках большую сучковатую палку. Это был самец.

С яростным жестом он бросил свою палку вслед убежавшей самке, потом подобрал дважды брошенную добычу птеродактиля и медленно пошел за самкой, грызя на ходу свою находку.

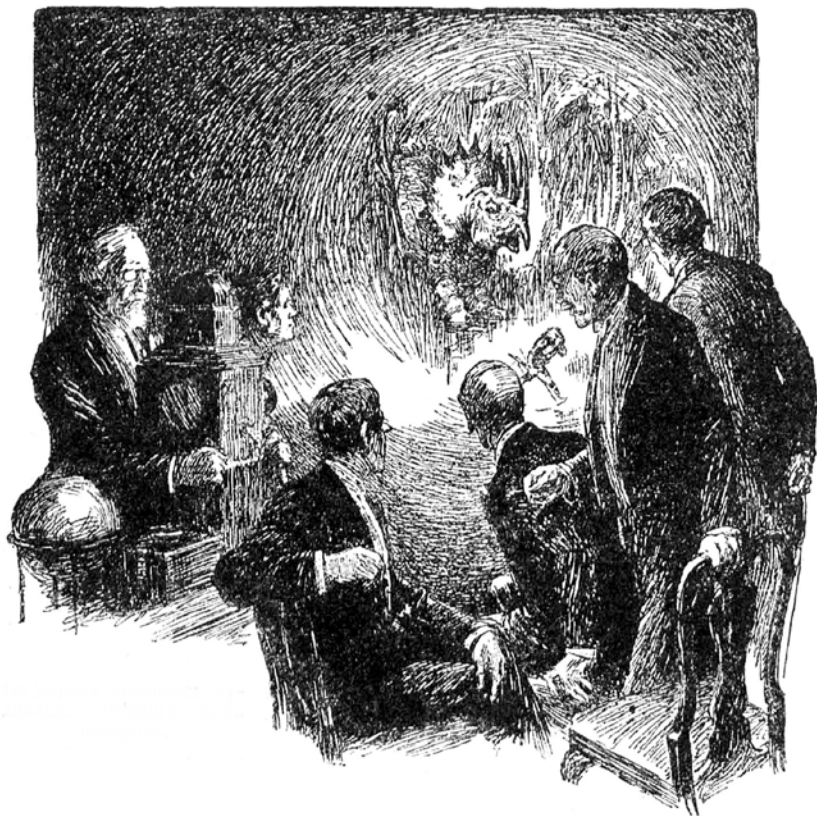
Это были первобытные люди...

Ждать новых явлений пришлось недолго.

Внезапно на узкой тропинке, которая шла через густую чащу тростника, показалось новое обезьяноподобное существо. Оно проявляло признаки крайнего беспокойства и вдруг в ужасе шарахнулось в сторону. Вслед за ним показалось десятка два таких же существ, бежавших в разных направлениях. Прежде чем они скрылись, два или три из них подошли так близко к нам, что можно было ясно рассмотреть их искаженные страхом лица. Некоторые из них были вооружены подобием топоров, другие держали в руках целые пучки копий, но многие были без оружия, которое, очевидно, где-то бросили. Когда они скрылись, тростниковая стена пришла в такое сильное волнение, будто сквозь нее проносилась сильная буря.

Сперва из волнующегося тростника показалось, очевид-

но, отставшее обезьяноподобное существо, потрясавшее в бес-
сильной ярости единственным своим оружием — малень-
ким копьём. За ним выкатилось чудовищное животное, имев-
шее, по словам Марвина, вид носорога, но такого носорога,

какого еще не видел ни один человек. Оно было необычай-
но огромных размеров — больше самого огромного слона
— с тремя большими рогами на носу и с подобием гребня
вокруг шеи. Оно остановилось, как вкопанное, у самого края
тростниковой заросли так, что его передние ноги были на
открытом месте, а задняя часть туловища оставалась в тро-
стнике.

Чудовище медленно ворочало головой, яростно сверкая своими маленькими, как у свиньи, глазами. Все присутствовавшие смотрели на него, затаив дыхание и храня глубокое молчание. Вдруг тишину нарушил голос профессора Грегсби.

— Блэффингэм! — вскричал он. — Глупец! Что вы делаете?

К нему присоединились другие голоса. Марвину казалось, что он слышал шум борьбы. Но он был так поражен видом чудовищ, что плохо разбирался в том, что происходило около него.

Он слышал спорящие голоса и среди них голос Блэффингэма, который кричал:

— Этот уж не уйдет от нас! Нет, не уйдет!

Почти одновременно произошли две вещи.

Марвин видел, как что-то мелькнуло в воздухе, и маленькое копьё вонзилось в правый глаз чудовища.

В этот самый момент послышался полный ужаса голос профессора Грегсби.

— Господи! Что вы сделали!

Вслед за тем чудовище ринулось прямо вперед... Комната погрузилась во мрак.

Топот, хрюканье и фыркание чудовища, нестерпимое злобование, крики умирающих людей...

Дальше Марвин не мог говорить.

В музее естественных наук Южного Кенсингтона стоит гигантский скелет, найденный на лугу недалеко от слияния Аймбера и Моля. Этот скелет был найден в день загадочной катастрофы. Полное научное описание его вместе с изложением обстоятельств, при которых он был найден, находятся на дощечке, помещающейся в его ногах. На его трех страшных рогах торчит скелет лошади. Но в момент открытия этих останков допотопного животного сама лошадь *не была* скелетом.

В ее теплое, истекающее кровью тело были вонзены рога гигантского скелета.

Другая странная вещь:

От развалин лаборатории профессора Грегсби по всей дороге вплоть до того места, где был найден скелет, можно было легко различить отпечатки ног огромного зверя. Они несомненно принадлежали *живому зверю*, но именно такому, *каким был много, много лет тому назад скелет*. Еще одна странная вещь: *в правой глазной впадине скелета застряло маленькое копье с кремневым наконечником...*

Ученые до сих пор не разгадали Диттонской загадки. Быть может, прочитав историю Марвина, они придут к какому-нибудь заключению.

Что касается меня, у меня есть своя собственная теория. Я полагаю, что Блэффингэм, будучи охвачен безумным желанием доставить себе, как импресарию, представителя седой древности, пустил в ход «витализирующие лучи» профессора Грегсби и оживил чудовище.

Остальное само собой понятно. Вот и вся история Марвина. Дальнейшая его судьба вряд ли интересует читателя.

Катрин Меткалф Руф

МИЛЛИОН ЛЕТ СПУСТЯ

Weird Tales

The Unique Magazine

A MILLION
YEARS AFTER

by Katharine Metcalf Roof

25¢

November
1930

Майк и Тайк, расположившись у стойки конторы экспресс-доставки, свирепо и воровато посматривали на огромную грудку подготовленных к отправке посылок. Внезапно их хищные глаза впились в скромных размеров коробку с привлекательной надписью — «Оценка 100 000 долларов». Они нашли то, что искали. Услышав повторный вопрос клерка: «Что я могу для вас сделать?», Тайк оторвал тяжелый взгляд от адреса, который несколько минут назад уже успел изучить быстрый взор Майка.

Язык у Майка также был подвешен получше, чем у Тайка. Он задал невинный вопрос, клерк ответил и, пробормотав слова благодарности, друзья ушли. Они получили необходимые сведения — пусть и не от клерка курьерской службы.

Когда они свернули за угол в темную боковую улицу, фонарь на мгновение осветил их лица, и лица эти были не из тех, что внушают прохожему доверие. Майк, кельт только по имени, был низкорослым, узкоплечим юношей с острыми черными глазами и широкой, но ничуть не обнадеживающей улыбкой. Тайк, на самом деле кельт, был крупным и приземистым, дюжим и агрессивным.

— Все запомнил? — резко спросил Тайк.

— Наизусть выучил, — с некоторым презрением отвечал Майк.

— Как по мне, все просто, — продолжал Тайк.

— Чертовски просто. Я отлично знаю тот городок. Грузовику, чтобы добраться туда, понадобится проехать полмили леса. Тут и младенец бы справился.

— Сто тысяч долларов — побрякушки, конечно, — задумался Тайк.

— Должно быть, — согласился Майк. — Но на свете есть и другие вещи, кроме камешков. Му-узеи готовы платить за них большие деньги.

— Так посылка едет в му-уз-зей? — воскликнул Тайк. — Кажется, я не дочитал до конца адрес. Этот парень полез со своими вопросами...

Улыбка Майка выражала превосходство высшего разума, но он лишь сказал:

— Они поедут сегодня вечером.

2

Вечером Тайк и Майк, с масками на лицах и автоматическими пистолетами в руках, притаились в самой глубокой тени окаймленной лесом дороги, ведущей к музею.

Ожидание затягивалось. Майк в десятый раз вполголоса проклинал «городишко», «музей» и водителя грузовика. Тайк, ненавидевший дикую природу и вообще все, что не было городским тротуаром, в тысячу раз больше Майка, снова проклинал своего товарища за характерную для него словесную несдержанность.

— Откуда тебе знать, что может прятаться вокруг нас в этих теньях? — прорычал он. — Я всегда говорил, что тебе не стать первоклассным мошенником — мозгов не хватит. Когда-нибудь из-за твоей болтовни мы оба отправимся в гробах вверх по реке.

Заурядный треск ветки напугал двух героев тротуара, непривычных к таинственным голосам леса, и послужил подтверждением слов Тайка. Майк придержал язык. Его сердце бешено колотилось.

— Что-то едет, — внезапно прошептал он и крепче сжал рукоятку пистолета.

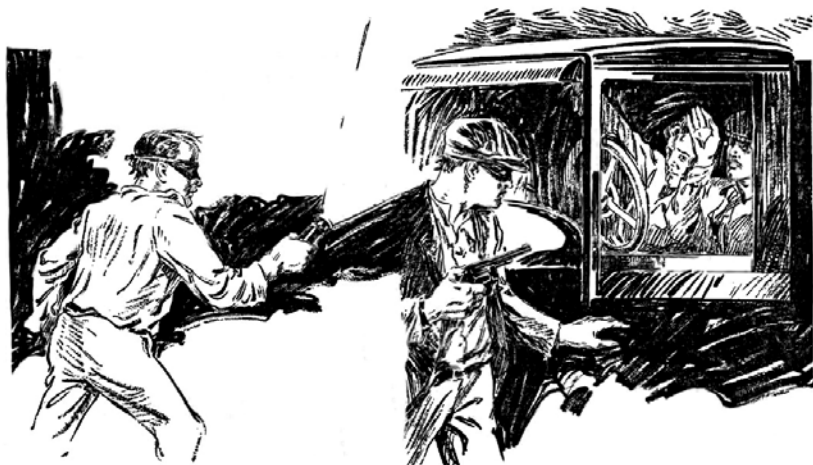
В следующее мгновение большой грузовик с последней экспресс-доставкой въехал в тень на дороге, совсем темной сейчас, в декабре, в половине шестого. На переднем сиденье тряслись двое мужчин. Водитель ворчал:

— К черту их. Как будто это не могло подождать до утра. Неужели музей так спешит со своим старым хламом, что должен обязательно получить его сегодня вечером?

— Для нас оно, может, и хлам, — ответил его помощник, — но если это обошлось в сотню тысяч долларов музею или кому-то еще — пусть лучше лежит в музейном сейфе.

Едва он договорил, как ночную тишину нарушил громкий приказ остановиться, и в свете фар грузовика курьеры увидели двух мужчин в масках, стоящих посреди дороги. Быстро последовала команда «Руки вверх», и пойманные в ловушку люди в грузовике молча подчинились. Операцией, как позже рассказали они, руководил тот бандит, что был ниже ростом.

— Держи их на мушке, пока я буду искать, — тихо приказал он.

Дюжий детина в маске послушно целился в курьеров, в то время как его напарник залез в кузов грузовика и с помощью электрического фонарика быстро осмотрел его содержимое. Грузовик был легко нагружен несколькими сундуками и ящиками и менее чем дюжиной небольших свертков.

Долго искать не пришлось. Сжимая в руке коробку длиной чуть больше фута с запомнившимся адресом, Майк спрыгнул вниз.

— Извините, но я думаю, нам придется подержать вас некоторое время здесь, — известил он пленников. Держа коробку в одной руке, а автоматический пистолет в другой, Майк отдал неслышный приказ своему сообщнику. Тайк свя-

зал двух курьеров, заткнул им рты кляпами и поместил их в кузов грузовика, который затем отвели на обочину, чтобы избежать любопытных глаз какого-нибудь запоздалого прохожего.

Благодаря долгой практике Тайк мастерски проводил подобные мероприятия. Вскоре все было кончено и здоровяк присоединился к своему напарнику на дороге.

Зловещая черная маска маленького на миг повернулась к двум человеческим сверткам в кузове.

— Вот и все, — пробормотал он, выразительно взмахнув рукой, и под краем черной маски мелькнула тень его никак не обнадеживающей улыбки.

3

Улыбка, однако, исчезла час спустя, когда Майк и Тайк, укрывшись в сарае на берегу болотистой реки в нескольких лигах от ограбленного музея, нетерпеливо открыли крышку драгоценной коробки. Поток последовавшей брани здесь передавать не к чему. Внутри множества оберток, которые вполне могли бы скрывать знаменитый алмаз «Кохинур», находился овальный предмет длиной около шести дюймов, разительно напоминавший черствую булочку. Этот предмет, лежавший на маленькой умелой ладони вора в ярком луче фонарика, казался самой бесполезной вещью, какую только можно себе представить.

— Что это, черт возьми, такое? — взревел Тайк, когда снова обрел дар речи. — Какой-то ---- рыхлый камень!

Майк, привыкший сосредоточиваться на главном, мрачно оглядел их добычу.

— То ли какой-то подвох, то ли...

— Какой-то болван решил разыграть другого простофилю, — прорычал Тайк. — Вот как я это вижу.

— Или какой-нибудь гад устроил трюк, чтобы нас подловить, — медленно закончил Майк.

Поскольку его спутник хранил молчание и впал в явную

панику, услышав это предположение, Майк продолжал:

— В таком случае лучшее, что мы можем сделать, — это избавиться от камня.

— И очень просто. Брось его в ручей, — злобно предложил Тайк. Ему страстно хотелось разбить на куски каменную булочку в руке Майка. Но после нескольких лет общения с Майком он довольно хорошо усвоил дисциплину и воздерживался от поспешных действий.

Майк поднялся, как будто собираясь так и поступить, затем неуверенно остановился, глядя на таинственный предмет.

— Некоторые вещи в му-зеех нам кажутся ерундой, а они очень их ценят, — скромно заявил он. — Будь я проклят, если могу понять, как такая вот штука может пригодиться смертному, и все же...

— Ну, если ты так считаешь, можно его и сохранить, — сказал Тайк. — Камень-то маленький.

— Но на случай, если это все-таки ловушка, — продолжал размышлять вслух Майк, — я бы хотел сейчас от него избавиться. Если камень такой ценный, поднимется большой шум. Но даже тогда мы не сможем быть до конца уверены, что все чисто. Короче, подождем, послушаем, а потом и достанем его. Надеюсь, он чего-нибудь да стоит, если эта надпись на коробке не врет.

— Точно! — быстро согласился Тайк. — Спрячем камень где-нибудь здесь.

— Закопаем его, а коробку сожжем в печи, — сообразил Майк, указывая на полуразвалившуюся дровяную печь у задней стены сарая.

Вскоре в покосившейся печурке заревел огонь, и улика превратилась в пепел. Затем Майк в сопровождении Тайка спустился по берегу к медлительному извилистому ручью, черному и безмолвному под безлунным небом. Там, подальше от людских глаз, они закопали похожий на черствую булочку предмет в незамершей и все еще мягкой в этот теплый декабрь земле.

Заброшенная птицеферма, к которой относился сарай, располагалась в одном из тех безлюдных, густо поросших лесами уголков, какие все еще можно найти в каждом штате нашей обширной страны. В малонаселенном и уединенном округе активно развивалась отрасль, ставшая очень распространенной и прибыльной с момента принятия Восемнадцатой поправки.

В один ранний июльский вечер, через семь месяцев после краткого визита Тайка и Майка, в так разочаровавшем бандитов сарае сидела группа мужчин.

Празднование было в самом разгаре. Пятеро участников, деливших большую и легкую прибыль от своего ремесла, в данный момент сменили доход на прием внутрь. Иначе говоря, они уже какое-то время дегустировали собственные товары. Некий краснолицый джентльмен по имени Джейк был очень весел, но другой шотландец, длиннолицый Энди, казалось, был полон дурных предчувствий. Третий, которого остальные звали Пэт, дал волю полету кельтской фантазии.

Из двух оставшихся один, самый младший, которого звали Эдди, был склонен к сентиментальности, а Рейнджер, пятый, седовласый грешник, мирно дремал, прислонившись к стене.

Пэт выступал с длинным драматическим повествованием, которое Джейк и Энди частично пропускали мимо ушей.

— Ерунда какая-то, — решительно заявил Энди, когда Пэт сделал паузу, готовясь продолжить речь. — Я в это не верю. Как могла змея размахивать головой в верхушках деревьев? Кто когда-нибудь видел такое?

— Только это не змея, это вообще была не змея, — воскликнул Пэт. — Ты вот слышал о змее, которая грызла бы ветки и металась в кустах? Змеи тихие, как могила, и ползают по земле. А эта поднимает громкий шум, совсем как бык.

— Желтый дом, — неожиданно высказался сонный Рейнджер, проснувшийся в своем углу. — Никогда и никому не

позволяй слышать, как ты так говоришь, мой мальчик, иначе тебя упекут.

Пораженный этим внезапным осуждением со стороны крепко спавшего до сих пор Рейнджера, Пэт на мгновение замер, уставившись на него с открытым ртом, но долго искать защитника ему не понадобилось.

— Сам ты желтый дом, — тепло отозвался жизнерадостный Джейк. — Пусть парень расскажет свою историю. Это похоже на один из тех фильмов о диких животных из Африки. Скажи нам еще раз, где ты видел зверя?

Воодушевленное поддержкой, кельтское пламя вспыхнуло снова.

— Там, меньше чем в двадцати футах отсюда, — начал Пэт шипящим шепотом. — Была ночь, и я пришел сюда — ну, вы знаете — с большими ящиками ванильной содовой.

Общий смех приветствовал эту знакомую дружескую шутку.

— Вдруг я услышал звук вон там, в кустах, шорох, треск и барахтанье, как будто чья-то корова сбежала и запуталась в своей веревке. Я стоял неподвижно и прислушивался. И тут я увидел что-то длинное и тонкое над верхушками деревьев — похожее на длинную шею. Она заканчивалась головой вроде змеиной, только больше, и колыхалась на фоне неба над верхушкой вон той, самой высокой сосны.

Вся аудитория Пэта теперь слушала, очарованная драматическим кельтским даром. Его голос снова понизился до шепота.

— Я стоял неподвижно, прислушивался и вглядывался в глубокие тени — и как вы думаете, что я увидел? Темновато было, но ошибиться я никак не мог. Огромное тело, как у черепахи или ящерицы на задних лапах, только эта была величиной с самого большого слона, которого вы когда-либо видели в зоопарке. Я подошел ближе и смог разглядеть огромный хвост, похожий на хвост ящерицы; он тянулся далеко позади и хлопал по земле.

Пэт сделал паузу, но ни один голос не нарушил зачарованной тишины. Теперь он завладел вниманием слушателей. Даже Рейнджер окончательно проснулся и наклонился

вперед, вглядываясь в рассказчика. Джейк первым решился разрушить чары и спросил таким же шепотом:

— Что это было?

Пэт откинулся назад.

— Я и спрашиваю себя с тех пор, что это было, — выдохнул он. — Во имя Бога, *что* это было? Знаю только, что вы такое никогда не встречали раньше на этой бескрайней земле.

В волшебную тишину вторгся грубый смех Рейнджера.

— Уверен, ты выпил больше, чем положено, Пэт Макдональд, — воскликнул он. — Мы все знаем, как оно бывает, когда люди видят слоновьих черепах со змеиными головами, которые лазают по деревьям и продираются сквозь подлесок.

— Это евангельская истина, — вскричал Пэт, повысив голос. — Клянусь вам, это правда. Я не капли в рот не взял и видел эту штуку там, у реки — я готов поклясться в этом всеми святыми.

За его страстным заявлением последовало молчание. Искренность Пэта вновь покорила аудиторию. И пока они сидели, представляя в воображении увиденное Пэтом, новый звук нарушил тишину. Это был обычный в лесу треск ветвей, но все обратили на него внимание.

— Тсс! — прошептал Пэт, подняв палец. Бутлегеры слушали, затаив дыхание, что было даже излишним — такой громкий шум они слышали бы и в разгар самого жаркого спора.

— Как большая корова, заблудившаяся в кустах — ты это сказал, Пэт Макдональд, — воскликнул Джейк. — Давай посмотрим на твоего зверя.

Джейк поднялся, и Рейнджер, усмехаясь, в одно мгновение оказался на нетвердых ногах. Энди, мрачный участник вечеринок, и Эдди, проявлявший склонность к слезам, встали медленней. Только Пэт, казалось, не торопился продемонстрировать остальным доказательство своей истории.

— Давай, парень, что тебя держит? — грубо подбодрил его Рейнджер. — Ты рассказал нам отличную сказку. Кого волнует, что это выдумка?

Подстрекаемый таким образом, Пэт поднялся.

— Это правда, и я не горю желанием снова увидеть рептилию, поэтому и не тороплюсь, — воскликнул он. — Но я иду. Не бойся, я иду.

Вся компания покинула бывший курятник. Стоя у безмолвного ручья, бутлегеры повернулись лицом в направлении звука. С минуту они простояли так; затем Рейнджер почувствовал у себя на руке стальную хватку пальцев Пэта.

— Вон там — у большого клена — смотри!

Рейнджер посмотрел. Все смотрели, застыв в ледяном молчании. Возглас ужаса, вырвавшийся у Эдди, разрушил чары. Мгновение юноша стоял, уставившись с побелевшим лицом на движущуюся голову и длинную змееподобную шею, смутно видневшуюся в верхушках деревьев, а затем с пронзительным криком сорвался с места.

Энди стиснул в кармане рукоятку револьвера.

— Давайте, ребята, покончим с этим, что бы это ни было. Это зрелище не для христианина.

Но Джейк, чьи румяные щеки теперь побледнели, запротестовал.

— Ты уверен, что твоя маленькая пулька убьет его? И куда ты будешь стрелять? В ту крошечную головку наверху? Или в это туловище ящерицы внизу, огромное, как сарай?

Но Энди и Пэт были готовы к странной охоте. Рейнджер растерял весь свой насмешливый скептицизм и следовал за Джейком на безопасном расстоянии.

Существо, по-видимому, еще не заметило их приближения. Оно продолжало неторопливо объедать листья с верхушек деревьев. В нескольких ярдах от него Пэт споткнулся и с громким шумом рухнул в кусты. Энди повернулся к товарищу, яростно ругаясь. Джейк бесстыдно пустился наутек, но Рейнджер не стал убегать, потому что обнаружил удивительную вещь.

— Оно глухое! Эта штука *глухая*! — воскликнул он. — Она не слышала ни звука! Стреляй, Энди, ты у нас меткий стрелок. Влепи ей сейчас же.

— Разве я не говорил тебе, что это что-то вроде змеи? — прошептал Пэт. Рейнджер заметил, что зубы молодого ир-

ландца стучали, хоть он и не собирался бросаться в бегство.

— Он не слышит и не видит нас, — продолжал Рейнджер. — Но все-таки каким-то чутьем все звери узнают, что к ним подбирается человек.

Трое мужчин приближались к существу, с каждым шагом двигаясь все медленнее, пока не оказались примерно в пятидесяти футах от него. Затем что-то — не то зрение, не то инстинкт — будто предупредило зверя об их присутствии. Маленькая черепашня голова внезапно спряталась под верхушки деревьев, послышался треск ветвей, становясь все громче, пока громадное существо возилось и дергалось в зарослях. Вдруг оно высвободилось и бросилось на открытое пространство. На миг его стало полностью видно на фоне неба — колоссальное создание с невозможными очертаниями, такими, как описал Пэт, но в то же время затравленное, беспомощное, ищущее укрытия. Зверь, напоминавший ящерицу титанических размеров, передвигался на задних лапах, его короткие передние конечности, заканчивавшиеся гигантскими когтями, свисали, как руки, близко к груди. В следующее мгновение треск ветвей раздался снова и существо исчезло, по-видимому, найдя убежище в болотистом лесу поодаль.

— Мать Божья! — выдохнул Пэт. — Кто создал такую тварь? Это наверняка... одна из ошибок Бога.

Возможно, из-за испаряющейся природы того вида мужества, что несправедливо называют «голландским», никто и не подумал продолжать охоту в ту ночь. На следующий день бутлегеры перенесли базу своих операций в другое место.

По округе ходили странные слухи.

Маленькая Лили Стормс, сбежавшая с наступлением темноты, в истерике вернулась домой, рассказывая о большом звере в лесу. Старый Тимоти Доул ворвался на соседскую

кухню, бормоча что-то о ящерице размером с дом. Наконец, Сайлас Грейсон, молчаливый, богобоязненный человек, член церковного совета и дьякон, торжественно засвидетельствовал, что в лесах Пульсиферов, несомненно, обитал какой-то сверхъестественный зверь. На этот раз жители Пулхэм-Корнерс выслушали историю Сая Грейсона с благоговением и уважением.

— Звучит как зверь из Откровения, — сказал седой Элайджа Уильямс, другой дьякон, и пробормотал себе под нос нечто в том духе, что дела в последние несколько лет и так шли неважно и вполне можно было ожидать какого-то Судного дня.

— Похоже, тебе следует изучить это существо, — заметила его дородная и деятельная жена.

Элайджа уклонился от ответа.

— И как прикажешь это сделать?

— Может быть, получится его отравить, — задумчиво предположила изобретательная женщина.

— Возможно, — смущенно согласился Элайджа. Он поделился идеей жены с Саем Грейсоном, которого нашел сидящим на бочонке в бакалейной лавке на углу. Сай странно фыркнул.

— Разве что во всех лавках Пулхэм-Корнерс найдется достаточно крысиного и тараканьего яда, — сказал он. — А может, яд придется существу по вкусу. И где ты станешь его разбрасывать?

Лицо Элайджи вытянулось.

— Не отрицаю, что это трудные вопросы, — признал он. — И все-таки не можем допустить, чтобы это существо жило и, возможно, *росло*, — Сай заметно вздрогнул при этом предположении, — в наших лесах. Что, если там живут и другие? Целое семейство...

Сай Грейсон резко встал с бочонка из-под муки.

— Я не чувствую склонности обсуждать это прямо сейчас, — коротко заявил он. И, взяв с прилавка солидную упаковку консервов, член церковного совета удалился.

Элайджа, лишившись собеседника, печально посмотрел по сторонам.

— Все это очень хорошо — выдвигать возражения и ни о чем не думать. Но мы не можем допустить, чтобы такое происходило прямо здесь, в наших лесах, — обратился он к односельчанам.

Группа в бакалейной лавке, включавшая и седовласого мужчину с непростой биографией по имени Рейнджер, согласилась с Элайджей в том, что необходимо что-то сделать и каким-то образом уничтожить таинственное существо. Но как?

6

В конце октября Майк и Тайк решили совершить еще одну поездку на заброшенную птицеферму. Похищение коробки из грузовика экспресс-доставки оказалось самым загадочным событием в их полной приключений жизни. Из музея не поступило никаких жалоб по поводу пропажи камня, и мошенники, опасаясь обмана, оставили свою разочаровывающую находку там, где они ее закопали. Но однажды, несколько месяцев спустя, Майк обнаружил в вечерней газете небольшую заметку, где говорилось о потере, понесенной неким богатым загородным музеем в декабре прошлого года. Многие из того, что следовало далее, было совершенно непонятно Майку, но после интенсивных размышлений над предметом и посещения публичной библиотеки смысленный бандит пришел к приблизительному пониманию природы украденного сокровища. Затем возник вопрос, как он и его партнер могут извлечь из этого деньги. Вопрос был сложным, но как только нашелся ответ, Майка и Тайка можно было увидеть выходящими из поезда на железнодорожной станции, ближайшей к заброшенной птицеферме, где было захоронено таинственное сокровище музея.

Им было приятно увидеть, что заброшенный сарай все еще оставался на месте и был по-прежнему заброшен. В нем обнаружилось много следов сравнительно недавнего пре-

бывания людей, но Майк заключил, что те в спешке покинули сарай летом прошлого года, оставив газету, датированную 3 июля.

Обнюхав сарай, как пара подозрительных псов, Майк и Тайк, вооруженные маленькими острыми лопатками и фонариками, отправились на поиски своего зарытого сокровища. Майк, человек в своем роде аккуратный, ожидал найти его сразу, но по истечении часа кропотливой работы закопанный объект так и не был выявлен.

— Очень странно, — лаконично проворчал Майк, в то время как Тайк красочно выругался. — Те музейщики его не нашли — это я знаю. Никто другой не мог бы знать, где искать. Оно должно быть здесь. Скоро найдем, это только вопрос времени... И все же я мог бы поклясться...

Они снова согнули спины в непривычном физическом труде, но никак не могли найти пропавший клад. Как раз в тот момент, когда Тайк объявил перерыв и с отвращением уселся на ближайший камень, тишину нарушил громкий треск в кустах.

— Должно быть, сбежала чья-то корова или лошадь, — сказал Тайк, немного послушав. — Лучше бы нам немного разровнять эту рыхлую землю, верно? Кто-нибудь из местных обязательно пройдет мимо.

Майк, осознав мудрость предложения Тайка, начал пешно разравнивать взрыхленную землю. Тайк продолжал мрачно сидеть на камне. Его фонарик бросал в лесную тень причудливые стрелы света. Внезапно у него вырвался крик, подобного которому его напарник никогда не слышал за многие годы криминальных приключений.

Мгновенно напрягшись, Майк выпрямился, и крик чисто животного ужаса, сорвавшийся с его губ, был больше похож на вой зверя, чем на вопль человека. В следующее мгновение двое бандитов дружно пустились наутек.

В тот же миг источник ужаса кинулся на них. Майк, физически более сильный, хотя и меньшего роста, продираясь сквозь подлесок, оказался ближе к тропинке. Как в кошмарном сне, он бежал, не в силах спастись. Теперь уже близко, позади него... глухие удары огромного мягкого тела о ство-

лы деревьев, скрежет когтей о ветви... Ближе, еще ближе, но, как ни странно, из змеиной глотки не вырывается ни звука, не слышно учащенного дыхания... теперь зверь прямо позади, совсем близко, но всего в нескольких футах цель, открытая дверь сарая, шанс выжить. Сердце Майка буквально разрывалось на части. Он удвоил свои усилия. Но тут, почти на расстоянии вытянутой руки от засова, лоза с жесткими волокнами подставила ему подножку, и в следующую минуту — острое ощущение рвущих тело когтей, раскаленных докрасна ударов, яростных всплеск боли в дрожащей плоти, затем — забвение.

7

В хозяйственном магазине Дикона Пульсифера, служившем также почтовым отделением Пулхэм-Корнерс, группа сидевших на бочонках и ящиках мужчин обсуждала предстоящие выборы. Удар во входную дверь прервал громкое гнусавое пророчество дьякона Уильямса, и внутрь, расталкивая собравшихся, ворвался незнакомец с диким выражением лица, растрепанный, в разорванной одежде и совершенно запыхавшийся.

— Быстро! берите оружие, оно приближается, — выдохнул он, тяжело дыша. — Ради Бога, поторапливайтесь, пока оно не добралось до нас!

Большая часть группы уставилась на него, открыв рты, но Сайлас Грейсон внезапно посерьезнел.

— *Что приближается?* — настойчиво спросил он.

— Это... это... Бог знает, что оно такое! — задышался Тайк. — Но оно гналось за нами — вон там — в лесу.

Случилось так, что среди собравшихся был Сэм Хилл, деревенский констебль, и его официальный взгляд упал на выпуклость в кармане Тайка.

— Я вижу, у вас самого есть пистолет, — сказал он. — Почему вы не стреляли?

— Оно напугало меня до смерти, — признался Тайк. —

Так было бы и с вами, если бы вы его увидели. Но я прекрасно знаю, что *кто-то* должен покончить с ним, не то нам всем придет конец.

Сэм Хилл подошел к двери и открыл ее. Сайлас Грейсон последовал за ним. Они вышли на клочок неровной травы перед магазином, освещенный светом из витрины.

Потом они увидели это. Впоследствии они описывали это по-разному. Что-то похожее на кенгуру с длинной змеиной шеей, но даже в неверном ночном свете, какое-то отвратительно иное, потустороннее. Оно бежало на задних лапах по дороге, странно постукивая когтями по камням. И тогда Сэм Хилл — он был храбрым человеком и заслужил честь носить значок — поднял свой автоматический пистолет и выстрелил. До следующего дня он не знал, попала ли его пуля в цель или нет. Все, что они знали — это то, что, пока они стояли там, сбившись в кучку, огромная ужасная тварь пробежала мимо них, затмив небо — распространяя странный запах, похожий на мускусный, сырой, как запах обитателя болот — пробежала мимо них по почтовой дороге в сторону города, где стоял музей, который Майк и Тайк год назад лишили двусмысленного сокровища.

Только через несколько часов, когда все постепенно пришли в себя, констебль заговорил.

— Если оно пробежит мимо музея, может, его кто-нибудь поймает и набьет соломой. Тогда мы узнаем, ребята, что это такое.

Но Сайлас Грейсон, сильный человек и не трус, вздрогнул и закрыл глаза.

— Я не хочу видеть это снова, никогда и нигде, ни чуе-лом, ни живым, — сказал он. — Я больше *никогда* не хочу на это смотреть.

По странному стечению обстоятельств, существо нашли возле музея: оно пало в конце своего долгого бега от пули Сэма Хилла. Оно перегораживало проезжую часть, закры-

вая вид на музей сквозь деревья и значительную часть неба, огромная отталкивающая туша, похожая на рептилию, но не покрытая чешуей, со странным рисунком в виде пятен ярко-зеленого и оранжевого цветов; монстр, живший сто миллионов лет назад, когда земля была молодой, а люди еще не были сотворены; огромный, могущественный, но уязвимый, как насекомое, для современного оружия, созданного человеком. Его челюсти, маленькие по сравнению с размерами тела, были оттянуты назад в странном и болезненном подобии улыбки. Никто из собравшей толпы не захотел долго смотреть на него, кроме хранителя музея, и даже тот в конце концов отвернулся с чуть побелевшими губами.

— Никто не должен прикасаться к этому, — распорядился он. — Это величайшая находка со времен эры человека, но возникает небольшая проблема с тем, как ее удалить, и при этом придется столкнуться с немалой бюрократической волокитой... Существо, без сомнения, вылупилось из потерянного яйца динозавра, которое невесть где и как таинственно созрело само. Мы считали, что яйца динозавров давно окаменели в скалах, но в этом зародыш жизни каким-то чудесным образом не был уничтожен.

И куратор, с раскрасневшимися худощавыми щеками и сияющими спокойными глазами, продолжал рассказывать толпе о непристойной исполинской туше, лежавшей в лучах утреннего солнца.

Место огородили, а транспорт направили по нижней дороге. С обеих сторон туши стояли полицейские, чтобы никто не мог беспрепятственно приблизиться к ней. Толпа была невелика. Никто из тех, кто побывал здесь один раз, больше не возвращался.

Но, несмотря на достаточно усиленную охрану, в ту ночь произошло судьбоносное событие. По обе стороны дороги, рядом с тем местом, где лежало таинственно возродившееся вымершее чудовище, стояли два старых амбара, набитых сеном.

Неосторожный рабочий с фермы бросил окурок и пошел своей дорогой. Полчаса спустя амбары превратились в сплош-

ное ревущее пламя. Прежде, чем кто-либо из полицейских смог добраться до ближайшего бокса пожарной сигнализации, все было кончено. Лето выдалось засушливым.

В этом могучем пламени, в этом бушующем погребальном костре погибли останки гигантского монстра, не оставив никаких следов его одинокого воскресения и страдальческой смерти, кроме нескольких обугленных костей, не имеющих никакого сходства с современными скелетами — словно Бог существующих вещей не хотел, чтобы утраченные и сокрытые творения ранней гротескной эпохи созидания сохранились даже в виде образа перед глазами человека.

Реконструируйте чудовище, как сможете, по титаническим скелетам в музее — этого достаточно. Полноценный монстр, наделенный жизнью, не предназначен для наших глаз. Даже куратор музея, описывая его, немного дрожит и бледнеет. В остальном достаточно будет привести слова констебля Сэма Хилла:

— Хотел бы я никогда не видеть проклятую рептилию — она вроде как мерещится мне по ночам. Говорят, люди не являлись на землю, пока все не стало слишком мелким и твердым для этих самых динозавров, и это, я так понимаю, доказывает одно: Бог не хотел, чтобы глаза человека смотрели на них. Хорошо, что то чудовище сгорело, вот как я скажу. Что такое сто тысяч долларов и вымершая рептилия по сравнению с душевным спокойствием?

Юл Регис

ЛЕДЯНАЯ ЗАГАДКА

— Ладно, ребята, — сдался старик-капитан на наши просьбы, — расскажу об одном происшествии, какого и нарочно не выдумаешь.

Он отложил свою трубку и, порывшись в объемистом бумажнике, вынул из него две измятые и засаленные газетные вырезки.

— Я открою вам истину об источнике того удивительного события, которое произошло на окраине Сибири зимой 1896-97 года.

В ту зиму я плавал вдоль берегов Сибири на шведском китоловном судне «Белый Медведь», и история, которую я вам расскажу, **ВЫЯСНИТ** причину странных событий **1896** года.

Для тех из вас, кто случайно ничего о НИХ не знает, я прочту эти две газетных вырезки.

Декабря 29-го, 1896 г.

Замечательное открытие

Утром в 1-й день Рождества, русский охотник, пришедший в поселок П., рассказал жителям, что он видел в нескольких милях к северу от поселка свежие следы какого-то колоссального зверя. Лично он думает, что это следы мамонта. Если рассказчик не ошибается, то этот факт является мировой сенсацией. Наш корреспондент должен добавить, что толстый слой вновь выпавшего снега уже скрыл в настоящее время следы, обнаруженные охотником.

Января 9-го, 1897 г.

Гость из допотопных времен

Неделю назад мы поместили коротенькую заметку о странном открытии, сделанном в неисследованной области

Сибири. Это открытие подтверждается, как оказывается, и из другого источника.

Если верить одному из искавших следы неизвестного животного, эскимосу Амзалику, то он свел с удивительным зверем довольно близкое знакомство. Он разыскивал следы до самых сумерек, пока начавший падать снег не сделал эти поиски безнадежными. Он уже собирался вернуться, как в темноте услышал шум, похожий, по его словам, на треск льда весною. В следующее мгновение зазвучали по замерзшей земле тяжелые шаги и неуклюжая гигантская тварь необычайного вида промчалась так близко около него, что он едва успел отскочить в сторону. Животное, несомненно, чем-то или кем-то было испугнуто, быть может самым Амзаликом. После того, как рассказ эскимоса стал известен, множество охотников устремилось искать таинственного зверя.

Когда эти заметки появились в печати, я с моим судном мерз в Полярном поре, но мне потом говорили, что читатели газеты очень заинтересовались ими.

Много приводилось фантастических гипотез о появлении зверя; каждый строил свои предположения о том, откуда он явился. Между тем, истина была фантастичнее всех этих фантазий.

Надо вам сказать, что в 1896 г. я отплыл 1-го августа из Гаммерфорста в качестве капитана китобойного судна «Белый медведь», которое впоследствии, весной 1899 года, затонуло от столкновения с ледяной горой невдалеке от Архангельска.

План нашей экспедиции был обычный: продвигаться вдоль северных берегов Европы и Азии настолько далеко, насколько это окажется возможным, охотясь в пути за китами и тюленями, которых в этих местах год от года становится все меньше и меньше.

Экспедиция не носила характера чего-либо необычайного. Попытки регулярной охоты за китами в тамошних водах делались еще с середины 1800-х годов. Плавание обычно продолжается в таких случаях около года. За лето ста-

раются проникнуть возможно дальше, зиму перезимовывают во льдах и весной возвращаются с грузом китового и тюленьего жира. Мы таким образом плыли вдоль берега от Колы и Канина в направлении к Калугеву, — прогулка более длинная в действительности, чем на карте. Нам повезло. Через 3 месяца мы имели возможность выгрузить полный трюм на компанейской станции на Новой Земле. Поощренные таким успехом, мы пошли дальше к востоку, так что к началу зимы оказались на 114° вост. долготы в море Норденшильда, следуя тем самым курсом, которым шла его «Вега». Тут, в устье Ханготанского залива, мы решили зазимовать и начали готовиться к нашему временному здесь пребыванию.

Окружавшая нас обширная ледяная пустыня утомляла глаз своей монотонностью. Куда ни глянь, всюду расстилось безграничное белое пространство. Исключением являлся небольшой островок, лежавший метрах в 50 от места стоянки судна и отделенный от твердой земли узкой полосой пролива. Это была скала, вершина которой возвышалась на тысячу метров от уровня моря. Этот остров, не отмеченный на картах, команда нашего судна окрестила «Островом отшельника». Пока корабль окружался со всех сторон льдом, мы строили на островке свое зимнее жилище. Наш новый приют состоял из двух комнат: большой и маленькой. В первой поселилась часть судовой команды, во второй — гарпунщик Иенсен, контролер от фирмы, на которую мы работали, — Берг, любимый всеми нами за свой хороший характер, — и я. На судне были динамо-машины, так что наше помещение освещалось и отапливалось электричеством.

Жизнь все же была невеселая. Сидя за поздним завтраком 24-го декабря, все мы втайне хотели, чтобы случилось хоть что-нибудь, что внесло бы разнообразие в нашу жизнь, и наше желание неожиданно для нас исполнилось.

Мы еще не кончили завтрака, как в комнату влетел наш корабельный повар в сопровождении одного из матросов. Пораженный их вторжением, я спросил, что им надобно; но повар понес такую путаницу, что матросу пришлось прийти к нему на помощь.

— Замечательное открытие, капитан, — сказал он. — Идемте с нами, взгляните на него сами.

Я встал и, не тратя время на расспросы, пошел за ними; четверо моих застольных товарищей последовали моему примеру.

Провожатые привели нас к подножью утеса, около которого уже собралась большая часть команды корабля. Мы подошли к ним по глубокому снегу. У отвесной стены, образующей одну из сторон утеса, скопилась на протяжении долгих лет громадная глыба льда. Повар обнаружил ее случайно, разведя костер вблизи скалы, чтобы обратить снег в пресную воду.

Результат получился неожиданный. Огонь растопил часть ледяной глыбы, и когда повар случайно взглянул в образовавшееся углубление, он от изумления сел прямо на снег. Тем временем огонь продолжал свое дело, и когда мы подошли к скале, впадина во льду была уже глубиной более 2 метров. В этом, конечно, не было ничего удивительного, но сквозь тонкую ледяную стену ясно вырисовывался контур какого-то исполинского животного. Окруженные голубым льдом, были видны уже два кривых клыка длиною каждый в рост человека.

— Ого! — воскликнул Берг. — Побольше топлива, мы освободим из льда эту штуку.

Дров принесли, и костер затрещал и разгорелся.

Пламя бросало красный свет на ледяную массу, и ее тени казались темно-фиолетовыми, вдали переходящими в голубые.

Высоко над нами заискрились звезды, и широкая полоса северного сияния охватила полнеба. Костер, заливаемый тающим снегом, трещал и дымил снизу, но ярко горел сверху, питаемый сухим кустарником, который во многих местах, защищенных от ветра, вел борьбу с арктическим холодом.

Вокруг пламени костра столпилась вся команда «Белого медведя», с недоумением посматривая друг на друга.

Контур громадного зверя выступал внутри ледяной глыбы все отчетливее и отчетливее. Лед становился с каждым мгновением тоньше и прозрачнее. Наконец из-под него по-

казалось черное пятно, оно росло и обнаружило коричнево-серую шерсть чудовища.

— Это мамонт! — крикнул Берг.

Да, это был мамонт. Мои матросы собрались уже высвободить животное из льда топорами, но я запретил им это, боясь, чтобы они не испортили шкуру. Лед медленно стаивал, и наконец, великан высвободился из его оболочки.

Неуклюжая тварь имела около 4 метров высоты и $4\frac{1}{2}$ в длину, длина же хобота была больше роста самого высокого из нас.

Наш штурман, любивший блеснуть своей образованностью, заметил, что подобные открытия делались и раньше во многих местах Сибири и что лед, герметически консервируя тушу, предохранил ее от разложения. Мясо животных в этих случаях оказывается таким же свежим, как если бы они были убиты вчера, а не умерли тысячи лет тому назад. Чтобы доказать правильность своих слов, он ткнул мамонта ножом и показал нам, что его лезвие покрылось кровью.

Нас это изумило: ведь эта кровь, капавшая с ножа, обращалась в жилах животного за тысячи лет до нашего появ-

ления на свет!

Тем временем команда продолжала подбрасывать топливо в костер, и его пламя играло тысячью искр на ледяном покрове скалы. Эта сцена в темноте морозного вечера вблизи полярного круга была так фантастична, что, кажется, нас не удивило бы, если бы мамонт ожил и зашевелился. Штурман обходил его со всех сторон, трогал его руками, измерял тушу со всех сторон и не уставал просвещать нас своей импровизированной лекцией.

Нам стало казаться, что чудовище действительно шевелится. Мы, затаив дыхание, не спускали с него глаз.

Тем временем огонь сделал свое дело; лед, тысячи лет хранивший тело великана, окончательно стаял, и колосс, ничем не поддерживаемый, стал склоняться на бок. С шумом, потрясшим землю, он рухнул, задув струей воздуха костер, как мы задуваем свечу.

Одновременно произошло нечто другое. Еще в то время, пока мамонт стоял около стены, мы заметили, что своим телом он прикрывает какую-то выемку в ровной поверхности.

Много лет прошло с тех пор, но и сейчас я отчетливо вижу то, что мы увидели в тот момент, когда рухнула эта преграда.

Заметьте, что до этого мы месяцами не видели ничего вокруг, кроме однообразного снежного покрова. Надо пережить эти долгие дни, в течение которых нашему взору не представлялось иной картины, чтобы понять всю силу нашего изумления перед открывшимся нам зрелищем.

Насколько хватал глаз, мы увидели скалистый проход, покрытый побелевшими скелетами и черепами животных. Эти безмолвные свидетели хранили тайну пещеры со времен глубочайшей древности. По-видимому, этот выход из недр земли на ее поверхность был только преддверием целого лабиринта подземных пещер.

— Вперед, товарищи! — крикнул Берг, устремляясь в подземелье.

— Подождите, пока принесут фонарь, — попытался я удержать энтузиаста.

— Нет надобности, здесь светло!

Его ответ звучал глухо, как из колодца. Мы колебались последовать его примеру, но, после недолгого раздумья, четверо, в том числе и я, вступили под своды пещеры. Берг издали звал нас и его голос усиливался многократным эхо, отражавшимся от стен лабиринта. Камни разных размеров в хаотическом беспорядке загромождали проход и пробираться вглубь его можно было только с трудом. Через несколько минут расщелина привела нас в громадную пещеру, стены которой терялись в неясном сумеречном освещении. Всюду виднелись кости, красноречивые, хотя и немые свидетели долговременности протекших лет. Воздух был сух, холоден и наполнен запахом тления. Почва между костями была покрыта пышным ковром неведомых растений, большинство которых фосфоресцировало, освещая пещеру. Там были папоротники невероятной высоты, мхи величиной с дерево, незнакомые цветы бледных, но восхитительных оттенков.

Мы жадно вглядывались в эту картину, но Берг торопил нас идти дальше. Через несколько шагов мы услышали журчание ручья и увидели поток, медленно извивавшийся между камнями. На берегу его валялись скелеты людей. Я поднял один из скалящих зубы черепов, и он, смотря на меня пустыми впадинами глаз, словно говорил: «Ну-ка, угадай мою тайну, если можешь».

Откуда вблизи полюса могла взяться эта роскошная зеленая растительность, заполнявшая подземелье?

Пройдя еще немного по течению потока, мы нашли объяснение этому странному факту. Ручей вытекал из щели в одной из стен пещеры, и когда я опустил в него руку, то почувствовал, что вода совсем теплая. Это был горячий подземный источник, и штурман объяснил нам, что мы стоим в кратере давно угасшего вулкана.

Мы открыли первобытный рай, правда, сумеречный и молчаливый, но производивший впечатление роскошного сада в сравнении с холодной ледяной пустыней, окружавшей нас со всех сторон. Перепрыгивая с камня на камень, мы перешли на другую сторону потока и начали поднимать-

ся по склону, на вершине которого виднелось новое отверстие в еще большую пещеру. Фосфоресцирующие папоротники там и тут излучали слабый свет, озаряя скалы.

— Странно, — заметил я, — мне кажется, будто...

— Пахнет конюшной, — прервал меня Берг.

— Сотнями конюшен, — подтвердил штурман и громко крикнул, обратившись лицом вглубь пещеры.

Эхо ответило таким громовым и страшным отголоском, что мы невольно вздрогнули.

— Какое мощное эхо, — заметил Берг, слегка побледнев.

После того, как раскаты эхо умолкли, вновь наступила торжественная тишина. Мы стояли, не шевелясь.

— Там, внизу, где земля сырая... — прошептал смущенно штурман.

— Что там? — спросил я.

— Да разве вы не видите, что она усеяна следами.

— Что это? — воскликнул Берг. — Следы мамонтов! И еще каких-то более крупных животных. Иные совсем старые и высохшие, иные оставлены недавно, некоторые, быть может, сегодня...

Он произнес последние слова с таким изумлением, что мы все наклонились ближе. Это показалось нам более удивительным, чем все, виденное раньше.

— Гм, — промолвил Берг, стараясь говорить твердым голосом, — с меня довольно, я возвращаюсь.

— Да, идем обратно, — поддержал его я.

Как раз в этот самый момент вновь раздалось словно эхо, хотя мы обменивались словами вполголоса.

Из темноты послышалось громовое рычание, прерываемое короткими интервалами. Оно гремело все ближе и ближе, сопровождаемое как бы ударами громадного молота о землю.

Волосы у меня стали дыбом и руки бессильно повисли; мне казалось, что своды пещеры рушатся на наши головы.

Что-то массивное ворочалось и топало за лежавшими в глубине пещеры каменными глыбами.

Не промолвив слова, штурман показал пальцем. Я взглянул в ту сторону.

— Что это?! — прошептал я. Там, окруженный громадными папоротниками, стоял товарищ допотопного чудовища, извлеченного нами изо льда, но живой и, кажется, совершенно другой породы. Его ноги были, как у слона, но тело длиннее и толще и покрыто как бы красной щетиной. Голова бесформенная, с тупым рылом и громадной широкой пастью. Хвост, которым чудовище било по земле, — длинный и толстый, похожий на хвост ящерицы.

Гигантская ящерица, или не знаю, как назвать эту тварь, двинулась в нашу сторону. Не могло быть сомнения, что мы <были> замечены ею, ее глаза с алчностью уставились на нас.

Момент мы, люди с корабля «Белый медведь» и допотопное страшилище, стояли лицом друг к другу. Затем штурман, очнувшись первым, прыгая через камни и древесные стволы, пустился в бегство. За ним помчались и мы.

Кто-то из нас, — хотел бы думать, что это был не я, — пронзительно вскрикнул. Мы бежали, спасая свою жизнь, а за нами гремели раскаты грома, производимого топотом чудовищных ног нашего преследователя и ревом его могучей глотки.

Штурман бежал, как сумасшедший; я следовал за ним; за мною Берг и наш четвертый спутник, а за его спиной — чудовище.

В таком порядке мы достигли прохода, выводящего из пещеры. Он был слишком узок для гнавшегося за нами зверя, но мы не сообразили этого и продолжали мчаться сломя голову. Нам казалось, что животное все еще следует за нами, и мы старались бежать как можно быстрее.

Мы уже почти задыхались, когда навстречу нам повеяло холодом и мы выскочили на свежий воздух. Снег валил густой пеленою. Мертвая снежная пустыня вновь расстилалась перед нами. На полдороге к дому нас встретил человек с фонарем. Северный ветер разгулялся вовсю, и гонимые им льдины грозили нашему кораблю.

Две недели работали мы не покладая рук, днем и ночью, чтобы освободить судно. Когда, наконец, это удалось, мы отдрейфовали судно настолько далеко, что не рискнули вторично вернуться на остров Отшельника. Ледяная пус-

тыня скрыла открытый нами первобытный рай. Но все равно, я ни за какие блага мира не согласился бы вторично в него проникнуть.

Теперь вы понимаете, откуда появилось чудовище, напугавшее Амзалика.

Вернулось ли оно обратно в пещеру, замерзло ли где-нибудь в безграничных пустынях Северной Сибири, — кто знает? Но найти его никому так и не удалось.

Дуэйн Н. Кэрролл

В МЕЗОЗОЙ

Все знавшие Джеймса Кори считали его человеком странным. Друзья, слышавшие его рассказ, говорили, что пережитые им чудовищные потрясения сказались на его расстройке. Они, однако, не связали историю Кори с этими потрясениями, хотя она и была достаточно ужасна.

Смех и издевки в конце концов заставили его держать пережитое при себе, и я не без некоторых усилий убедил его поделиться деталями со мной.

Похоже, несколько лет тому назад он был связан с одной злополучной арктической экспедицией и, очевидно, являлся единственным возвратившимся домой ее участником. События, свидетелем которых он якобы стал в этом путешествии, и сделали его мишенью насмешек.

Несмотря на то, что рассказ Кори действительно может показаться абсурдом, я хотело бы привести его в том виде, в каком он поведал его мне. Возможно, в ближайшем будущем, с продолжением исследований огромных замерзших регионов у полюса, будут обнаружены новые свидетельства, и тогда история Кори не покажется плодом галлюцинаций расстроенного ума.

Он бегло упомянул о подготовке к экспедиции и отъезде, а затем с куда большей увлеченностью стал рассказывать о том, как он и его пятеро спутников постепенно вышли к самой северной точке острова Аксель-Хейбер в северозападной Гренландии.

Партия состояла из профессора К. Э. Шоу, главы экспедиции, Г. Д. Диллона, Рэймонда М. Минка, двух проводников-эскимосов и Кори. Все они были молоды, энергичны и полны энтузиазма. Все были тщательно отобраны: Диллон — благодаря познаниям в навигации, Минк в качестве повара и механика, Кори как геолог и ботаник; проводники же хорошо знали те края и на них смело можно было положиться.

Далее я приведу весь рассказ в собственном изложении Кори, насколько оно мне запомнилось.

Погода для этих широт стояла умеренная. Это привело нас в отличное расположение духа; особенно радовался профессор Шоу, прирожденный ученый, никогда не упускавший возможности поспособствовать прогрессу науки.

Путешествие шло как по маслу, и мы, благодаря нашим проводникам и собакам — лучшим из лучших — быстро продвигались вперед.

Но долго так продолжаться не могло, ибо север есть север. Уже начинал сыпать снег и усиливающийся ветер хлестал нам в лицо; температура упала с минус тридцати до минус шестидесяти и проводники стали советовать нам как можно скорее разбить лагерь. Однако снежный покров, по их мнению, оказался слишком рыхлым для постройки иглу.

Не желая проводить ночь под открытым небом, мы двинулись дальше, надеясь найти подходящее место для палатки. Профессор решил захватить ее, несмотря на вес и размер; если понадобится, заявил он, от палатки всегда можно будет избавиться. В сложенном виде, на дне саней, палатка оказалась не такой громоздкой, как можно было предположить.

Удача снова улыбнулась нам: очень скоро проводник, пролагавший путь впереди, остановился и указал на запад. Я глянул в ту сторону и увидел огромный холм, сложенный из льда и снега; его очертания едва угадывались в метели. Холм удивил меня, так как местность вокруг была плоской, за исключением отдельных льдин, но в тот момент я не стал над этим задумываться.

Повернув упряжки, мы вскоре оказались у подветренного склона холма и с радостью обнаружили, что он прекрасно защищал нас от ветра.

Мы быстро разбили лагерь. Установку палатки поручили проводникам; когда они закончили работу, в нашем распоряжении оказалось весьма удобное жилище, какое редко встретишь в таких экспедициях. Одну боковину палатки проводники надежно закрепили у самого склона с помощью железных колышков. Полом, на который мы бросили свои спальные мешки, служил отрез водонепроницаемого брезента. Разложив мешки в ряд вдоль одной из стенок па-

латки, мы получили достаточно места для приготовления ужина.

В ту ночь нам не понадобилась верхняя одежда. Наша масляная горелка давала достаточно тепла, чтобы поддерживать плюсовую температуру. Вскоре мы уже сидели в своих спальных мешках, курили и беседовали; но усталость взяла свое, и мы вскоре забрались в мешки и предались заслуженному отдыху.

* * *

На следующее утро погода оставалась такой же. По-прежнему штормило, термометр показывал пятьдесят градусов ниже нуля. Поскольку мы хорошо продвинулись в предыдущие дни и имели достаточно припасов, профессор в надежде на лучшее рассудил, что предпочтительней будет подождать еще день.

Нам всем не терпелось двинуться в путь, но с другой стороны, учитывая шторм, никто особо не возражал провести еще один день в теплом убежище. Именно эта отсрочка в конечном итоге привела к тому, что мы отправились навстречу самому ужасному и тягостному приключению.

Большую часть дня мы провели, отдыхая и проверяя снаряжение. Тающий из-за нашей масляной горелки лед сперва причинил нам некоторые неудобства, но проблема была решена благодаря изобретательности проводников. Они прокопали в снегу небольшие наклонные канавки и таким образом отвели большую часть воды.

Если бы лед вокруг колышков не растаял и палатка не рухнула нам на головы, мы бы, наверное, продолжили путешествие, даже не подозревая о том, что находится под нашими ногами.

Мы выбрались из-под брезента, гадая, как исправить положение, и с большим удивлением увидели, что на склоне открылся большой участок голой скалы. Слой льда с этой стороны был не очень толстым (возможно, потому, что он

был защищен от ветров), и тепло нашей горелки растопило его, открыв скалу.

Показалась также большая трещина в три фута шириной, у основания практически свободная от льда. Любопытство побудило меня заглянуть в это отверстие; хотя я мало что смог рассмотреть в темноте, мне показалось, что ход продолжался на значительное расстояние. Я достал из рюкзака электрический фонарик, посветил внутрь и с изумлением увидел, что трещина не уходила по прямой вглубь холма, но образовывала своего рода туннель, ведущий вниз, в самые глубины земли.

Узнав о моем открытии, профессор также заглянул в отверстие и затем велел как можно быстрее установить палатку на прежнем месте. Когда эта работа была успешно завершена, мы скатали и закрепили сверху заднюю стенку, что дало нам возможность с удобством осмотреть открывшийся участок скалы и трещину.

Не могу вспомнить, почему профессор решил исследовать туннель. Приняв это решение, несмотря на наши протесты, он немедленно размотал одну из длинных веревок, имевшихся у нас в багаже, обвязал ее вокруг себя и вполз в отверстие.

Без веревки было не обойтись, так как пол туннеля был покрыт льдом и в самом начале шел вниз под углом в шестьдесят градусов. Попытка преодолеть этот спуск без страховки закончилась бы, вероятно, серьезными увечьями.

Рука профессора исчезла из виду и мы стали осторожно травить веревку, обеспечивая постепенный спуск. Вскоре веревка ослабла и мы получили заранее оговоренный сигнал о том, что все прошло хорошо. Предположив, что профессор достиг места, где можно было передвигаться без страховки, мы терпеливо ждали сигнала к подъему.

Трудно было с какой-либо определенностью заключить, почему скала была расположена именно так и высилась на равнине в одиночестве. Я предположил, что это был колоссальный и очень твердый валун и что окружавшие его некогда камни давно рассыпались в прах и были разнесены по равнине ветрами.

Трещина могла быть результатом древнего землетрясения или процесса сжатия и расширения в те времена, когда в полярных регионах воцарялся жуткий холод. Временное потепление в течение дня заставляло камень расширяться, а ледяной ночной воздух приводил к сжатию.

Профессора не было более получаса, и мы уже начали беспокоиться, но тут веревка задержалась, и вскоре он уже стоял среди нас.

Он казался очень озадаченным и в ответ на наши многочисленные вопросы сообщил, что так и не дошел до конца туннеля, равно как и не смог определить его длину.

Достигнув места, где уклон становился не таким резким, он отвязал от пояса веревку и осмотрительно продолжал путь, пока не очутился в другом туннеле гораздо больших размеров. Там он провел некоторое время и затем вернулся.

Профессор больше ничего не сказал нам о своих открытиях, но сообщил, что собирается вновь спуститься в туннель на следующий день и что мы, если хотим, можем к нему присоединиться. Это известие нас очень обрадовало; час был поздний, и мы забрались в спальные мешки и заснули крепким сном.

Рано утром мы позавтракали и подготовились к спуску. В туннеле, как обнаружил Шоу, было довольно тепло; профессор посоветовал нам оставить верхнюю одежду в палатке и взять с собой лишь самое необходимое. Мы решили, что двое проводников останутся, чтобы присматривать за лагерем и помочь нам выбраться, когда мы будем возвращаться. Скоро все было готово, и профессор снова спустился в туннель. Я последовал за ним. Преодолев примерно пятидесятифутовый ледяной склон, я оказался на сравнительно ровном полу рядом с профессором. Веревку вытащили наружу, и вскоре к нам спустились Диллон и Минк. Без дальнейших церемоний мы во главе с профессором двинулись по туннелю.

Туннель уходил вниз, но все время расширялся и делался выше, пока мы не смогли выпрямиться во весь рост. Кругом истекал каплями тающий лед. Воздух был влажным, под ногами чавкала грязь, но идти было нетрудно.

Через какое-то время мы очутились в гигантской каверне, последней точке, куда дошел накануне профессор.

Призрачный зеленоватый полумрак придавал этому месту странный вид. Света было достаточно, и мы не нуждались в фонариках, помимо тех случаев, когда хотели разглядеть что-то вблизи. Попадались сталактиты и сталагмиты; хотя и немногочисленные, они напомнили мне о наших величественных известняковых пещерах в Виргинии и Кентукки.

Было очевидно, что и эта, и наши знаменитые пещеры сформировались одинаково. Подземные реки, насыщенные двуокисью углерода, полностью растворяли известняк, оставляя за собой извилистые пещеры и галереи. Эти реки постепенно уменьшались в размерах — иногда до уровня чуть просачивавшихся капель — и каверны оставались практически свободными от воды. В этой по центру протекал небольшой ручей, теряясь в темноте.

Мы были очень воодушевлены увиденным и в нетерпении ждали новых открытий; поэтому, когда профессор предложил продолжить осмотр пещеры, никто не возражал. Мы двинулись по каверне друг за другом, молча удивляясь тому, что здесь, в стране льда и снегов, могло существовать такое природное явление. На каждом шагу взгляд поражали все новые красоты скальных формаций, и мы с любопытством гадали, что встретим впереди.

Прежний странный свет стал более ярким. Становилось также все теплее, и в конце концов мы сняли с себя все, кроме самой легкой одежды. Одежду мы оставили в относительно сухом месте, под нависавшей скальной полкой, а сам склад тщательно пометили, чтобы его легко было найти на обратном пути. Без лишней одежды на теле мы почувствовали себя свободнее и могли двигаться быстрее.

Тем временем «коридор», как мы стали его называть, продолжал расширяться, а пол — уходить вниз; взглянув в какой-то момент вверх, я увидел высоко над собой не свод, а нечто наподобие плотной стены серого тумана. Туманная стена несколько удивила нас, но мы не стали задумываться над этим обстоятельством.

Мы и знать не могли, какие нас ждали сюрпризы! Для начала, появились растения. Это были какие-то папоротники; мы решили не останавливаться и подробно осмотреть их на обратном пути.

Чуть впереди туннель вновь сузился и был теперь не шире входного коридора наверху. В нем висел туман, заставляя нас передвигаться с большой осторожностью, тем более что пол здесь был очень неровным и под ноги все время попадались обломки камней. Вскоре, однако, проход снова расширился, но туман оставался очень густым и видимость составляла не больше нескольких футов. Пол внезапно и резко пошел под уклон, и очень скоро мы уже не шли, а спустились по склону, как альпинисты.

Везде возвышались большие каменные колонны и горы валунов, которые нам приходилось обходить или преодолевать ползком. Температура постоянно росла, и мы, не покрыв и сотню ярдов, начали обливаться потом. Радовало одно: туман с таким же постоянством редел, и мы надеялись, что вскоре он достаточно разойдется и мы сможем разглядеть наше окружение. Эти надежды быстро оправдались — ниже туман превратился в легкую дымку, а затем и она вдруг осталась позади.

* * *

Мы были совершенно не готовы увидеть ту сцену, что открылась перед нашими глазами, и я мог только изумленно и благоговейно застыть. Я знал, что и другие были так же поражены: несколько минут никто не произносил ни слова. Под нами — поскольку мы все еще находились высоко на склоне — простиралась ровная земля. Не та покрытая снегом и льдом земля, что тянулась наверху, нет — то была равнина, вся покрытая массой тропических или субтропических растений и деревьями большого леса.

Я был уверен, что вижу мираж и что в любой миг он исчезнет, уступив место голым камням. Трудно было поверить,

что подобное место может существовать, да еще под землей, под страной льда и снега. Оно опрокидывало любую логику. Мы долго простояли там, но мираж не исчезал, и тогда мы, все еще не веря собственным глазам, стали спускаться к нему.

Беспорядочные груды упавших сверху камней сильно затрудняли спуск. Похоже, камни громоздились на тех участках, где катящиеся валуны и обломки натывались на какую-либо прочную преграду.

Наконец спуск был завершен. Ближе к основанию склон становился пологим, что нам немного помогло. Еще больше помог открытый участок, сравнительно свободный от камней.

Самыми трудными оказались последние несколько ярдов. Здесь падающие камни, не встречая на открытом месте достаточных препятствий, проникли далеко в лес. Лианы и ползучие растения заткали все промежутки между ними. Верхушки камней поросли густой сплетенной массой растительности, сильно мешавшей нашему продвижению.

Но вот мы пробрались и через эту преграду и остановились среди последних разбросанных валунов. Высоко над головой висело плотное серое одеяло тумана, скрывая свод.

Лес, вне всякого сомнения, был настоящим — если только мне все это не снилось. Профессор уже поспешил вперед и с волнением осматривал некоторые растения. Я вскоре последовал за ним. Нас ждали удивительные находки.

Я не буду описывать многочисленные обнаруженные нами формы растительной жизни, так как их попросту было слишком много. Уделив некоторое время их осмотру, мы пришли к выводу, что все они представляли виды растений, предположительно исчезнувшие в мезозойскую эру.

Эти растения, совершенно незнакомые нам, были до сих пор известны лишь по окаменелостям. Некоторые из них, например хвойные, саговники и папоротники, обнаруживались в виде окаменевших ветвей, стволов и корней в угольных пластах юрского периода мезозоя. На первый взгляд могло показаться, что везде, где доминировали эти растения, в лесу высились большие группы современных пальм,

однако глаз ботаника быстро распознавал разницу.

Невозможно описать, что я чувствовал, неожиданно оказавшись в мезозое. Я и пытаться не стану, но скажу, что я вдруг занервничал. Ведь это был век гигантских сухопутных и воздушных ящеров, а также морских рептилий. Хотя до сих пор мы не видели никаких животных, эти соображения не слишком ободряли.

Углубившись на небольшое расстояние в лес, мы наткнулись на обширную прогалину. Воздух был теплым, и после такого тяжелого путешествия мы все распростерлись на траве.

Взгляд на часы показал, что мы не провели в пути и половины дня. Это нас очень обрадовало: мы не хотели оставаться в пещере слишком долго, так как боялись, что по дороге назад можем очутиться в темноте.

Все мысли о еде вылетели из головы. Но, когда профессор предложил перекусить, мы поняли, что сильно проголодались и дружно набросились на еду.

Вам приходилось, конечно, слышать в холодную и бессонную зимнюю ночь пронзительные и долгие вопли локомотива, рассекающего тьму. Это частичное, но точное описание звуков, которые мы внезапно услышали.

Еда была мгновенно забыта. Мы пытались определить, откуда доносились странные звуки. Они быстро приближались, и вскоре мы слышали треск ветвей: что-то продиралось сквозь подлесок параллельно основанию склона.

Наш инстинкт самосохранения сработал, и мы мигом взобрались на деревья, как делали при встрече с опасностью наши древесные предки много тысячелетий назад. Цепляясь за ветки, мы ждали неведомых гостей.

События начали развиваться с головокружительной быстротой. Крики зазвучали совсем близко. Со своего наблюдательного пункта высоко в ветвях я мельком увидел нечто, что принял за гигантскую птицу. Вскоре я осознал свою ошибку. Существо быстро мчалось на длинных и стройных задних ногах, держа длинный хвост над землей, как балан-

сир. Оно приблизилось. Теперь никакой ошибки быть не могло — динозавр, только маленький. Я заметил, что в передних лапах он сжимал предмет, похожий на большое яйцо, который всячески оберегал, лавируя между деревьями и перепрыгивая через густую поросль папоротников и лиан.

Но я уже понял, что кричал не он. Ужасающие крики доносились сверху, и я поднял взгляд, пытаясь определить, что за создание могло испускать такие жуткие вопли и так испугать убегающего динозавра.

Внезапно оно появилось: один из гигантских летающих ящеров мезозоя, птеродактиль. Огромные крылья, которыми он почти не шевелил, достигали в размахе пятнадцати футов и напоминали крылья летучей мыши. Голова была треугольной, со звериными челюстями; хвост, используемый, похоже, в качестве руля, был длинным и костлявым, с вертикальным расширением на кончике. В целом же вид у него был совершенно чудовищный.

Вначале ящер скользил над верхушками деревьев и глядел вниз, словно следя за своей добычей. Его длинные челюсти распахивались, показывая ряды длинных острых зубов, из глотки вырывались пронзительные крики, а вслед за ними долгое шипение.

Менее внушительная рептилия, та, что на земле, казалась сбитой с толку. Динозавр подбежал к краю просеки, помедлил и сломя голову бросился вперед. Это была ошибка. С шипящим свистом, похожим на звук высвобождающегося пара, воздушный монстр ринулся вниз. Длинные когти вцепились в чешуйчатую кожу. Один удар сильных челюстей в основание шеи динозавра, и тот замертво рухнул на землю.

Но ярость птеродактиля не утихала: он продолжал терзать и рвать мертвое тело, пока не разорвал его буквально в клочки. Затем, осмотрев останки, он принялся их пожирать, глотая почти целиком большие куски еще дрожащей плоти.

Мои ослабевшие от ужаса руки были готовы выпустить ветку. Но я лишь сильнее сжимал пальцы, хорошо понимая, какова будет моя судьба, если я упаду с дерева.

Стараясь успокоить нервы, я стал высматривать своих спутников и вскоре заметил их в ветвях ближних деревьев. Они не сводили глаз с ящера — возможно, размышляли, как и я, каким образом мы вернемся назад, когда в воздухе реют подобные чудовища.

Действия птеродактиля подсказали мне, что мы находились в сравнительной безопасности среди деревьев, и позднее мы установили, что это так и было. Гигантские птеродактили могли распахнуть свои крылья лишь на открытых местах, а там, где они были лишены возможности взлететь, становились легкой добычей любого хищника.

Не будь меньший динозавр так испуган и останься он под защитой деревьев — он, вероятно, в конце концов избежал бы гибели.

Немного успокоившись, я смог рассуждать более здраво и заключил, что это был, по-видимому, один из небольших динозавров, известных как похитители яиц. Он выбрал плохое время для вторжения в гнездо птеродактиля. В лапах он, несомненно, нес яйцо; теперь, разбитое и забытое, оно лежало в стороне на прогалине.

Летающий ящер наелся за несколько минут. Несмотря на огромный размах крыльев, его туловище было относительно маленьким, и он явно не мог в один присест проглотить значительное количество пищи. Громко хлопая крыльями, чтобы набрать высоту, он почти вертикально взлетел с прогалины, поднялся в небо и наконец затерялся в туманной дымке.

В небесах больше не было опасности. Только растерзанное тело динозавра свидетельствовало, что все это был не сон.

Я смог теперь спокойно перевести дух и потянуться — мои мышцы затекли от долгого пребывания в такой неудобной позе. Пока птеродактиль был рядом, я не шевелился, опасаясь привлечь его внимание.

Прежде, чем покинуть наше лесное убежище, мы выработали план действий. Все быстро согласились с тем, что

нам следует как можно скорее бежать из этого места. Если мужество нам не изменит, мы сможем лучше подготовиться и продолжить наши исследования позднее.

Мы подумывали, не стоит ли дожидаться вечера, но профессор заметил, что в темноте будет невозможно взобраться на скалы и найти узкий туннель, через который мы прошли; согласившись с ним, мы отказались от этой идеи.

Мы сомневались, что сможем вновь спрятаться от птеродактиля, однако нас подбадривал тот факт, что до сих пор дело обошлось без нападений. Оставалось только одно — вернуться немедленно.

Профессор, велев нам всем постоянно держаться настороже, соскользнул с дерева. Все остальные последовали его примеру и благополучно спустились на землю. Здесь мы сбились вместе, нервно поглядывая по сторонам и особенно на небо, откуда могла грозить главная из известных нам опасностей.

Неожиданно профессор высказал желание осмотреть мертвого динозавра. Заверив нас, что осмотр долго не продлится, он направился к туше. Мы двинулись следом, бросая по сторонам опасливые взгляды.

Я воспользовался возможностью и поделился с профессором своими выводами относительно рептилий. Он полностью согласился со мной и определил погибшего динозавра как струтиомима. Я мог только согласиться с ним и досадовать на себя за то, что самостоятельно не распознал рептилию. Пришлось утешиться мыслью, что я был слишком испуган и не мог рассуждать здраво.

Струтиомим, или «подражатель страуса», был назван так потому, что напоминал страуса с длинным хвостом. Я не раз изучал его окаменевшие кости и рассматривал реконструкции. Длинные стройные ноги, способные развивать большую скорость; беззубые челюсти; продолговатые изящные пальцы, не предназначенные что-либо разрывать, но восхитительно умевшие переносить гладкие предметы. Характерные черты строения струтиомима давно привели ученых к заключению, что он был похитителем яиц, и теперь это было окончательно доказано.

Тело было изуродовано и обглодано. Мощные зубы птеродактиля раздавили и переломали кости; все конечности были полностью оторваны. Мириады насекомых пировали на туше, довершая уничтожение.

Эти насекомые начинали причинять нам серьезные неудобства. Тучи их, как мы успели заметить, кружились в лесу, но мы в волнении об этом и не задумались. Правда, мы ничего не могли с ними поделать, кроме как смахивать их с лиц и рук. Единственной нашей мыслью было бегство. Выслушав несколько поспешных замечаний профессора, касавшихся удивительной точности науки в воспроизведении облика вымерших рептилий, мы отвернулись от туши и тронулись в обратный путь.

Поскольку мы не слишком углубились в лес, мы вскоре очутились среди валунов у подножия склона и начали выбираться на открытое место.

Странный свет, вначале бывший очень ярким, сейчас значительно потускнел, и воздух сделался холоднее. Относительную тишину вновь разорвали крики и вой.

Звуки доносились со всех сторон и раздавались где-то далеко в лесу. Мы не могли сказать, были ли то вопли птеродактилей или каких-то других чудовищных существ. Я почувствовал, как меня вновь охватывает ужас. Мне пришлось напрячь всю свою волю, чтобы слепо не броситься вверх по склону.

Легко было заметить, что мои спутники находились в таком же состоянии. Они бросали торопливые и частые взгляды на небо. Мы снова сбились в кучку и стали советовать-ся.

К тому времени мы достигли края открытого участка, и вопрос состоял в том, стоит ли рискнуть и пересечь его или предпочесть долгую обходную дорогу, которая позволит нам, однако, оставаться под прикрытием скал. Тускнеющий вет и желание поскорее возвратиться в лагерь побудили нас выбрать первое. Пригибаясь к земле, мы начали пересекать то, что считали теперь самым опасным участком. Я с дрожью вспоминал, как всего несколько часов назад мы прошли здесь, чувствуя себя в полнейшей безопасности.

Послышался возглас Диллона, и мое сердце ушло в пятки. Он схватил профессора за руку и указывал на что-то в небе. Я проследил за направлением его руки и сразу же увидел, что справа к нам приближается троица жутких птеродактилей.

Они все еще находились на значительном расстоянии от нас, но мы не сомневались, что они нас заметили. Помедлив не более секунды, мы со всех ног бросились к самому безопасному укрытию — деревьям.

Рискуя сломать ноги и разрывая одежду в клочья, мы мчались, как бешеные. Мы знали, что птеродактили были способны развивать большую скорость; к счастью, лес был недалеко.

Я бежал, полз, взбирался, едва обращая внимание на острые расщепленные камни, ранившие мне ноги, или густые спутанные растения, разрывавшие мою одежду, так что при следующем столкновении страдала обнаженная плоть. Я не задумывался о своих спутниках. Страх гнал меня вперед. Я не сознавал ничего, кроме препятствий, лежащих между мной и спасительными деревьями.

Крики ящеров звучали все громче, заставляя меня напрягать все силы. В моем воображении они уже готовы были вцепиться мне в спину, и не раз мне хотелось поддаться искушению, броситься на землю и сдаться — но взгляд на ближайшее дерево вселял в меня новое мужество.

Я был уверен, что крылатые чудовища уже близко: их крики раздавались прямо над головой. Я не осмеливался обернуться. Буквально кинувшись на большой валун, я взобрался по внешней стороне, прорвал своим телом массу спутанных лиан наверху и скатился с другой стороны.

Не помню, как я пересек последний усыянный камнями участок. Когда сознание вернулось ко мне, я был далеко в лесу, но и не думал останавливаться. Жуткие вопли злобных рептилий все еще звучали у меня в ушах, но теперь они доносились откуда-то издали и справа.

Я не видел и не слышал никого из своих спутников. Решив, что их, должно быть, преследуют, как недавно струтиомима, я побежал в ту сторону, где слышались крики.

Это может показаться верхом безумия, но я находился теперь среди деревьев, а страх остаться в одиночестве в этом месте был куда сильнее моего страха перед птеродактилями.

Я бежал, пока не выбился из сил, и кричал до хрипоты, но по-прежнему нигде не видел и не слышал своих спутников. Исцарапанные и усталые ноги в конце концов отказались поддерживать вес моего тела, и я опустился на землю, задыхаясь и прислушиваясь к быстро удаляющимся крикам летающих ящеров. Страх сменился всепоглощающей усталостью; я заполз под низко свисавшие листья кустарника и припал к земле.

Несколько минут я пролежал так, прислушиваясь. Вдалеке разразился настоящий бедлам криков; к воплям птеродактилей присоединились другие вопли и рев, сливаясь в единый хаос звуков.

Видимо, вскоре после этого я заснул, так как больше ничего не помню. Я проснулся с острым чувством голода. Вокруг жужжали тысячи насекомых. Сперва я не мог понять, где нахожусь, но тотчас с тошнотворным ощущением опасности осознал это и выполз из своего убежища.

Каждое движение было медленным и болезненным, но через некоторое время мои мышцы расслабились и я вновь смог управлять своими руками и ногами.

Мне повезло: в безумном бегстве от птеродактилей я не получил никаких серьезных ран. Это было чудом — любая сломанная кость означала бы печальный конец моего приключения.

Я где-то потерял часы. Это меня огорчило, поскольку мне очень хотелось узнать, долго ли я спал. По моим расчетам, времени прошло немало: когда я спрятался под кустом, свет быстро тускнел, а теперь был ярким, как в те часы, когда мы впервые появились здесь. По-видимому, я проспал по крайней мере всю ночь. Сон пошел мне на пользу: измочаленные нервы восстановились, и я снова обрел способность рассуждать логически.

Голод соблазнил меня попробовать некоторые из росших вокруг в изобилии фруктов. Они оказались довольно

вкусными, но поначалу я ел с осторожностью, опасаясь, что они могут причинить мне вред.

Поедая фрукты, я пытался решить, как действовать дальше. Прежде всего, я хотел найти своих спутников. Я надеялся, что они сумели спастись от ящеров. Но, вспоминая громкие крики, доносившиеся с той стороны, куда они предположительно бежали, я боялся худшего. Вопли птеродактилей могли привлечь внимание свирепых сухопутных хищников, и если так, шансов у невооруженных людей было мало.

Я не знал, где нахожусь, не мог даже понять, в какой стороне звучали последние дикие крики. В этих обстоятельствах самым логичным было бы вернуться к тому месту, где мы вошли в лес. Я мысленно перебирал мельком увиденные во время бегства картины, пытаясь наметить обратный путь. Я не собирался покидать лес, а решил двигаться вдоль его края в надежде заметить что-либо знакомое, что подсказало бы мне правильное направление.

Не стану докучать вам описанием моих многочасовых скитаний в лесу. Достаточно сказать, что я, похоже, окончательно заблудился. Мне становилось все хуже: мысли о еще одной ночи, которую мне придется провести в одиночестве в этом ужасном краю, вызывали у меня нечто близкое к паническому страху.

Во многих местах я натыкался на хорошо протоптанные гигантскими динозаврами тропы; об этих ящерах мне поведали отдельные четко очерченные следы. Я видел отпечатки трехпалых и пятипалых лап, но все они неизменно заканчивались длинными жестокими когтями. Попадались и глубокие канавки, оставленные на мягкой земле длинными тяжелыми хвостами. До тех пор то были единственные признаки жизни, встречавшиеся мне по пути.

Сперва я держался подальше от подобных тропинок, не имея никакого желания встречаться с монстрами. Однако, не видя поблизости ни одного из них, я в конце концов выбрал узкую тропку и двинулся по ней в надежде выбраться из леса. Попробовать стоило, в любом случае, ибо я был близок к отчаянию.

Я шел по тропинке около получаса со всей осторожностью, готовый броситься в подлесок или взобраться на дерево при первом же признаке опасности. Затем я заметил, что свет вновь начинает тускнеть. В отчаянии я издал долгий, громкий крик, отозвавшийся эхом в лесу. Мой крик спугнул странную птицу, вылетевшую с протестующими воплями из своего укрытия.

Я не успел внимательно разглядеть ее, но был уверен, что видел живого археоптерикса, первую известную птицу. У нее был длинный хвост рептилии с перьями по бокам, и мне показалось, что в ее открытом клюве блеснули длинные острые зубы. Больше я ничего не разглядел.

На мой призыв ответили не друзья, а враги. Неподалеку раздался крик, заставивший кровь буквально застыть в моих жилах, а за высокими кустами, росшими в той же стороне, послышалось низкое мычание, сопровождавшееся треском веток и шумом разрывающихся лиан.

Я мгновенно очутился на ближайшем дереве и не останавливался, пока не добрался до самых высоких ветвей. Здесь я замер, дрожа и поглядывая сквозь листву.

На холме, почти прямо впереди, стояло массивное и туловатое на вид существо, похожее на носорога. Из его головы горизонтально выдавались рога — два подлиннее над глазами и более короткий над окостеневшим клювоподобным рылом. Затылок и шею существа защищал костяной гребень, напоминавший шлем; эта броня, видимо, служила противовесом голове и челюстям. В целом тварь выглядела весьма свирепой. Очевидно, животное спало в кустах, проснулось от моего крика и вышло на разведку.

Я сразу узнал этого зверя. Ученые называли его трицератопсом. Как предполагалось, он был травоядным — но в эту минуту в нем не было ни капли кротости. Мутные, налитые кровью глаза с жестоким выражением глядели из-под острых длинных рогов, высматривая виновника раздражения, и я мог только порадоваться тому, что мой крик заставил трицератопса покинуть лежбище, прежде чем я подошел ближе.

Пока я рассматривал трицератопса, страшные крики, услышанные мной ранее, звучали все громче. Неведомый ящер

то и дело оглашал своими воплями весь лес, бросая вызов всем и каждому. Я не сводил глаз с того места, где он должен был появиться. Что это за существо? Вскоре я получил ответ. С хриплым криком, при звуке которого я едва не свалился в ужасе с дерева, на прогалине показался Царь Рептилий, чудовищный тираннозавр! Ростом не менее чем в двадцать футов, он передвигался на мощных задних ногах и достигал сорока футов в длину от головы до кончика длинного сильного хвоста; хвост этот он держал в воздухе, как балансир, и был действительно способен вселить ужас в самое мужественное сердце.

Я ожидал, что трицератопс поспешно ретируется — но я ошибся. Он приник к земле, закинул голову, надежно защищая костяным воротником шею и плечи, и направил длинные рога прямо на противника. Низкое ворчливое мычание раздавалось теперь непрерывно, длинный мощный хвост мотался из стороны в сторону, разбрасывая мелкие ветки, пыль и камни. Было ясно, что хвост трицератопса представлял собой грозное оружие.

Тираннозавр сперва быстро рванулся к нему, покрывая пятнадцать футов с каждым шагом. Но, приблизившись, он повел себя осторожнее — вероятно, осознав, что чересчур поспешная атака может привести к катастрофическим последствиям. Некоторое время существа мерили друг друга глазами. Тираннозавр начал медленно обходить трицератопса, стараясь избегать взлетающего хвоста. Трицератопс чуть отступил под защиту растительности, обезопасив себя от атаки ящера с фланга, тогда как мощный хвост исключал нападение сзади.

Эти маневры продолжались всего лишь несколько секунд. Тираннозавр быстро задвигался; он бросался на трицератопса, наносил ему рану и отпрыгивал назад, уклоняясь от острых рогов. В воздухе гремели ужасные крики. Наконец, тираннозавр оказался на спине трицератопса и прижал его к земле.

По всей видимости, трицератопс впал в панику и решил сбросить врага. Сведя ноги, он начал поднимать свое неуклюжее тело. Несмотря на солидный вес более крупной реп-

тилии, его усилия могли бы увенчаться успехом — но, пытаясь подняться, трицератопс чуть наклонил огромную голову. Возможно, это движение было естественным, или же маленький мозг, весь поглощенный мускулами ног, позабыл о мускулах шеи; как бы то ни было, тираннозавр только этого и ждал. Едва громадная голова опустилась, как его сильные челюсти проникли под костяной воротник, приподнимая броню и проталкиваясь все дальше, пока жестокие зубы не обеспечили себе прочный захват, погружаясь все глубже в шею трицератопса прямо за головой.

Битва близилась к концу. Тираннозавр позволил себе опуститься на землю, не разжимая челюстей. Трицератопс мычал от боли, бился и брыкался, но все было напрасно — с каждым движением острые зубы все глубже погружались в его тело. В последнем усилии тираннозавр плотнее сжал челюсти, до меня донесся скрежет — зубы прокусили позвоночник. Могучий трицератопс осел на землю и больше не поднимался.

Победитель также был изранен. Он долго лежал рядом с телом поверженного врага, оправляясь от битвы. Я начал уже думать, что и он был на пороге смерти, но вот громадная голова поднялась, и тираннозавр мощным прыжком вскочил на ноги.

Кровь текла из глубоких длинных ран на его груди и брюхе, стекая потоками по чешуйчатым ногам. Одна из передних лап была буквально вырвана из сустава и висела на нескольких волокнах плоти, сильный хвост бесполезно и вяло волочился по земле — как видно, был перебит по крайней мере один из позвонков. Гигантская рептилия ошеломленно пошатывалась, пытаясь прийти в себя. Внезапно огромные челюсти разжались, и лес огласил долгий, ужасающий крик. Затаив дыхание, я услышал, как вдалеке с нескольких сторон прозвучали ответные крики. Ящер, не обращая на них внимания, повернулся, нырнул в лес и почти мгновенно исчез из виду среди деревьев.

Не могу сказать, как долго я оставался в своем убежище. Казалось, прошли века, но мне никак не удавалось унять страх и спуститься.

Шли часы, а я все оставался на дереве. В конце концов я заключил, что этот странный край не знал ночи в нашем понимании данного слова. В вечерние и ночные часы, как я убедился, свет здесь просто тускнел. Я решил дожидаться дня и снова попытаться найти выход из мира мезозоя.

В лесу часто раздавались теперь громкие и свирепые крики. Меня начала охватывать страшная усталость. Сидя на ветке, я плотно прислонился к стволу и попробовал заснуть. Мне удалось лишь задремать: неудобное положение тела не способствовало полноценному сну, а звучащие время от времени вопли ящеров заставляли меня дрожать от страха.

Очнувшись после необычно долгого, как мне показалось, периода дремоты, я увидел, что вокруг уже посветлело. Бронтозавры, которых я заметил ранее у дальнего озера, теперь исчезли. Я долго осматривал окрестности и прислушивался, но ящеры не подавали никаких признаков жизни.

После многих часов, проведенных на дереве, все мое тело затекло, и я испытывал ужасный голод. Я понимал, что должен искать спасения немедленно, так как и представить себе не мог еще одну ночевку среди ветвей.

Спуск на землю также был долгим и болезненным, но в конце концов я справился с этой задачей и немедленно двинулся по тропинке, что привела меня к прогалине.

Я шел быстро, разминая уставшие мышцы, но в то же время не забывал об осторожности, стараясь производить как можно меньше шума и озираясь по сторонам. Тут и там я останавливался, срывал с ветвей фрукты — съеденные накануне не причинили мне никакого вреда — и жевал их по пути.

Признаюсь, я страшно боялся, вновь оказавшись в пределах досягаемости чудовищ. Воображение рисовало мне монстров, прячущихся за каждым кустом и просыпающихся со злобным ревом от звука моих шагов. Но эти страхи не могли меня остановить: я давно уже и твердо решил, что лучше погибнуть от зубов рептилий в попытке бежать, чем

остаться здесь и, вероятно, погибнуть таким же образом в самом ближайшем будущем.

Благодаря чистейшему везению, я быстро нашел прогалину, где мы стали свидетелями смерти струтиомима. На одной из веток я заметил соблазнительный спелый плод, но он висел слишком далеко. Я нагнул к себе ветку, чтобы добраться до него, а затем позабыл на миг об осторожности и выпустил ее из руки. Ветвь со свистом вернулась в прежнее положение, и в ту же секунду прямо над моей головой раздалось громкое хлопанье крыльев и из подлеска вылетел еще один археоптерикс.

Он был очень раздражен и не стал улетать, как первый. Вместо этого он уселся на ветвь ближайшего дерева и уставился на меня. Я не стал бы возражать, но его громкие крики звенели по лесу и я боялся, что они привлекут всех окрестных ящеров.

На мгновение я замер, а затем повернулся и побежал прочь. К счастью, птица не последовала за мной и ни один ящер на меня не напал. Крики становились все тише, пока я вовсе не перестал их слышать. Я не останавливался, стремясь оказаться как можно дальше от опасной птицы.

Даже не осознав это, я почти пересек упомянутую выше прогалину. Я сразу узнал ее. Вот и место, где погиб струтиомим. Его обглоданные кости лежали практически там же, где оставил их птеродактиль. Впервые в этой стране жестоких монстров я ощутил радость. Долгий бег по лесу истощил мои силы, и я спрятался среди деревьев, решив немного отдохнуть.

После короткого отдыха я почувствовал себя намного лучше и со страхом и надеждой начал искать следы своих спутников, которые могли вернуться сюда. С другой стороны, я был уверен, что в этом случае они, уходя, оставили бы мне какой-нибудь знак.

Поиски отняли немало драгоценного времени, но в конце концов я вынужден был сдаться. Я решил, что как можно скорее организую поисковый отряд, если не найду своих товарищей в лагере. И я, скрепя сердце, двинулся в опасный обратный путь.

Я не стану описывать этот путь, так как он не был отмечен никакими значимыми событиями. Удача сопровождала меня на каждом шагу. В туннеле я нашел верхнюю одежду; к моему великому огорчению, здесь были и узлы, оставленные моими товарищами по экспедиции. Осторожно осмотревшись, я без труда обнаружил узкий проход, а в конце его и нетронутую веревку.

Я несколько раз дергал за нее, подавая сигнал, но веревка так и оставалась ненатянутой; перебирая руками, я начал взбираться по ней.

Как оказалось, вернулся я вовремя — свежий лед почти затянул вход, и я с большим трудом протиснулся наружу.

Лагерь выглядел таким же, каким мы его оставили, но нигде не было видно ни проводников, ни собак.

Я провел в лагере две недели, ожидая их возвращения. Быть может, они последовали за нами в эту ужасную пещеру и погибли? Я не знаю. Они исчезли не более чем за день до моего возвращения. Я продолжаю думать, что в попытке спасти нас их постигла чудовищная судьба.

Я надеялся и на возвращение друзей, но с каждым днем их шансы выжить резко уменьшались. Через две недели, уступив нетерпению, я собрал необходимые припасы и двинулся обратно к цивилизации.

Я только помню, как надел на плечи рюкзак и тронулся в путь. Дальше — чистая страница. Газеты рассказали остальное.

Дуэйн Н. Кэрролл

КОГДА ПРАВИЛИ РЕПТИЛИИ

Как всякому известно, миллионы лет назад, в мезозойскую эру, Землей правили огромные динозавры, тираннозавры, птеродактили и другие доисторические чудовища. Это научно доказанный факт.

Совсем недавно, на Всемирной выставке в Чикаго, были представлены копии этих созданий, воссозданные с научным совершенством в их прижизненном виде.

Вот страничка из Книги Веков — рассказ о типичном дне мезозоя. На короткое время вы перенесетесь в умершее прошлое — никем не записанное прошлое тех дней, когда человек еще не появился на Земле.

Солнце — тусклый огненно-красный шар — только поднималось над далекими холмами, и хотя его лучи, казалось, с трудом пробивались сквозь атмосферу, постоянно насыщенную вулканической пылью, они приносили свет в страну красоты.

Эта земля не походила на ту, где позднее жил человек. На самом деле, если бы тогда существовал человек, он вряд ли смог бы долго прожить, поскольку то был мезозой — эпоха гигантских рептилий — и свирепые существа безраздельно господствовали не только на суше, но также в воздухе и море.

Когда бледные лучи солнца пробились сквозь листья высоких, похожих на пальмы деревьев и заиграли на зарослях хвой, саговников и прочей растительности, громадные ящеры начали просыпаться. Плотоядные сразу же начали выслеживать более мелких существ для утренней трапезы, в то время как травоядные медленно и тяжеломерно двинулись к близлежащим болотам, чтобы поискать там пищи, или принялись ломать саговники и хвойные деревья, добираясь до сочных листьев у верхушек.

Пока разгоралось утро, пары огромных чудовищ время от времени сходились в смертельной схватке, и лес буквально звенел от их яростных криков и громоподобного рева, а странные птицы взлетали в воздух, добавляя к бедламу свои испуганные вопли.

В этом краю обитал струтиомим Лути — рептилия, очень далекая от свирепости. По виду он напоминал страуса с длинным хвостом, но его тело было покрыто чешуей. Его челюсти были беззубыми, а длинные, тонкие пальцы и короткие, хилые передние лапы не были приспособлены рвать добычу на части.

Стоило первым лучам солнца заблестеть среди листьев и лиан чащи, где он провел ночь, как Лути вышел на открытое место. Он был голоден, но знал, где можно найти еду. Он серьезно рисковал, но эту пищу он любил больше всего, и в конце концов, с тех пор, как он вылутился из яйца, согретого тропическим солнцем в рыхлом песке, он успел узнать, что опасности всегда сопровождали его, и принял их как часть своего существования.

Помедлив мгновение и внимательно прислушавшись, оценивая возможную опасность, он начал пробираться по одной из небольших тропинок. Он ходил прямо на длинных и стройных задних ногах, которые могли быстро унести его от всех, кроме самых быстрых преследователей. Но все же он был осторожен и скрывался, как мог, выбирая тропинки, укрытые самым густым покровом листвы.

Вскоре Лути добрался до места, где лес переходил в пологий склон. Почва здесь была рыхлой и песчаной, усеянной камнями и валунами; лишь изредка встречались заросли.

Насыщенный влагой воздух стал тусклым и тяжелым, а палящие лучи солнца, безжалостно заливавшие этот участок сравнительно открытой местности, заставляли влажную землю и листву слабо куриться паром.

Но Лути не обращал внимания на эти детали пейзажа. Он остановился у самой границы деревьев и стал осматривать небо и пространство впереди в поисках признаков опасности. Подождав довольно долго и, по-видимому, убедившись, что все в порядке, осторожный Лути вышел из леса и помчался прямо вверх по склону.

Он пробежал, наверное, ярдов триста, а затем внезапно остановился. Здесь находилась небольшая полянка, почти окруженная густыми зарослями. Большую часть дня ее освещали

щали солнечные лучи. Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что почва у центра полянки была потревожена. Луги бывал здесь и раньше, и, хотя он попытался уничтожить свидетельства своего предыдущего визита, ему это не совсем удалось.

Обеда последним взглядом небо и окружающую местность, Луги перепрыгнул через спутанные растения и направился к разрытому месту. Затем он низко наклонился, приближая передние лапы к земле, и начал копать в рыхлом песке. Вскоре на всеобщее обозрение были выставлены пять больших яиц. Они были отложены каким-то крупным ящером, который зарыл их в песчаную почву и оставил созревать под теплыми лучами солнца.

Поспешные и нервные действия Луги свидетельствовали, что яйца не были брошены без присмотра. Выйдя из леса, он все время торопился, словно отбросив почти все предосторожности. Он бросал вверх быстрые, частые взгляды, как будто ожидал оттуда какой-то опасности, но и не подумал отступить. Казалось, теперь, когда он затеял это опасное предприятие, он был полон решимости по возможности довести его до конца.

Луги быстро, но осторожно вынул одно яйцо из гнезда, положил его в стороне на землю, а затем перезахоронил оставшиеся четыре. Он нервно заглаживал и утапывал землю, стараясь удалить все следы своего посещения. После он обхватил своими длинными тонкими пальцами выбранное яйцо, собираясь немедленно покинуть опасное место.

Но ему не суждено было скрыться незамеченным. С неба, откуда-то издали, донесся пронзительный крик, и огромное существо, похожее на летучую мышь, стремительно полетело прямо к нему. Какое же это было свирепое создание! Его размеры и хищный облик вселили бы ужас в самое отважное сердце. Огромные крылья простирались по меньшей мере на двадцать футов от кончика до кончика, а длинная треугольная голова и мощные челюсти были вытянуты как можно дальше вперед в нетерпеливом порыве побыстрее схватить добычу. Яростные крики звучали теперь непрерывно. Длинные челюсти открылись, обнажив ряды жестоких,

острых зубов, которые легко могли расправиться с рептилией поменьше.

Лути не колебался ни мгновения. Он знал, что за гигантский воздушный ящер напал на него. Это была Райя, самка птеродактиля и владелица только что ограбленного им гнезда. Вчера Лути прятался среди деревьев на краю поляны и случайно увидел, как Райя покинула свое гнездо. Он понял, что в гнезде были яйца — его любимая еда — и стал ждать, пока не удостоверился, что воздушная ящерица не станет возвращаться в ближайшее время. Затем он украл одно из яиц. Вообще-то он намеревался похитить их все, но Райя, очевидно, обнаружила пропажу и наблюдала за своим гнездом пристальней обычного. Так или иначе, Лути был замечен и оказался в опасном положении.

Лути еще оглядывался на источник ужасных криков, а проворные ноги уже пришли в движение, быстро унося его под защиту деревьев. Если бы только удалось добраться до них! На какое-то время он был бы в безопасности и сумел бы скрыться среди густых зарослей — ведь Райя не смогла бы расправить свои огромные крылья в сплетении ветвей.

Лути бежал все быстрее и быстрее. Перед лицом великой опасности его охватил безграничный ужас. Зачастую он даже не сворачивал в сторону, чтобы избежать зарослей и камней, а ловко и куда проворнее современного нам оленя перепрыгивал через них. Но вся быстрота его ног не могла сравниться со скоростью огромных крыльев Райи.

Свирепая воздушная ящерица постепенно приближалась к жертве. Теперь можно было услышать протяжное шипение, которым заканчивался каждый ее крик. Глаза Лути были прикованы к деревьям. Они были уже очень близко. Сумев достичь их, он получит хотя бы временную передышку. Райя зависла прямо над ним. Затем она начала отвесно падать, вытянув жестокие когти и разинув мощные челюсти, издававшие шипение, похожее на звук вырывающегося из кипящего сосуда пара.

Ощущая непосредственную близость опасности и подгоняемый ужасом, Лути пустил в ход последние силы, еще остававшиеся в его подвижном теле. Деревья были всего в

нескольких шагах, и он с криком раненого кролика бросился к ним. Новый взрыв энергии увеличил скорость его бега и заставил Райю промахнуться. Она не впиалась в него когтями и метнулась в сторону, чтобы не рухнуть на землю; однако кончик крыла все же задел Луги, сбив его с ног. Скорее испуганный, чем пострадавший, он быстро вскочил на ноги и благополучно скрылся среди деревьев. Он не стал останавливаться, зная, что Райя будет следовать за ним и наблюдать сверху за каждым его движением. Если он не сможет в самое ближайшее время ускользнуть, яростные крики Райи привлекут какую-нибудь более крупную и, возможно, еще более свирепую рептилию.

С этого момента началась мрачная игра в прятки. Райя парила в воздухе, едва не касаясь огромными крыльями верхушек деревьев. Она не спускала с Луги пылающих гневом глаз. Тот, в свою очередь, бегал взад и вперед по зарослям, пытаясь перехитрить свою свирепую преследовательницу, прежде чем на сцену выйдет какой-либо другой его враг.

Но Луги, как ни старался, не мог ускользнуть от воздушной ящерицы. Куда бы он ни бросался, она всегда оказывалась прямо над ним, громко крича и шипя. Донельзя испуганный, он дико бежал, уже не думая о направлении. Его единственным желанием было скрыться от вопящей угрозы. Когда перед ним открылась поляна, он, не задумываясь ни на секунду, бешено помчался по ней. Именно на это и надеялась Райя. На открытом пространстве ничто не могло помешать ей напасть на добычу. Она снова спикировала, и снова казалось, что Луги обречен. Затем произошло непредвиденное.

Пока Луги пытался убежать от Райи, к ним мчался еще один монстр, привлеченный криками птеродактиля. Хотя Райя была одновременно свирепой и ужасной, эта рептилия могла превзойти ее в обоих отношениях. То был Гунда, чудовищный тираннозавр, царь всех рептилий и, вероятно, самое свирепое существо, которое когда-либо жило на Земле. Он высился на двадцать футов, стоя вертикально на мощных задних лапах; равновесие обеспечивал качавшийся в воздухе длинный и сильный хвост. В нем было сорок футов

от кончика хвоста до макушки массивной головы; жестокие крючковатые когти и длинные, острые зубы сулили несчастье всем, кто оказывался поблизости. Маленькие передние лапы никогда не использовались в качестве средства передвижения, но превосходно умели разрывать все, что попадалось тираннозавру на пути. Теперь, когда зверь торопился к месту событий, эти лапы выжидательно шевелились.

Преодолевая по двадцать футов с каждым шагом, Гунда достиг поляны раньше Лути и Райи. Как будто почувствовав, что они очутятся здесь и что поляна как нельзя лучше подходит для засады, он постарался спрятать свое огромное тело в зарослях и стал ждать. Иногда солнечные лучи отражались от его чешуи, но в остальном он был настолько неподвижен, что случайный наблюдатель ни за что не обнаружил бы его присутствия.

В воздухе, по-прежнему дико вопя, показалась Райя. Гунда пристально наблюдал за небом, ожидая ее появления, и теперь, когда она скользнула к поляне, сосредоточил все свое внимание на ней. Казалось, он даже не заметил Лути, пересекавшего открытое пространство. Внезапно мышцы Гунды напряглись. Райя понеслась вниз. Она стремительно приближалась, направляясь прямо к убегающему Лути. Но какой бы быстрой она ни была, Гунда был еще быстрее. Он кинулся вперед и выпустил свои жестокие когти ей навстречу.

Летучая ящерица, увидев грозные когти, попыталась уклониться от них. Но было поздно. Когти стиснули ее, вонзились в плоть. Несколько секунд шла ожесточенная борьба. Вопя и шипя, сражаясь как могла, Райя изо всех сил старалась вырваться из хватки своего противника. Ее огромные крылья бешено били по воздуху, а острые зубы оставляли множество болезненных ран на голове и шее тираннозавра. Однако все ее усилия были тщетны. Высвободиться из хватки Гунды было невозможно. Он мрачно вцепился в свою сопротивляющуюся жертву, ожидая удобного момента. Вскоре возможность представилась: Райя, почти обесиленная, на миг прекратила сопротивление. Тогда огромная голова Гунды метнулась вперед; мощные челюсти открылись и сомкнулись. Раздался тошнотворный хруст, и кры-

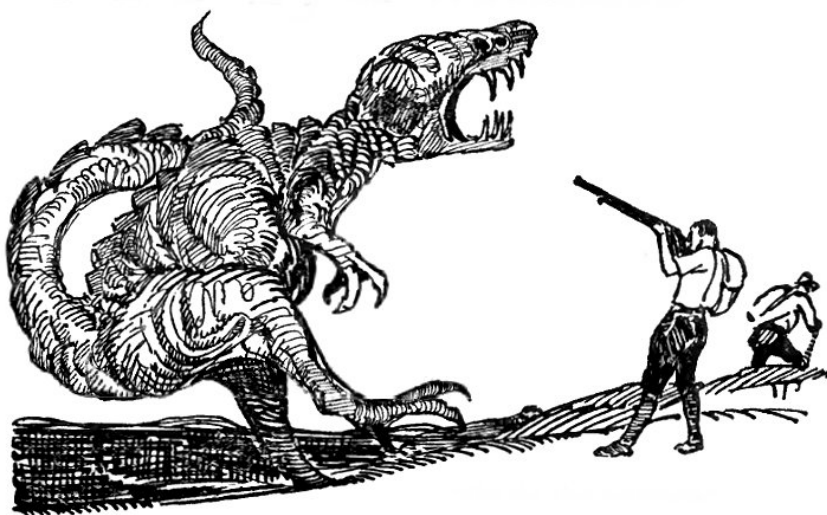
ляя Райи опустились и затрепетали вокруг тела ее убийцы. Через несколько секунд на поляне не осталось никаких следов схватки.

Пока две свирепые рептилии сражались друг с другом, Луги сумел сбежать. Словно не желая расставаться с тем, ради чего он так рисковал, он продолжал сжимать лапами яйцо, чудом уцелевшее во время безумной гонки. Устроившись в уединенном месте, он стал наслаждаться с трудом заработанной едой.

Таков был мезозой: выживал самый приспособленный. На охотника охотились, а убийца, в свою очередь, был убит. Две рептилии добыли себе завтрак. Его обеспечила третья рептилия и ее невылупившийся детеныш.

Брюс Уоллис

ПЕРВОБЫТНАЯ ЯМА

— Господи помилуй! Джо, ты когда-нибудь видел что-либо подобное? — хрипло воскликнул Хейнс, более низкорослый и крепко сложенный из двух мужчин, уставившись на двухмильную полосу спокойной воды в пятистах футах под ними.

— Нам повезло, но судя по виду этих стен, будет чудом, если мы туда доберемся, — ответил высокий худощавый Элкинс, свесив голову за край огромной стены.

— Что ж, нам придется, — сказал Хейнс, возвращаясь к своей обычной, медленной и невозмутимой манере речи.

— Конечно, мы справимся — эта проклятая стена не может тянуться вечно, — проворчал его напарник, с тоской поглядывая на серебристую мерцающую поверхность, которая находилась в миле или еще дальше от них, но с высоты казалась такой близкой.

Уже четыре дня пересекали они пустынное плато и больше всего страдали от нехватки воды. Камни, жара, холод, голод — здесь не о чем и говорить. Ни единая жалоба не сорвалась с их губ даже в удушающей жаре безвоздушных ущелий; или в раскаленном аду открытых пространств, где миллионы граней блестящих скал отражали расплавленные лу-

чи непрерывно жалящего их, пылающего солнца, или в те ночи, когда они дрожали от пронизывающего холода, когда скалы потрескивали и звенели при сжатии, температура падала почти на шестьдесят градусов за час после заката и плато сбрасывало покров дневного жара. Худшее заключалось в том, что им было отказано в огне. Во всем этом безмерном запустении не было ни веточки, ни травинки. За четыре дня они не съели ни кусочка приготовленной на огне пищи, не выпили ни глотка горячего ободряющего мате и держались только на небольшом запасе вяленого мяса и сырых бобов. Случайные струйки воды, просачивавшиеся тут и там в глубины каньона, едва поддерживали в них жизнь и решимость достичь места, где можно будет возобновить поиски сокровищ.

Именно эти поиски привели их так далеко в непроходимые и совершенно неизвестные районы северных Анд. То была просто история, что они услышали в Пайте — история, поведанная между вздохами и красной пеной, покрывавшей бледные губы умирающего бродяги, двум искателям приключений с суровыми глазами, которые подружились с ним и облегчили его последние часы страданий от одиночества и нищеты. Всего несколько еле слышных, задыхающихся слов, заставивших их бросить все и торопливо отправиться в продуваемые всеми ветрами дикие дебри «Вершины мира», как перуанцы метко называют огромный хребет, который хмуро простирается над тихоокеанским шельфом, в эту дикую первобытную глушь, где карты становятся для путешественника бесполезной бумагой. Бродяга рассказал им, как странствовал далеко на севере и наткнулся на племя туземцев-кочевников; те предложили на продажу с дюжину маленьких рубинов, которые, по их словам, время от времени обнаруживались в желудках мигрирующих водоплавающих птиц, отдохавших во время перелета на юг на небольшом близлежащем озере, часто посещавшемся племенем. Бродяга купил рубины по цене одеяла, а позже спустил их все, устроив себе недельную пьянку в грязном кабаке прибрежного городка. Но он немного разбирался в таких вещах и утверждал, что камни несомненно были настоящи-

ми и ценными; и он естественным образом заключил, что где-то к северу от озера, скрытого в огромных холмах, находится еще один водоем, на галечных пляжах которого удачливого первооткрывателя может ждать целое состояние.

Итак, словно в жизни им оставалась всего одна дорога, они прибыли в Пьента Аренас, где бродяга купил рубины, а оттуда бесстрашно отправились в сердце огромного хребта, возвышавшегося над этим последним форпостом почти одичавшего человечества.

Их одиссея могла бы показаться достойной эпоса современного Гомера; но для них это была самая обыденная работа. Через страшные, практически непроходимые перевалы; через взметнувшиеся в небо, окутанные облаками вершины; пересекая ужасающие каньоны; вдоль пенящихся ручьев, чьи бурные воды исчезали в завесах тумана, скрывавших теряющиеся во мраке глубины — двое мужчин шли вперед и вперед, шаг за шагом прокладывая себе путь на север. Они осматривали ручей за ручьем, не находя ни следа сокровищ, что могли бы вознаградить и вдохновить их; тем не менее, каждая неудача только означала, что можно забыть еще об одном ручье, и лишь сужала пространство, которое еще предстояло преодолеть, прежде чем последний поток приведет их к источнику сокровищ.

Затем они набрали на это огромное плато, лежавшее на несколько тысяч футов ниже ставших для них привычными пятнадцати тысяч; спустившись к нему, они различили в дымке еще одну отдаленную гряду высоких пиков, и Элкинс прикинул, что до них было около пятидесяти миль. Тяга к неведомому, соблазн богатства, дух истинных приключений — все манило их к этой гряде и неудержимо гнало вперед.

Плато, несомненно, было ареной гигантских конвульсий земной коры: глубокие трещины и пропасти извивались и перекрещивались во всех направлениях; повсюду виднелись скалы и отвесные утесы совершенно чуждой природы; миллионы огромных валунов в изобилии усеивали всю поверхность плато.

Такие знатоки горных пород, как Элкинс и Хейнс, конечно, не могли не отметить, что стекловидная глазированная поверхность каньонов, скал и множества валунов была свидетельством огненного дыхания прошлых эпох, которое выжгло твердый камень, как упаковочную бумагу; но поскольку рубины, как и большинство других драгоценных камней, рождаются в муках немыслимого жара, двое искателей приключений, несмотря на тяготы и лишения, что повлек за собой переход через плато, стойко переносили трудности и даже смотрели на окружающее запустение с некоторой благосклонностью.

И все же за четыре дня почти невероятных усилий они не преодолели и половины пути; глядя с высокого обрыва, они пришли к выводу, что плато было значительно шире, чем они предполагали вначале. На четвертый день, незадолго до заката, они достигли края колоссальной бездны — никакое другое слово не помогло бы составить точное представление об огромной глубине и отвесных стенах, окружавших эту огромную впадину.

Внезапно каньон, по которому они шли, оборвался в громадную полость пустого пространства и, приблизившись к краю этого небытия и заглянув за него, они в безмолвном изумлении увидели совершенно иной мир. В сотнях футов внизу, густые леса вал за валом покрывали волнистое дно гигантской впадины, противоположная стена которой была так далека, что даже с высоты выглядела как узкая темная лента, чьи невидимые концы терялись в дымке. Прямо под ними лежала серебристо-голубая гладь небольшого озера, а другие поблескивающие пятна вдалеке, похоже, указывали на то, что через котловину протекал по диагонали полноводный поток, расширяясь озерами; его длину можно было определить только по зубчатым вершинам окружающего хребта.

Это было нечто чудесное, как мираж, необъятное, как райское наслаждение, — особенно для людей, которые провели несколько дней в обстановке полнейшего запустения и бесплодия и за последние сутки едва промочили пересохшее горло.

И все же Элкинс, прирожденный ученый, обладавший к тому же изрядными познаниями в геологии, тотчас проныцательно уставился на хмурые стены с отчетливо выступающими контрфорсами; неосознанно бормоча себе под нос, он, вероятно, очень точно подытожил суть дела:

— Огромный разлом в пласте — сильный толчок — и все рушится вниз сплошной массой — а раскаленная лава внизу уходит в стороны и немного приподнимает холмы.

Хейнс, не обращавший внимания ни на что, кроме воды, прервал его размышления, и они стали обсуждать, как добраться до этой воды. Еще раз рассмотрев пропасть, оба решили, что вне зависимости от того, пойдут ли они по гребню на восток или на запад, спуск будет чистой воды авантюрой, вдобавок очень рискованной.

Очень скоро, когда солнце скрылось за горизонтом, они стали искать в каньоне укрытие от холодного ночного воздуха, который начал уже подниматься над краем утеса. Элкинс на секунду задержался, задумчиво вглядываясь в сгущающиеся сумерки, и вдруг резко крикнул:

— Смотри, Том! что это за птицы?

Хейнс быстро обернулся и успел мельком увидеть последнее крылатое существо, исчезающее в лесу.

— Черт побери! они, должно быть, размером со страусов! Ведь на таком расстоянии кондор показался бы не больше воробья! — воскликнул он с некоторым удивлением.

— И их было по меньшей мере полдюжины — я просто заметил их, когда они пересекали узкую горловину, — объяснил Элкинс, имея в виду западную оконечность водоема, где тот сужался до четверти своей средней ширины. — Хотя я думаю, что этот отраженный свет на воде отчасти искажает предметы, потому что во всей Южной Америке нет таких больших птиц, — добавил он с небрежной убежденностью.

— Это так, — согласился Хейнс, — но, скорее всего, это все равно какие-то крупные водоплавающие птицы. Если повезет, завтра у нас будет на обед жаркое из дичи, — радостно заметил он, и вопрос был закрыт как совершенно несущественный.

Некоторое время путешественники сидели и курили в холодном свете звезд; они обсуждали удивительную пропасть, где вполне могли обретаться птицы, о которых рассказывал им бродяга, поскольку вид водного пространства без сомнения соблазнил бы крылатых созданий прервать перелет через бесплодные хребты. Эта мысль, несмотря на пронизывающий ночной холод, мучительный голод — утром они разделили последний кусочек сушеного мяса — и иссушающую жажду, привела друзей в приподнятое настроение и стерла воспоминания о страданиях.

— Может, рискнем? — спросил Элкинс, внимательно глядя вниз на стофутовый обрыв, который отделял их от каменистого склона, окаймлявшего основание стены.

— Будь я проклят, если знаю, Джо, — один неверный шаг, и вода нам больше не понадобится, — медленно ответил Хейнс. — Но все-таки, кажется, выбора нет: или спуск, или ничего, — задумчиво добавил он.

Наступил полдень, и палящее солнце раскалило лишние тени скалы до такой степени, что неосторожное прикосновение могло привести к серьезному ожогу; зеленая полоса, такая близкая, казалась невероятным раем.

С рассвета Элкинс и Хейнс шли по гребню, сначала на восток, затем на запад; бесконечные ущелья и каньоны, выходившие в обширную впадину, делали переход медленным и бесконечно трудным. Наконец они вернулись к единственному месту, которое, по их мнению, наиболее подходило для спуска; здесь ущелье врезалось в стену на большей глубине, чем любое из обнаруженных ими ранее. Высота последней большой ступени не превышала ста футов, а дальше шел неровный, сложенный из щебня склон, поросший лишь кучками жестких карликовых кустарников. И все же — с некоторой долей удачи — спуститься было возможно, так как утес был изломан множеством довольно широких полок и большая часть скалы была испещрена трещинами и расщелинами, по которым отчаявшийся человек по милости фортуны мог проложить себе маршрут. Тут и там, без сомнения, были места, где пришлось бы прыгать в на-

дежде сохранить равновесие на полке внизу. Но все-таки шанс оставался; огненная мука жажды уже испепеляла их, и они знали, что вскоре, когда нервы и мышцы утратят остатки энергии, этот последний шанс исчезнет.

— Вот как я это оцениваю — мы рискнем, — быстро рассудил Элкинс. По их молчаливому соглашению, последнее слово в любом важном вопросе всегда оставалось за говорившим. — Рюкзаки обвяжем одеялами, прежде чем спустить их, хотя оружием так рисковать не стоит.

Осмотрев еще раз склон и обсудив предстоящий спуск, они обвязали оба рюкзака одеялами, поместив сковородки и прочую кухонную утварь в центре. С глухим звуком свертков ударился о щебень и отскочил к подножию склона.

— Надеюсь, котелок цел, — с тревогой сказал Хейнс.

Через мгновение двое искателей приключений, разделенные несколькими футами, стали хладнокровно, но осторожно спускаться в пропасть, которая сулила мгновенную и ужасную гибель, если рука соскользнет или выступ камня обломится в цепких пальцах.

— Ну, вот и все! — весело сказал Элкинс, когда его напарник преодолел последнюю дюжину футов отвесной скалы и очутился рядом с ним на склоне.

— И уж наверняка только муха смогла бы вернуться обратно, — сказал новоприбывший, тяжело дыша: его мощному телу пришлось хуже, чем стальным сухожилиям спутника.

Его заявление ни в коем случае не было мрачным преувеличением; в нескольких местах, высоко на стене, не было выемки и для пальца, и им пришлось прыгать с высоты многих футов на выступы внизу; в одном из таких случаев, лишь геркулесова рука Хейнса спасла Элкинса от потери равновесия и падения в пропасть. Но подобные опасности были частью игры, и ни один из них больше не говорил и не думал об этом.

Поспешный осмотр избавил их от беспокойства о снаряжении, что, казалось, тревожило их гораздо больше, чем отважное мастерство собственного спуска. Быстро взвалив рюкзаки на плечи, они двинулись по каменистому склону

к озеру, находившемуся в нескольких милях от них. Солнце ярко освещало высокую стену, и жара в узком проходе между ней и высоким лесом была такой же удушливой, как в котельной без окон с широко открытыми дверцами топки. Колючие джунгли окаймляли тихие глубины озера, и было бы бессмысленной тратой драгоценного времени вторгаться в них, поэтому они упрямо продолжали идти сквозь жару в обход, по неровному склону, полностью сосредоточив свои мысли на ожидающей их великой награде. Время от времени им казалось, что они слышат вдалеке журчание бегущей воды; настойчивое повторение этого звука привело их к выводу, что в озеро, должно быть, впадал широкий ручей.

Внимательно разглядев с высоты некоторые отроги и массивные выступы, они без особых трудностей заранее решили, где следует углубиться в лес; прорвавшись с немалым трудом и руганью через край сильно сужавшихся здесь джунглей, они оказались в глубине леса. Даже сейчас, страдая от истощения и жажды, они не могли не отметить странность некоторых крупных растений, которые то тут, то там высились поодиночке или почти изолированными группами среди обычных тропических зарослей.

Элкинс на минуту остановился перед одним необыкновенно большим экземпляром и, озадаченно нахмурившись, осмотрел его, хрипло воскликнув:

— Странные деревья — посмотри-ка на этого шутника! Тебе приходилось видеть что-нибудь подобное, Том?

Он говорил раздраженным тоном человека, уставшего от лицемерия чудес и знающего, что еще немало неожиданностей ждут его впереди.

— Экий красавец, — признал Хейнс, сурово оглядывая дерево. — Выглядит старым, как сам Сатана, и чертовски более порочным, — добавил он с растущей неприязнью.

И действительно, странный гигант отличался самой отталкивающей внешностью. Огромный ствол, терявшийся в зеленом пологие на высоте ста футов над ними, был покрыт большими роговидными чешуйками; в центре их выступали острые темные точки, поразительно напоминавшие ядовитый коготь на кончике хвоста скорпиона. Острые, изог-

нутые и отливающие черным блеском, они казались исключительно отвратными и зловредными на вид и, совершенно очевидно, причинили бы несчастье любой коснувшейся их плоти. Впечатление скрытой враждебности усиливала беспорядочная бахрома из грубых хрящевидных нитей, похожих на волосы, свисавшая с краев роговых чешуек и чуть скрывавшая их. Листва была невидима, но в тусклом свете над головой можно было разглядеть изогнутые чешуйчатые ветви. Дерево и в самом деле было необычным и загадочным — и казалось двум наблюдателям крайне неприятным, как будто что-то седое, противоестественное и невероятно древнее вышло из первобытных недр, чтобы отравить более нежные создания своей свирепой злобой и мерзостью.

— Любопытно, — пробормотал Элкинс, словно размышляя вслух, — когда-то было... Черт! это безумная идея. Слушай, давай поторопимся; у меня горло горит от желания глотнуть воды.

После этого они не обращали никакого внимания на похожие деревья и другие фантастические и неестественные, но не столь неприятные растения, встречавшиеся им по пути. И все-таки одна особенность этих странных зарослей оказала глубокое влияние на судьбу партнеров; ибо, как ни удивительно, в тех местах, где попадались необычные растения, почти не было подлеска, и друзья невольно отклонялись от своего курса, чтобы воспользоваться полянами. Этим объяснялось то, что они вышли на берег ближе к центру озера, а не к узкой горловине, как сперва планировали. Вероятно, это спасло им жизнь: они не подозревали о грозившей им смертельной опасности и были бы скорее всего разорваны на части, даже не успев осознать дикую природу налетевших на них крылатых тварей.

Оба растянулись во весь рост на плоском выступе скалы, уходившем на несколько ярдов в мелководье почти вровень с поверхностью озера; и каждый большими глотками вбирал в себя божественный эликсир, как будто собирался пить вечно. По обе стороны от них озеро окаймляли узкие полосы обнажений розоватого кварца; дальше простира-

лись густые заросли крепких растений, по размеру и внешнему виду напоминавших северную ольху.

Элкинс первым услышал приближающиеся глухие удары тяжелых крыльев; подняв голову, он понял, что звук доносился с западной стороны узкой горловины, куда они рассчитывали попасть.

— Послушай, Том! — воскликнул он. — Ты только посмотри на эту стаю, ладно? Свежее мясо, конечно, но что это, черт возьми, такое?

Хейнс, подняв голову от воды, в свою очередь уставился на летающих существ. Те находились примерно в четверти мили от них и приближались к ним с огромной скоростью; их странные мощные крылья взмахивали так редко, что полет существ казался скорее парением, как у ястреба.

— Что это за птицы? — изумленно вскричал Хейнс. — Готов поклясться, на них нет ни перышка, если только мне не изменяют глаза.

Пока он говорил, с озера, пронзительно крича, прямо перед странными существами поднялась утка и со всей быстротой понеслась к зарослям тростника. Один зверь, немного опередивший своих товарищей, бросился вниз; огромный клюв раскрылся и в мгновение ока сомкнулся на улетающей птице. Все было кончено; от утки осталось не больше, чем от мошки, схваченной летучей мышью!

— Твою ... ! — беспомощно воскликнул Элkins. — Да что же это? проглотить утку одним махом! Смотри! Эти твари летят к нам! Быстрее, Том, в заросли! Эти клювы вполне могут оторвать руку или ногу.

К счастью, друзья привыкли к быстрым решениям и мгновенным действиям; и все же они едва успели пробежать несколько ярдов и достичь укрытия. Ибо, несмотря на ленивые взмахи крыльев, создававшие ложное впечатление неторопливости, существа летели с колоссальной скоростью, и как только путешественники очутились под сенью рощи низкорослых растений с густой листвой, кое-где окаймлявших здесь гигантские стволы, в воздухе раздались глухие хлопки крыльев летевших впереди существ и резкие громкие крики звериной дикости.

Выглядывая из-за толстых стволов, они увидели, как существа немного отступили и, чуть помедлив у кромки воды, поднялись примерно на сотню футов; там они принялись медленно парить взад и вперед, напоминая пойнтеров у лежбища дичи. Этого короткого мгновения хватило, чтобы изумленные наблюдатели разглядели необычайное строение неведомых существ. Прежде всего, они не имели ни малейшего сходства ни с каким видом птиц, которых им доводилось видеть или хотя бы знать по описаниям — если этих существ вообще можно было назвать птицами. Помимо крыльев и клювов, в них не было ничего, что могло бы подпасть под эту классификацию; скорее уж они походили на видения, от которых шарахаются одурманенные алкоголем жертвы белой горячки.

Это были огромные, лишенные перьев, безволосые чудовища с угловатыми, неуклюжими телами длиной не менее пяти или шести футов, заканчивающимися короткими толстыми ногами с длинными когтистыми ступнями, которые казались покрытыми роговыми пластинами. Длинные змеиные шеи вверху поддерживали тупые толстые головы, переходившие непосредственно в огромные клювы длиной почти в треть тела; одного взгляда на эти толстые, широкие, заостренные клювы с их зазубренными краями было достаточно, чтобы расценить их как ужасное оружие, способное изранить и разорвать в куски самого сильного человека. Крылья, простиравшиеся на пятнадцать футов, напоминали по оттенку и текстуре грязно-коричневый пергамент; сквозь кожистую ткань отчетливо проступали утолщения костей и хрящей, а с внешнего края виднелось что-то похожее на пару длинных изогнутых когтей. Такова была картина, представшая перед глазами пораженных спутников. Судя по уверенным и тошнотворным ударам их чудовищных крыльев и исходившему от них сильному отвратительному запаху гнилого мяса, существа эти были до невыразимости ужасны, грубы и жестоки.

— Не стреляй, Том! — быстро сказал Элкинс, удерживая руку своего партнера, поднявшего ружье. — Лучше побереги патроны — они могут нам пригодиться. Кто знает, сколько

таких адских тварей гнездится в этой яме. Возможно, нам будет не так-то легко выбраться из нее.

— Но что это за чертовы штуки? Я никогда не слышал рассказов о чем-либо подобном. Это точно не птицы, — проворчал Хейнс, непонимающе глядя на последнее существо, улетавшее прочь вдоль края озера.

— Они заставили меня задуматься, — признался Элкинс. — Когда-то... — начал он, затем резко оборвал себя, нетерпеливо пробормотал: — Нет, это сущее безумие! — и продолжал:

— Мы просто должны принимать факты такими, какие они есть. Мы столкнулись с какими-то тварями, о которых мы никогда не слышали, но это факт, и нет никакого сомнения, что любая из этих странных тварей может легко и без всякого труда разорвать человека; наконец, похоже, что они равнодушны к живому мясу. Мы видели десять из них — но одному Господу известно, сколько еще таких же может здесь обитать. Говорю тебе, Том, мне не нравится, как все это выглядит, — задумчиво добавил он.

— Мне тоже. Я и сам не люблю уродства, — отозвался Хейнс. — Мне кажется, один из нас должен стоять на страже каждый раз, когда мы будем выходить на открытое место. Но если мы будем держаться поближе к укрытию, я думаю, мы не пострадаем, — продолжал Хейнс будничным тоном, каким обсуждают самое банальное происшествие. Его стойкая, лишенная воображения натура вполне удовлетворялась тем, что принимала свидетельства чувств, не слишком беспокоясь о том, оскорбляет ли это здравый смысл или общепринятую интерпретацию такового.

Некоторое время они молчали, прислушиваясь к хлопанию крыльев; существа, описывая все расширяющиеся круги, медленно удалялись от них, и вскоре звуки затихли вдаль. Затем спутники подошли к краю леса и, тщательно осмотрев окрестности, начали осторожно пробираться на восток вдоль кромки озера. Хотя вода освежила их, они сильно страдали от голода; за последние два дня они съели не более чем горсть сырых бобов. Удача улыбнулась им, и в узкой заболоченной заводи они спугнули крупную водопла-

вающую птицу; та взлетела из своего гнезда в камышах, и Элкинс мгновенно снес ей голову пулей 38-го калибра. Когда эхо перестало нарушать затаившую дыхание тишину, где-то в отдалении раздался и тотчас оборвался резкий крик. Больше ничего примечательного не происходило, и бездымное пламя быстро опалило наспех освежеванную птицу. Мясо и котелок дымящегося мате сотворили чудеса; и поскольку день клонился к вечеру, а место было удобным для лагеря, они решили остаться здесь же, подольше поспать и отправиться в путь на рассвете, полностью восстановив свои силы. Они почти не опасались ночного нападения, так как были уверены, что существа, охотившиеся при полуденном солнце, вряд ли станут атаковать в темноте; тем не менее, они договорились по очереди дежурить.

Сумерки сгустились, и тишина и покой, окружавшие друзей, могли показаться такими же идеальными и безобидными, как сельская местность Новой Англии в час летнего заката. Трудно было поверить, что совсем недавно всего несколько секунд отделяли их от ужасной смерти, которая вихрем обрушилась на них в виде странных и жутких существ. Но, пусть спутники, удовлетворенно покуривающие у костра, и напоминали двух рыбаков, наслаждающихся давно заслуженным отдыхом, каждый из них был погружен в свои мысли, очень далекие от рыбацких раздумий.

Мысли Хейнса сосредоточились на участках, которые он отметил для себя как заслуживающие пристального изучения, а Элкинс, чьи идеи простирались дальше и всегда изобиловали умозрительными вопросами и рассуждениями, был весь поглощен блестящим планом по превращению напавших на них странных уродцев в звонкую монету.

— Послушай, Том, — воскликнул он, когда эта мысль пришла ему в голову, — я бы не удивился, если за шкуру одной из этих тварей мы получили бы на побережье несколько долларов. Эти высоколобые музеи просто хватают за такие вещи.

— За шкуру проклятой твари? — удивленно переспросил Хейнс. Испытывая большое уважение к более развитому серому веществу своего партнера, он с надеждой в голо-

се добавил:

— И ты можешь назвать цифру, Джо?

— Цифру? Ну, точно не скажу, но мне помнится, что за какие-то старые кости животного, умершего тысячи лет назад, заплатили четырехзначную сумму, — задумчиво ответил Элкинс, вспоминая газетное сообщение, на которое он наткнулся в своем всеядном чтении. Когда представлялась возможность, Элкинс с ненасытной жадой пожирал любые сведения по естественным наукам, какие мог почерпнуть в периодических изданиях и других источниках, приспособленных к потребностям дилетанта.

— Четырехзначная сумма! — эхом повторил Хейнс. — О, это другое дело. Если удача отвернется от нас, мы перестреем всю свору и начнем торговать шкурами и костями. Надо же! там может быть еще куча таких же уродцев! Черт! Я надеюсь, что их будет тысяча, — восторженно вскричал он.

Перспектива подобного везения перевешивала любые сомнения в успехе, и Хейнс устался на залитую звездным светом воду, словно надеясь узреть в глубинах озера немедленный отклик на свои ненасытные амбиции. Даже Элкинс, который, несмотря на свое плодовитое воображение, был человеком очень проницательным и рассудительным и ясно видел множество препятствий на пути к успеху, заразился некоторой долей его энтузиазма. Это было вполне объяснимо: хотя драгоценные металлы и самоцветы были главной целью друзей, злободневные нужды заставляли их интересоваться нефтью, орхидеями, перьями и каучуком; сошли бы и шкуры дьяволов, если благодаря им можно было получить средства для продолжения поисков Эльдорадо.

Хейнс спал, а Элкинс стоял на страже первым, когда в ночи начали раздаваться странные громкие звуки. По всей видимости, источник их находился далеко на западе, где озеро сильно сужалось и где исчезли крылатые существа. Элкинс с удивлением услышал хриплый кашляющий рев, внезапно нарушивший тишину. Звук, учитывая расстояние, был до нелепости громким, точно с десятков взбешенных быков

заревели одновременно. Он прекратился и через мгновение раздался вновь; теперь еще одна огромная глотка добавила свои ноты к глухим раскатам, гулко доносившимся из темноты. Звуки внезапно сплелись в ураганном порыве ярости, и Элкинс толкнул Хейнса локтем.

— Господи помилуй! Это еще что такое? — воскликнул тот, проснувшись и вскакивая на ноги. — Там творится черт знает что — должно быть, это какие-то быки величиной со слона, а то и драконы! Никогда не слышал таких воплей!

Они отошли от костра и стояли у кромки воды, вглядываясь в бесформенные пятна ночи.

— Драконы? — резко прорычал Элкинс. Голос его звучал так, будто он только что нашел самое подходящее к случаю слово. — Драконы? Может быть, это описание точнее, чем ты думаешь, — пробормотал он чуть слышно. — Так или иначе, я рад, что между нами и этими вопящими дьяволами лежит полоса воды. Эта проклятая яма — совсем сумасшедшее место, Том. Может, нам собрать манатки и убраться отсюда прямо с утра?

Тем временем стал явственно слышен треск разрываемых древесных волокон, похожий на далекую пушечную пальбу; его сопровождало самое отвратительное и чудовищное рычание, которое только можно было себе представить.

— Боже мой! — вскричал Хейнс. — Не знаю, что это за звери, но они, должно быть, величиной с дом! На таком расстоянии кажется, что они ломают сухие палки, только это наверняка очень большие деревья. Куда мы с тобой попали?

— А мне-то откуда знать? — раздраженно бросил Элкинс. — Одно понятно: нам лучше поскорее выбираться отсюда. Мы для таких тварей — все равно что для нас колибри. Да ты только послушай!

Он резко замолчал: исполинский оглушительный крик грубой агонии наполнил воздух своей пронзительной страстью и поднялся к небесам с титаническим гневом и злобным протестом против мучений, которым подвергалось вопящее существо. Затем, как исчезает свет погашенной свечи, крик оборвался и слушателей охватила тишина, каза-

лось, таившая в себе непредставимые ужасы.

Подождав некоторое время, они вернулись к костру, и вскоре Элкинс мирно посапывал, как младенец на руках у матери.

Рассвет и сытный, хотя и состоявший из одного блюда завтрак застали их менее склонными прервать путешествие. Во всяком случае, по молчаливому согласию дело было отложено; правда, они решили проявлять величайшую осторожность в своих передвижениях. Они и представить себе не могли, с какими чудовищами им, возможно, придется столкнуться — и поэтому, будучи людьми не слишком разговорчивыми, не стали тратить время на пустые дискуссии.

С ружьями на изготовку, внимательно прислушиваясь и присматриваясь, искатели приключений вновь двинулись вдоль кромки воды. То тут, то там один из них останавливался, разглядывая отмели или промывая в сите несколько горстей гравия с берегов или галечных пляжей. Они постоянно находили крупинки чистого золота, но нигде не было ни намека на малиновые камни, а золота было недостаточно, чтобы обеспечить хоть какую-то прибыль.

Тем не менее, они нашли местность достаточно интересной, и надежды их воспарили до такой степени предвкушения, что они почти позабыли о необычайных существах, с которыми столкнулись. Оба были людьми той породы, что отваживаются на все и бросили бы вызов всем силам самого ада, если бы те вздумали противостоять ненасытной жажде, подпитывавшей их безрассудную решимость.

Как они справедливо подозревали, в какую-то ушедшую эпоху через этот край несомненно протекала огромная река, и спокойное озеро было последним остатком ее величия. Повсюду виднелись отложения гравия и обнажения эродированных пород, поднимающиеся низкими грядами над и между заключенными в них обломками валунов; чередования паводков и засухи заполнили этими отложениями впадины и очистили скальные гребни от бремени, которое течение несметные века возлагало на них. Многочисленные мелкие ручьи прорезали отложения глубокими бороздами. У нижней оконечности озера они наткнулись на из-

вилистый поток шириной в двадцать футов, исчезающий во мраке и зарослях леса, и было весьма вероятно, что подобный ручей впадал в озеро в узком верхнем конце.

Именно поблизости от этой горловины Элкинс обнаружил в своем сите три крошечных малиновых фрагмента. То были мельчайшие, почти микроскопические крупинки, но под карманной лупой в них бесспорно проглядывала та самая приманка, что привела друзей через громадные хребты в эту забытую страну кошмарных созданий.

— Это решает дело, — торжествующе заявил Элкинс. — Пусть там прячутся все дьяволы ада, я доберусь до рубинов. В конце концов, две винтовки — неплохой довод при встрече с любой проклятой тварью.

Не произнося больше ни слова, они недоверчиво и настороженно осматривали местность, служившую, по-видимому, пристанищем свирепых крылатых существ и сценой яростного шума в ночи. О первых они особо не беспокоились, так как продолжали считать их просто необычными птицами, несмотря на странный внешний вид и дикость; будучи птицами, летучие создания вряд ли могли представлять собой серьезную угрозу, и нападения с их стороны можно было легко избежать — главное, находиться вблизи укрытия и зорко следить за небом. Другое дело звери, которые так яростно сражались, сотрясали саму ночь своим ужасающим ревом и крушили деревья, как будто те были не более чем хрупким тростником. Ибо не могло быть и тени сомнения в том, что эти огромные звери стали бы жуткими противниками. Да, они были немислимыми, непостижимыми чудовищами без имени или истории, но это не делало их менее убедительными и угрожающими; при встрече с подобными гигантскими монстрами любые доспехи стойкости и бесстрашия превратились бы в жалкую оберточную бумагу. Двое друзей хорошо это понимали — ведь они не были ни глупцами, ни киногероями, а просто старателями с железной душой, привыкшими в своих рутинных делах часто рисковать в азартной игре со смертью. Но крошечные малиновые крупинки мгновенно превратили их настороженность в равнодушие к опасности: как опрометчиво заявил Эл-

кинс, даже стоя сбежавших дьяволов не помешала бы ему продолжить путь. Хейнс что-то одобрительно промычал и оба без колебаний двинулись дальше, неуклонно приближаясь к тому, что ждало их впереди.

Ширина озера не превышала здесь полумили; примерно на таком же расстоянии оно резко сужалось к краю. Обнажения доходили до холмов и низких утесов, исчезающих в рощах; покрытые гравием склоны спускались к каменистым пляжам отвесными обрывами, которые возвышались над головами искателей сокровищ. А друзья ликовали, поскольку сито за ситом приносили им все больше малиновых зерен; теперь они стали крупнее и в них уже можно было невооруженным глазом распознать мелкие рубины. Было ясно, что где-то рядом находилось главное хранилище, рассыпавшее по берегам озера эти мельчайшие осколки своих богатств.

Внезапно Хейнс взволнованно крикнул:

— Смотри сюда, Джо! Вот так-то лучше!

Он протянул свое сито Элкинсу, который нетерпеливо оглядывал окрестности: друзья договорились, что пока один работает, другой будет стоять на страже. После обнаружения первых зернышек основная работа выпала на долю Хейнса, умевшего ловко и быстро обращаться с ситом.

— Да, — обрадованно сказал Элкинс, — это, конечно, прелестное зрелище для усталых глаз.

Он опустил руку в неглубокое сито и извлек обломок величиной с маленькую белую фасолину; кроваво-красный цвет огненных глубин камня, сияющий, словно живой дух, сквозь мутноватую стеклянистую поверхность, несомненно, свидетельствовал о его совершенстве и ценности. Даже этот маленький камень означал для нашедшего запасы на целый день и некоторые бесхитростные предметы роскоши.

— Это начало... — заговорил было Хейнс, но его прервал крик Элкинса:

— Берегись, Том! Вот еще один из этих дьяволов!

Не успев пошевелить и пальцем, Хейнс увидел, как винтовка его товарища вздернулась к плечу и вверх; грохот мгновенного выстрела разорвал мертвую тишину и эхом от-

разился от стены леса, а темная масса менее чем в пятидесяти футах над ними пролетела мимо и над водой.

— Попал! прямо между глаз! — радостно воскликнул Элкинс. — Гляди, он падает! Будь проклята эта мерзкая тварь! — добавил он с горьким торжеством, когда в сотне футов от него громоздкое, зловещего вида создание внезапно перешло в стремительное пики. На секунду оно выровнялось, затем упало и с глухим всплеском ударилось о воду. Мощная конвульсия взмахивающих кожистых крыльев подняла облака пены и почти скрыла монстра от наблюдавших за ним людей.

Затем произошло нечто, заставившее их в изумлении затаить дыхание и ошеломленно уставиться друг на друга.

— Что это было? Ты видел это, Джо? Может, я сошел с ума? — медленно произнес Хейнс, поворачиваясь и снова разглядывая вздымающуюся поверхность озера. Раненое существо словно испарилось, и только быстро расходящиеся круги были свидетельством того, что произошло, когда чудовищная кошмарная тварь вынырнула из глубин и поглотила добычу.

— Сошел с ума? — сердито повторил Элкинс. — Нет, но будет чудом, если мы оба не свихнемся, прежде чем выберемся из этой проклятой ямы. Мы с тобой попали в край, где кошмары становятся явью, а обычные факты теряют всякую опору. Сошел с ума, говоришь? Нет, мы не сошли с ума: это само время утратило рассудок и извергло то, что не имеет права на жизнь. Конечно, все это безумие — но клянусь, это факт!

Хейнс слушал возбужденную речь своего товарища, совершенно не понимая, к чему тот клонит.

— Я понятия не имею, Джо, что ты там заливаешь. Но я точно знаю, что все драгоценные камни в этой адской дыре не заставят меня пересечь озеро. Понадобилась бы шестидюймовая пушка, чтобы справиться с этим чертовым драконом. А я-то думал, что такое бывает только в сказках или спьяну кому привидится, — ответил Хейнс, все еще ошеломленно и обеспокоенно глядя на волны.

— Короче, вот как я это оцениваю... Но лучше нам бу-

дет где-нибудь спрятаться и перекусить, пока мы болтаем, — сказал Элкинс, поворачиваясь и направляясь к роще деревьев пониже у стены гигантского леса.

Пройдя немного, они нашли два замшелых валуна, удачно расположенных друг против друга так, что открывался обзор во всех направлениях; здесь Элкинс, поедая из котелка холодные вареные бобы, принялся наконец излагать свой взгляд на ситуацию.

— Ну, я думаю, тебе покажется, что я умом тронулся или что-то навообразил, но это ничуть не безумнее того, что мы видели, — начал он, раскуривая трубку после торопливого ужина, во время которого друзья не разводили огня, боясь, что костер выдаст их неизвестным чудовищам.

— Прямо сейчас, я так понимаю, мы в трудном положении, и нам придется держать ухо востро, если мы хотим выбраться отсюда; но мы на пути к богатству, и будь я проклят, если уйду, не попытавшись его добыть — верно, Том? — серьезно спросил он своего партнера.

— Конечно. Я с тобой согласен, — просто ответил Хейнс.

— Дальше. Ты видел ту серо-белую штуку с головой, похожей на китайского дракона и размером с большую бочку, видел ее огромные челюсти с длинными зубами, тупую морду и усы вроде водорослей, и пасть с желтизной и слизью внутри, от которой любого стошнило бы. И ты видел, как эта пасть вцепилась в крылатого дьявола, плещущего по воде своими пятнадцатифутовыми крыльями — чик, и он исчез, и все это с такой же легкостью, как форель подхватывает пролетающую над ней муху. Итак, какой известный нам зверь мог бы уйти с таким куском во рту?

— Ни о чем таком я никогда не слышал, — убежденно ответил Хейнс.

— Или взять этих крылатых уродов — или шум, поднятый тварями, которые бесчинствовали где-то здесь прошлой ночью. Кажется, что от одной мысли об этом мозг немеет; но есть один ответ, который как нельзя лучше подходит ко всем безумствам, что мы здесь видели. Все они вполне естественны, тут ничего не поделаешь. Сначала меня заставили задуматься те треклятые деревья; потом злобные как

Сатана птицы без перьев принудили память по-настоящему заработать. Ошибиться было невозможно: я, конечно, не мог в это поверить, но даже ребенок заметил бы, насколько они похожи на картинки в книгах, рассказывающих о таких странных зверях; а теперь этот громадный водяной дьявол — говорю тебе, Том, обо всех них написано в книгах, которые я не раз просматривал. Одному Богу известно, сколько сотен тысяч лет назад жили эти звери; теперь их кости иногда находят на глубине ста футов в твердом камне. Я могу вспомнить лишь несколько имен, что для них придумали ученые, кажется, на латыни и греческом. Ту крылатую тварь называют Питер что-то там, а дракон относится к породе динозавров. Я снова и снова вертел это в голове, но не могу отделаться от мысли, что эти проклятые уроды в точности такие же, как в тех книгах — в общем, они те, кого называют доисторическими чудовищами. Если это правда, то мы с тобой, Том, очутились в тяжелом положении, потому что некоторые из этих тварей достигали двадцати футов в высоту и могли проглотить нас целиком, не разжевывая.

Элкинс задумался и, погрузившись в свои хмурые размышления, стал осторожно вытряхивать пепел из трубки на голый камень.

— Двадцать футов! — повторил Хейнс и замолчал, представляя себе подобного великана.

— Ну да, я видел в музее кость толщиной с твое туловище, — заверил Элкинс с родительской гордостью настоящего ученого.

— Но если все эти твари вымерли так давно, почему некоторые все еще живут здесь, внизу? — спросил Хейнс с тем вниманием к деталям, что нередко встречается у подобных ему практичных людей.

— Ну, я не знаю — я не слишком в этом подкован, — коротко признался Элкинс. — Возможно, около миллиона лет назад произошло какое-то землетрясение, часть плато провалилась и животные оказались взаперти, как в тюрьме, а то, что вызвало вымирание их породы, не смогло до них добраться. Но это всего лишь предположение; мы мо-

жем быть абсолютно уверены только в том, что видели сами, и никакая логика или знания не могут это опровергнуть.

Поскольку все соображения Элкинса не могли пролить больше света на загадку, а время и судьба наступали им на пятки, друзья оставили обсуждение этого вопроса до лучших времен. Их образ жизни воспитал в них презрение к бездействию и пустословию, а также привил им склонность к быстрым решениям и мгновенной реакции в случае опасности. Кроме того, у них и в мыслях не было прекращать поиски прежде, чем они приведут их к победе или поражению.

Фут за футом они осматривали гравийные насыпи. Часто приходилось останавливаться, оглядываясь вокруг и прислушиваясь, что значительно замедляло их продвижение. Но ни вдалеке, ни вблизи ничто не шевелилось; тишина окружающего пейзажа напоминала безмолвие нарисованной художником картины или мертвое молчание кладбища, и над всем, как саван, нависала удушающая жара. Их крошечные фигурки, походившие на копошащиеся в грязи личинки, неустанно вгрызались в Мать-Землю, медленно двигаясь к своей цели.

Так они добрались до края озера, где в него впадал глубокий ручей, текущий между высокими берегами из конгломерата глины и гальки, твердого, как цемент. Чуть дальше берега становились еще выше, и мрак густого лесного свода придавал узкому проходу неосязаемую атмосферу таинственности и угрозы. Даже закаленным искателям приключений не понравился его предательский вид, и на мгновение они заколебались, решая, не лучше ли немного разведать окрестности. Но нетерпение взяло верх над благоразумием, ибо чем ближе они подходили к этому мрачному каналу, тем богаче становились находки, и хотя ни один камень не мог сравниться с первым, что оказался в сумке у Хейнса, к нему все же присоединилась теперь почти дюжина заслуживавших внимания зерен.

— Мы должны рискнуть! — нетерпеливо сказал Элкинс после нескольких секунд осмотра. — На обход уйдет почти час, и там на нас могут в любой момент напасть. А здесь,

если мы будем вести себя тихо, шум воды и высота берегов скроют нас от взгляда или слуха любого зверя, если он только не окажется прямо над нами.

— Это верно, — сказал Хейнс в ответ на достаточно разумное рассуждение Элкинса. — И если я когда-либо видел подходящее место для поиска камней, то оно прямо перед нами, — добавил он с жаром поиска в голосе.

Без дальнейших колебаний они вошли в туннель и, пробираясь по узкой ленте вынесенных водой обломков, вскоре снова занялись изысканиями. Как и раньше, ситом орудовал Хейнс, тогда как Элкинс оставался на страже.

Сразу же стало очевидно, что их завышенные ожидания имели некоторый шанс оправдаться: с каждым заходом карманы искателей пополнялись малиновыми зернами, среди которых попадались и камни крупнее первого.

— Что ж, Джо, у нас уже, должно быть, скопился хорошенький улов, — сказал Хейнс, протягивая своему партнеру еще один рубин.

— Зависит от их качества, но я считаю, что камни прекрасны. Я так полагаю, набралось уже долларов на пятьсот, — ответил Элкинс, оценивая вес мешочка в своей руке.

Не будучи экспертом, он все-таки разбирался в драгоценных камнях лучше своего спутника.

— Значит, даже если в этой грязи не найдется ничего крупнее, мы за несколько дней все равно сможем наскрести небольшое состояние, — воскликнул Хейнс, с нетерпением ожидая ответа.

Но Элкинс ничего не сказал. Вместо этого он стоял, пристально вглядываясь в противоположный берег, где случайный солнечный луч озарил жилу темной гальки, недавно обнаженную миниатюрным грязевым оползнем, который увлек за собой прикрывавшие склон ползучие растения.

Хейнс удивленно поднял глаза при виде внезапной апатии партнера.

— Ты что-то услышал? — тихо спросил он.

— Нет, — медленно ответил Элкинс и глубоко вздохнул, как будто только что проснулся. — Но взгляни-ка вон туда, ладно? Если это не то, что нам нужно, то чертовски похоже!

И Хейнс, бросив один быстрый взгляд на световой луч, согласился с другом.

— Святые пророки! — воскликнул он. — Там словно горит багровый огонь!

И он уставился на светящееся пятно, в которое упирался наконечник солнечного копья. Глаз пылающего света имел по крайней мере несколько дюймов в диаметре и казался таким же живым, как глаз любой дикой кошки, которую им доводилось видеть.

— Я думаю, здесь не глубже, чем по пояс, — вот и все, что сказал Элкинс. Сбросив рюкзак, он взвалил его на плечи и, сжимая в свободной руке винтовку, ступил в черные воды.

— Лучше нам будет пока остановиться, Джо, — хрипло произнес Хейнс, — иначе мы наберем обычной гальки. У меня так устали глаза, что я больше не могу отличить одно от другого, — пожаловался он дрожащим голосом.

Уже некоторое время они работали лихорадочно, но молча. Первая вспышка недоверчивого изумления угасла, когда они осознали, что каждый попадавшийся им рубин был несомненным, чистейшей воды шедевром природы — и что хранилище, где находились эти камни, являлось, по всей видимости, неисчерпаемым. Жила шириной около шести дюймов проходила диагонально по склону из глины и обычного щебня и взмывала от берега на несколько футов вверх; и каждый второй камень, который они извлекали из нее, был кроваво-красной драгоценностью. Многие были величиной с крупный фундук, несколько размером с грецкий орех; рядом с общей грудой лежала пара великолепных находок — камни, не уступавшие по величине и форме среднему куриному яйцу. Даже среди обломков, осыпавшихся со стены, можно было бы набрать целые пригоршни камней поменьше; но с таким сокровищем перед глазами никто и не подумал этим заниматься. Сумки друзей быстро наполнились до отказа, и они поспешно выкопали углубление в рыхлом щебне и стали складывать туда свои находки. Са-

мый маленький из этой кучки светящихся малиновых камешков по стоимости равнялся сумме, которую они могли бы заработать разве что за год каторжного труда.

Богатство за пределами алчности! Это был не сон; камень за камнем доказывали это. Наконец-то судьба улыбнулась им; но за ее кажущейся добротой скрывалась издевательская злоба, поскольку одной рукой она протягивала им свой подарок, в то время как пальцы другой уже были скрючены, готовясь вырвать у них сокровища.

Течение было неспешным и в большинстве мест ручей можно было вполне перейти вброд, однако у скалы чуть ниже вода громко шумела, преодолевая пороги; вдобавок, неподалеку от них поток резко изгибался. Друзья опрометчиво отбросили всякую видимость осторожности и на мгновение забыли обо всем, кроме своей безумной страсти к камням. Вероятно, именно поэтому они не заметили приближения огромного существа, которое, шаркая, двигалось по руслу ручья и внезапно появилось из-за поворота менее чем в ста ярдах от целеустремленных искателей.

Исполинское существо перестало шаркать ногами и, вытянув вперед свою длинную толстую шею, жадно уставилось на фигурки пигмеев; затем подозрительно понюхало воздух, как будто запах человека был для него чем-то новым и непостижимым. Звук этого могучего вдоха напоминал внезапный прорыв ветра среди верхушек лесных деревьев.

В мгновение ока согнутые фигуры распрямились, каждый схватил свою винтовку и громко щелкнул предохранителем. Но в тот же миг они оставили всякую мысль об использовании такого незначительного оружия; очевидно, было бессмысленно и нелепо мечтать о том, чтобы сразиться с таким чудовищным существом чем-то менее эффективным, чем полевая пушка или, предпочтительнее, окопный миномет. Они и представить себе не могли, что даже в этом логове ужасных тварей может существовать нечто столь огромное, противоестественное и свирепое. Этот оживший ужас совершенно не соответствовал своему окружению, как будто был предназначен для гораздо более масштабного замысла творения, но по какой-то случайности попал на на-

шу планету, где карликовые холмы, деревья и живые создания могли быть лишь презренной заменой его утраченной родины.

Существо было почти в три раза выше очень высокого человека и возвышалось почти на половину своего роста над берегом, поскольку стояло прямо на огромных задних конечностях, очень похожих на конечности кенгуру; под водой, вероятно, скрывались аномально длинные ступни, хорошо заметные у этого сумчатого. Но в остальном гигант ничуть не походил на безобидного кенгуру. Его туловище поразительно напоминало огромного крокодила и было покрыто желтоватой чешуйчатой броней, а короткие передние конечности, хотя и толщиной с бедро человека, были снабжены когтями, как у ящера, и явно не использовались для ходьбы; устрашающая голова и челюсти представляли собой сплошную ороговевшую массу и переходили в то, что можно было назвать только изогнутой верхней мандибулой, чей тупой конец и хищная огромность вновь напоминали о крокодиле. Можно было бы представить, как эта огромная пасть раздирает на части скот и лошадей с такой же легкостью, с какой ястреб очищает от мяса куриные кости.

Вид чудовища заставил бы любого застыть от ужаса; это смешение черт птиц, зверей и рептилий распространяло такое ощущение непреодолимой мощи и дьявольской дикости, что люди лишились способности рационально мыслить и могли думать только о немедленном бегстве.

— Быстрее, Том! — хрипло прошептал Элкинс. — Забирайся мне на плечи; мы должны выбраться! Я заброшу рюкзаки наверх, а ты мне поможешь — если мы поторопимся, я думаю, все получится.

Говоря это, он мгновенно вскочил на ближайшую кучу щебня, поднимавшуюся почти до половины береговой насыпи. Еще секунда, и Хейнс вскарабкался на подставленную спину и перемахнул через гребень берега. Два рюкзака тут же приземлились рядом с ним; он наклонился с вытянутой рукой и сжал поднятые пальцы Элкинса.

Оба товарища были крепки, как гвозди, и проворны, как горные козлы; теперь же, когда их подгоняло ужасающее

чудовище, они двигались плавно и быстро, словно орел, налетающий на добычу. Элкинс вовремя оказался на гребне: когда он продирался сквозь свисающие лианы, гигантская тварь метнулась к ним в летящем прыжке, разом покрыв почти треть разделяющего их пространства. Всплеск от ее приземления на дно ручья вызвал огромную волну, почти доверху окатившую оба берега; брызги градом посыпались на кустарник. Искатели рубинов увидели это лишь мельком, надевая рюкзаки; затем они стали продираться сквозь густой кустарник у берега, держась поближе друг к другу.

— Беги к стене, с которой мы спрыгнули, Том — нам нужно как-то выбираться из этой адской дыры, и я думаю, что эта чертова тварь не альпинист, — крикнул Элкинс, когда они вбежали в высокий лес. — Твою ... ! Она взобралась на берег и преследует нас! — воскликнул он, услышав треск в зарослях позади. — Беги изо всех сил! не рискуй прятаться! — быстро предостерег он.

Возможно, они и опередили своего преследователя на несколько сотен ярдов; но какое это могло иметь значение, когда существо могло преодолеть сотню футов одним прыжком и заросли мешали ему не больше, чем пучки сухой травы? К счастью, это была всего лишь просека в джунглях, где растения наслаждались более ярким светом, просачивающимся сквозь скудную листву над ручьем; дальше тянулся высокий лес, почти лишенный подлеска, поскольку гористое местоположение плато препятствовало безумному буйству растительности, зародившейся на горячих равнинах в тысяче миль к востоку. Конечно, ориентироваться здесь было нелегко, и человек, непривычный к таким мрачным глубинам, безнадежно заблудился бы через пять минут, но спутники чувствовали направление мгновенно и безошибочно, как дикие звери; и хотя они часто бежали зигзагами, избегая зарослей, они все же не упускали из виду свою цель и, нагруженные рюкзаками и винтовками, рвались вперед в бешеном темпе.

Ноги существа с грохотом опускались на землю позади них и порой грохотали так близко, что они боялись вот-вот оказаться в его ужасающей пасти. Но, по-видимому, уди-

вительный способ передвижения стал для него здесь помехой: молодые побеги нередко оказывались слишком толстыми, отказывались рваться даже под напором его огромной массы и сплетались так густо, что тварь не могла проскочить сквозь них. Очень скоро до убегающих людей дошло, что, несмотря на гигантские прыжки и огромные челюсти зверя, они все еще оставались живы и могли бежать до тех пор, пока силы не покинут их.

Было не совсем понятно, руководствовалось ли существо слухом или обонянием; однако оно не сбивалось со следа, и даже после нескольких резких поворотов бегущие продолжали слышать за спиной глухие удары и треск. Вскоре они инстинктивно ощутили, что приближаются к тому месту, где спрыгнули с высоты; и еще они понимали, что придется замедлить темп — вздымающиеся груди и колотящиеся сердца, казалось, были скованы раскаленными железными обручами, которые с каждым мгновением затягивались все туже и мучительнее.

Не будь тяжелых рюкзаков, они бы, вероятно, быстро оставили тварь далеко позади; но отсутствие рюкзаков означало бы конец их поисков и повлекло бы за собой невероятные трудности; что касается винтовок, то потеря их в таком отдаленном месте почти наверняка стала бы смертным приговором; для таких людей, как они, подобные вещи священны, и лишиться их можно только вместе с жизнью.

— Скоро нам придется остановиться, Джо! — пропыхтел более грузный Хейнс; бежать ему было труднее, чем худощавому спутнику.

— Держись, Том! — с тревогой подбодрил его напарник. — Осталось добежать до тех зарослей впереди — мы остановимся и накормим проклятую скотину парой таблеток — твари придется притормозить, чтобы обойти заросли, и это даст нам шанс прочистить ей мозги! — яростно закричал он.

Бумм! снова раздался треск молодой древесины, и зверь приземлился на расстоянии нескольких сотен футов от них; правда, за исключением редких открытых пространств, гигантские заросли были настолько густыми, что у существа было мало возможностей продемонстрировать свою пора-

зительную прыгучесть, а из-за огромного веса двигалось оно не быстрее, чем убегающие спутники.

До предела напрягая слабеющие мышцы, они бросились к зарослям, прорвались сквозь плотный барьер и помчались к его ближайшему краю. Здесь они разделились, спрятались за массивными стволами и стали ждать появления существа. Оба знали, что неудача означала гибель по крайней мере для одного из них, но теперь их нервы были спокойны и руки тверды, как исполинские стволы, к которым они крепко прижимались; и раньше их жизнь не раз зависела от своевременного нажатия на спусковой крючок, и пока что у них не было причин сомневаться в эффективности подобных доводов.

Бух! существо метнулось к барьеру, и по резкому треску и натужным звукам люди поняли, что оно тщетно пытается пробиться сквозь сплетение толстых стеблей. В тупости этого действия было что-то странно птичье, как если бы в зарослях возилось гигантское и глупое крылатое создание, бросающееся на проволочную сетку. Но мгновение спустя звериная составляющая существа взяла верх; оно прекратило атаковать барьер и прыжком достигло дальнего конца, где путь был открыт; и теперь в извивающемся шарканье его движений и покачивании ужасающей головы чувствовался более чем намек на рептилию. Тварь сделала несколько шагов вперед и оказалась между сидевшими в засаде людьми; она мельком заметила одно из странно пахнущих существ, за которыми гналась — а затем свет для нее навсегда погас в оглушительном грохоте двух винтовочных выстрелов, слившихся воедино.

И после — хаос! неопикуемый катаклизм высвободил первобытную энергию, выплескивая свою титаническую силу в конвульсиях огромных мышц. Сюда! туда! взлетая громадными прыжками во всех направлениях, врезаясь в молодые побеги и разбивая их в щепки; тараня исполинские стволы с невероятными громоподобными ударами, от которых содрогались сами древесные гиганты, а живой таран на секунду замирал под ними дрожащей горой плоти; снова взмывая вверх в очередной конвульсии и бросаясь в дру-

гую сторону...

Птичий дух полностью контролировал теперь умирающее тело, ибо оно, в бесконечно увеличенном масштабе пространства и времени, повторяло буйство интенсивных рефлекторных действий, демонстрируемых обезглавленной курицей.

Спутники отскочили назад, чтобы избежать ужасающих ударов этих чудовищных конвульсий; но вскоре ярость выброса энергии исчерпала себя, промежутки между спазмами стали длиннее, и после одного оглушительного удара существо растянулось на земле. Его огромные мышцы напрягались и подергивались волнами быстро убывающей жизненной силы; и тогда Хейнс рискнул подбежать к своему напарнику.

— Ну разве не картинка! — воскликнул Элкинс, рассматривая тяжело дышащего зверя.

— Будь я проклят! Славно мы его угостили! — ликующе вскричал Хейнс.

— Просто удача, — отозвался его товарищ. — Эти наши таблетки, или одна из них, пронзили его серое вещество. Вероятно, мозг у него не больше куриного яйца, и наши разрывные пули вынесли его начисто. Да, нам очень повезло, но я не стал бы больше полагаться на везение, — задумчиво добавил он.

— Как ты думаешь, Джо, что это такое? — спросил Хейнс тоном благоговейного изумления.

— Понятия не имею! Я видел в одной книге рисунок, довольно точно изображавший зверя, но не помню, как эта тварь называется, — ответил Элкинс, нахмутив брови в тщетной попытке вспомнить. — Как бы то ни было, его папаша и мамаша, возможно, еще живы, и у него вполне могла быть пара, а я не умираю от желания встретиться ни с кем из них. Так что, думаю, нам лучше побыстрее найти способ избавиться от этого кошмара, — решительно заявил он.

— И заодно упустить целое состояние? — утрюмо возразил Хейнс.

— Я не вижу никакого другого выхода — мы не приспособлены для борьбы с такими дьяволами. Эта тварь полу-

чила свое благодаря случайности, но подобный шанс может не повториться в ближайшую сотню лет. Я не боюсь рисковать, но было бы безумием выйти против таких зверей с нашими пукалками. Ничего, в следующий раз у нас будет с собой все необходимое, — мрачно заверил Элкинс.

— В следующий раз! — удивленно и с большим удовлетворением повторил Хейнс. — Вот это я понимаю! Конечно, и для нас наступит праздник. А то, что мы успели набрать в сумки, придаст нашим праздничным нарядам некоторый стиль.

— Оружие, способное пробить броневую плиту шариком весом в унцию, разрывные снаряды, чтобы их пощекотать, и один-два ящика динамита — о да! у нас будет все, что нужно, — свирепо согласился Элкинс. — Но теперь нам лучше убраться отсюда как можно быстрее. Я думаю, что эти твари чаще всего держатся около воды, и скорее всего, в лесу есть и другие озера, у которых они могут искать добычу; но все равно, смотри в оба — возможно, я ошибаюсь.

С минуту они внимательно прислушивались, боясь, что громкий шум мог привлечь других ужасных тварей; не услышав ни шороха в окружавшей их абсолютной тишине, спутники подобрали поспешно скинутые рюкзаки и, бросив последний и полный лютой ненависти взгляд на чудовищную тушу, все еще пульсирующую грандиозной первобытной жизненностью, покинули сцену сражения, которая выглядела так, будто ее недавно вспахали снаряды целой батареи полевых орудий.

В середине дня они вернулись на то место, где спустились с пустынного плато. Затем они двинулись вдоль громадной стены на запад, но на протяжении многих миль ни один участок не давал хоть малейшей надежды на восхождение. Отвесные хмурые утесы можно было преодолеть разве что с помощью крыльев. В отчаянии они вернулись по своим следам, чтобы еще раз проверить осуществимость плана, казавшегося их единственной надеждой на спасение.

— Не знаю... — медленно сказал Элкинс. — Может, вон там, но эти двадцать футов посередине... — добавил он, указывая на утес. Примерно на половине пути вверх поверхность

скалы на протяжении дюжины футов казалась гладкой и сияющей, как оконное стекло; снизу не было видно никаких признаков расщелин или выступов.

— Один из нас мог бы посадить другого с полки внизу, — без особой уверенности ответил Хейнс. — Но тот, кто окажется наверху, и пальцем не сможет пошевелить, чтобы помочь другому, пока не поднимется еще на дюжину футов.

Факт был очевиден: прямо над стеклянистой поверхностью пролегал отвесный обрыв, и попытка одного из друзей помочь другому означала бы мгновенную катастрофу. В остальном восхождение представлялось крайне трудным, но возможным для людей с железными нервами и мускулами, какими были эти двое.

На мгновение партнер Хейнса замолчал. Очевидно, он весь погрузился в размышления о предстоящей задаче; но вот он поднял голову и резко произнес:

— Нет смысла обманывать самих себя. У одного еще есть шанс, но другому ни за что не выжить. Одному из нас придется остаться, пока другой проберется через горы и вернется сюда с мотком веревки. Я не вижу никакого иного выхода. И действовать придется быстро — еды с трудом хватит на это путешествие, а отправляться на охоту к любому озеру здесь внизу — не более чем простое самоубийство, — хладнокровно добавил он.

— Но, Джо, — возразил Хейнс, — до Арена, а это ближайшее поселение, самое меньшее десять дней пути. Значит, одному из нас придется провести двадцать дней в одиночестве в этой проклятой дыре!

И он замолчал, представляя себе этот чудовищный опыт.

— Ну и что с того? Ночевать можно здесь, на скальных полках, тут достаточно безопасно, а днем прятаться. Думаю, вполне можно продержаться. В любом случае, мы должны рискнуть, потому что на такой высоте нельзя найти ни одной лианы, — сказал Элкинс, кратко резюмируя ситуацию.

— Да, — очень тихо сказал Хейнс, — и кто, по-твоему, останется?

— Ну конечно же я! — резко ответил Элкинс.

— Ты ошибаешься, Джо, это я останусь, — заявил Хейнс

непреложным тоном божественного приказа. Элкинс свирепо, но пряча улыбку, уставился на своего напарника.

— Конечно, ты упрям, как осел, и даже динамитная шашка не смогла бы сдвинуть тебя с места, но вот тебе решение! — сказал он, подбирая с земли два каменных осколка. Видишь, один светлый — это кварц, а другой — гранит. Ты выбираешь, и тот, кому достанется кварц, остается. Годится?

— Думаю, да, — неохотно согласился Хейнс.

Элкинс сразу же потряс камни в шляпе, затем быстрым движением перевернул ее на плоскую плиту, просунул под шляпу руку и вытащил сжатый кулак с осколком внутри.

— Итак, что скажешь? — тихо спросил он.

— Светлый, — ответил Хейнс, дотрагиваясь до сжатых пальцев. Пальцы разжались — и на плиту упал маленький гранитный осколок.

— Вот и все, — сказал Элкинс так весело, как будто выиграл в лотерею. — Теперь мы займемся делом; чем скорее ты справишься с этим, тем лучше. Не бери с собой ничего, кроме ружья, котелка и еды; не забудь леску — спустишь ее, и я привяжу все внизу.

После небольшого спора о разделе бобов, в котором Хейнс добился своего, просто заявив, что «если ты отправишь наверх хоть на унцию больше трети, я выброшу все в пропасть», они договорились, что Элкинс, даже найдя способ подняться, будет ждать в этом месте на двадцатый день. Затем искатели приключений приблизились к тому участку стены, где, по их мнению, можно было взобраться.

У подножия стены Хейнс обеспокоенно обернулся и прорычал:

— Послушай, Джо, ты не избавишь меня от этого? Давай попробуем еще поискать. В этой проклятой стене должен быть какой-то пролом.

— Мне так не кажется, — покачал головой Элкинс. И Хейнс не мог отрицать, что громадная зубчатая стена всюду казалась сплошной линией отвесных обрывов.

— Будь проклята адская дыра! — резко вырвалось у него. — Какое-то заколдованное место. Всего тридцать футов веревки или каната хватило бы...

И вдруг он онемел, а в его глазах вспыхнул огонек безмерного удивления. Затем он внезапно рассмеялся, радостно и торжествующе, хотя и почти бесшумно.

— В чем дело? — удивленно спросил Элкинс.

— Мы глупы, как пара детей! — презрительно, но очень довольным тоном воскликнул Хейнс. — Да у нас больше веревок, чем мы можем использовать, и все они лежат менее чем в десяти минутах ходьбы от нас!

— Веревки! Где? — рявкнул Элкинс.

— А брюхо этой огромной твари? Мало ли найдется на нем отрезков шкуры длиной в тридцать футов? И шкура эта прочная, думаю, на ней и слона можно поднять в воздух, — заявил Хейнс.

— Будь я проклят! Скорее! — только это из сказанного Элкинсом было пригодно для печати.

— В следующий раз запасемся веревочной лестницей, — сказал Хейнс, откладывая в сторону связанные узлами отрезки засаленной сыромятной кожи, с помощью которых они только что подняли свое снаряжение с уступа в сорока футах ниже. — Мне совсем не по душе изображать из себя человеческую муху и каждую минуту ждать тычка в спину от какого-нибудь крылатого дьявола.

— Признаюсь, от той же мысли у меня мурашки побежали по коже, когда мы цеплялись там зубами за стену. Да, думаю, в следующий раз мы будем готовы к небольшому откровенному разговору с этими адскими тварями, — весьма сердечно согласился Элкинс, наблюдая, как приближающаяся ночь набрасывает свою темную пелену на недвижные, покрытые лесом глубины.

Издали сквозь мрак донесся крик, такой громкий, такой зверский, настолько пропитанный ужасающими чувствами, что вся вселенная, казалось, в ужасе стала прислушиваться к безмерности его дикой жизненной силы и чистей-

шей дьявольщины.

— Мир в процессе становления, — пробормотал великий ученый Элкинс.

— Динамитная шашка заткнет ваши трели, — свирепо прорычал Хейнс.

И двое искателей приключений двинулись в путь, на поиски ночного убежища.

Джозеф У. Скидмор

ЖУК В ЯНТАРЕ

Пролог

Этот эпос посвящается Джоан, моей прекрасной и талантливой жене.

Рассказ «Жук в янтаре» вдохновлен тем, что в этот день я купил давно желанную длинную нитку бус из янтара для моей дорогой леди, владычицы моего сердца.

Пока я сижу и размышляю — благодарный богам, — одаренные руки Джоан наносят свободные, уверенные мазки кистью на чудесную картину. Шарики таинственного янтара танцуют на ее стройной молодой шее в гармонии с умелыми движениями. Сегодня Джоан работает над картиной, изображающей группу высоких калифорнийских эвкалиптов, добавляя к ней искусные студийные штрихи.

Как ни странно, деревья, изображенные на картине, находятся близ битумных озер Брея в Лос-Анджелесе. Множество найденных там костей и окаменелостей доказывают, что доисторический человек храбро сражался с невероятными, кошмарными монстрами.

Может быть, эти янтарные сферы видели немало человеческих трагедий наших героических предков?

Теплый янтарь кажется живым, когда он ласково обнимает это прекрасное горло — счастливый янтарь! А я... я...

Эвкалиптовые деревья вдруг словно изменяются; я вижу огромный, дымящийся испарениями лес. Станный, гротескный человек бросается в мелкий теплый ручей, резко хватая вялую рыбу. Могучий, ужасный зверь, высокий, как деревья, вытягивает свою длинную чешуйчатую шею! Его уродливая голова, вооруженная огромными, жестокими зубами в злобной, слюнявой пасти, жадно тянется, чтобы схватить человека!

Я пытаюсь закричать, предупредить! Мой голос не слышен! Я...

— Проснись, Джо! — говорит Джоан. — Тебе, должно быть, что-то приснилось!

Д. У. С.

Оливер Кент, известный ученый, оккультист и философ, пригладил длинными пальцами серебристые волосы и пристально посмотрел на своих гостей.

Дональд Кромвель и его красавица жена Джоан, давние друзья доброго и эрудированного ученого, почему-то чувствовали себя не в своей тарелке.

— Я знаю, Кент, старина. Вы можете решить, что мы с Джоан с ума сошли, но этот жук оказывает на нас какое-то странное, сверхъестественное влияние.

С этими словами Кромвель вручил Кенту полупрозрачный, мерцающий шар из янтаря. Когда старый ученый прикоснулся к янтарному шару, тот буквально вспыхнул золотым пламенем, отраженным от огня щедрого очага Кента.

В центре шара из древней смолы находилось странного вида насекомое — точнее, жук. В чем-то он напоминал египетского скарабея, за исключением того, что был намного крупнее, а его голова была такой же величины, что и туловище. Бронированная голова жука заканчивалась жестокими, сильными клешнями.

— Так-так, — задумчиво произнес Кент, — какой идеальный экземпляр. Этот парень, вероятно, жил миллион лет назад. Вы знаете, друзья мои, когда мир был молод, тысячи жуков, мух и скорпионов были заключены в вязкую смолу сосен. Затем, вероятно, комочки смолы смыло в аллювиальные почвы и они превратились в янтарь. Итак, ваш маленький жук нашел для себя красивейшую гробницу. Почему же он доставляет вам двоим какие-то неприятности?

Джоан впервые заговорила, и ее красивое лицо осветилось прекрасными, голубыми, мистическими глазами.

— О, мистер Кент, я уверена, что это все моя вина. Мы с Доном всегда были так счастливы. Вы ведь знаете, что у нас есть все: здоровье, деньги и любовь друг к другу, но мы были странно несчастны с тех пор, как я нашла жука.

— Как и где вы его нашли? — с неподдельным интересом спросил Кент.

— Однажды я ходила по магазинам и остановилась у витрины старого ломбарда. Среди разных предметов была эта янтарная бусина. Казалось, она заворожила меня — и

пробудила какие-то давно забытые страхи. Она мне снилась и в этих снах я переживала неопишимо ужасные приключения. Я видела, как жук оживал. Он словно вырастал до огромных размеров и преследовал меня. Затем мне приснился совсем жуткий сон. В нем Дон и я были доисторическими людьми и боролись за свое существование в причудливом мире чешуйчатых, кошмарных монстров. Я стала больной и раздражительной. Несколько дней назад я больше не смогла этого выносить. Меня как будто привело в ломбард непонятное, могущественное влияние.

Я купила янтарную бусину, хотя Дон просил меня этого не делать. Дон нашел меня поздно ночью, когда я смотрела на янтарный шар. Я находилась под каким-то потусторонним воздействием. Я поссорилась с Доном. Я была не в своем уме. Мы решили обратиться к вам за помощью. Мы с Доном чувствуем, что мне необходимо избавиться от этого влияния, иначе оно изменит всю нашу жизнь. Вы можете нам помочь?

— Я уверен, что смогу, — улыбнулся Кент. — Я хочу узнать больше о ваших снах, которые в вашем случае, похоже, являются воспоминаниями сверхсознательного разума. Сначала позвольте мне немного рассказать вам о янтаре. Возможно, вы знаете, что это окаменевшая желтоватая смола, напоминающая копал и встречающаяся в аллювиальных почвах с залежами бурого угля. Находят янтарь в основном на морских побережьях или вблизи них.

Древние обнаружили, что при сильном трении янтарь становится сильно наэлектризованным. Из-за этого ему приписывались многие странные свойства и способности. Сама смола несомненно происходит из сосен, которые росли в период эоцена, так как бурый уголь относится к каменноугольному периоду. Янтарь содержит много летучих веществ. Он используется для изготовления тончайшего лака. Благодаря его красоте и способности отражать любой свет из янтара на протяжении многих веков изготавливали бусы и другие украшения. Некоторые...

— Мой дорогой Кент, — прервал его Кромвель, — какое отношение эта лекция о янтаре имеет к нашей с Джоан беде?

— Дело в том, дорогие друзья, что я собираюсь провести очень интересный эксперимент и делюсь с вами сведениями о янтаре, чтобы подстегнуть ваши сверхсознательные умы и подготовить вас к испытанию.

— Испытанию? — Джоан удивленно посмотрела на Дональда.

— Янтарь, мои добрые друзья, — неторопливо продолжал Кент, — является чрезвычайно интересным и в каком-то смысле историческим веществом. Мы находим упоминание о нем в «Одиссее» Гомера, где в списке драгоценностей, предложенных финикийскими торговцами королеве Сиры, фигурирует ожерелье из янтара, «оправленного в золото с чудным искусством».

Фалес Милетский около 600 г. до нашей эры обнаружил, что янтарь при растирании притягивает легкие тела; это древнее и простое наблюдение лежит в основе современной науки об электричестве.

Древние греки верили, что их мифологические Гелиады сильно тосковали по своему брату Фаэтону, сброшенному молнией Зевса в Эридан. Боги пожалели их и превратили в тополя, а пролитые ими слезы были разбросаны по берегам реки в виде янтара.

Не улыбайтесь, Дональд и Джоан. История янтара очень важна для вас двоих. Янтарь принес вам несчастье, и эта таинственная субстанция должна вернуть вам душевный покой, когда я перевоплощу вас двоих.

— Перевоплотите нас? — одновременно выдохнули Джоан и Дональд. — Как?

— Плиний много рассказывал нам о янтаре и считал его бесценным, заявляя, что «изображение человека из него, каким бы оно ни было маленьким, превышает цены людей живых и полных сил». Плиний также говорит нам, что ожерелье из янтарных бусин может превосходно обезопасить от яда и является мощной защитой от колдовских чар.

Древнеримский Нерон отправил большую экспедицию для поисков этой редкой и драгоценной субстанции на балтийском побережье. Как ни странно, насекомые, иногда встречающиеся в янтаре, принадлежат к вымершим видам.

Это подтверждает теорию о том, что янтарь очень стар. Его состав, по словам Шреттера, таков: углерод — 78,94; водород — 10,53; кислород — 10,53.

Минералогически он относится к классу кислородсодержащих углеводов по Дане.

Этого будет достаточно: заглядывая в ваши умы сквозь зеркала ваших глаз, я вижу, что мой рассказ не пробуждает у вас особых воспоминаний. Итак, друзья мои, совершенно очевидно, что ваш несчастливый опыт с янтарем произошел в доисторические времена.

— Я этого не вижу, — сказал Дональд, качая головой.

— У каждого, — объяснил Кент, — есть воспоминания — возможно, дремлющие, — которые стары, как само время. Мысль, запечатленная в памяти, записывается в мозгу с помощью небольшого изгиба, складки или излома, подобно тому, как записывается звук на восковом цилиндре фонографа. Ужасный опыт порождает более глубокую бороздку и потому действует дольше и сильнее. Отцы и матери передают своим детям по наследству подобные мозговые бороздки.

Так объясняются странные, непривычные сны — сны, что открывают нам вещи, которые оставались для нас неизвестными или, возможно, неосознанными без учета опыта, предшествовавшего этому существованию.

— Вы хотите сказать, — спросил изумленный Кромвель, — что много веков назад какой-то древний предок Джоан пережил ужасный опыт и что Джоан унаследовала это воспоминание?

— Не исключаю, дети мои, что так оно и было — или же, быть может, Джоан пережила янтарное приключение в некоем предыдущем существовании в своей собственной прекрасной ипостаси.

— Предыдущем существовании? — вскочила на ноги Джоан.

— Да, Джоан. Все мы воплощались в предыдущих существованиях.

Глаза пожилого мистика, казалось, были устремлены в бескрайнюю бездну пространства, когда он произносил эти

слова.

— Вы, Джоан, — продолжал Кент, — медиум. Вы отважились без должной подготовки отправиться в таинственное прошлое. На самом деле, такие явления довольно часто встречаются на первичной стадии четырехмерного разума. Сядьте. Я объясню проблему и помогу ее разрешить.

Джоан и Дональд хранили молчание.

Они хорошо знали эксцентричные манеры Кента и поняли, что его гениальный ум, по-видимому, был занят какими-то сложными вычислениями, касавшимися целой Вселенной.

Затем Кент поднял свой проникновенный взгляд на лица друзей. Несколько мгновений он пристально смотрел на них. Они знали, что мистик читает в их сердцах и душах.

Их сознание словно погрузилось в забвение. Казалось, вечность спустя они услышали гулкий голос ученого, доносившийся из абсолютной темноты. Это было жутко — нереально — ужасающе!

— Дональд Кромвель — мой друг — как сильно вы любите Джоан?

— Всей душой! — вырвалось у Кромвеля. — Она для меня все.

— Хорошо сказано, мой мальчик. Рискнете ли вы всем, чтобы вернуть ей счастье, уничтожить это тревожащее влияние?

— Я сделаю это, — заявил Кромвель. Он говорил от всего сердца, но чувствовал, что эти слова произнес не его голос.

— А вы, Джоан, тоже рискнете всем ради своего счастья?

Звонкий голос Джоан ответил без малейших колебаний:

— Я рискну всем — с радостью.

— Еще лучше сказано.

Джоан и Дональду казалось, что они пребывали где-то далеко, за тысячи световых лет; но вот могучая рука внезапно вернула их на Землю, к нормальной жизни. Мгновение они озадаченно смотрели друг на друга, а затем взгля-

нули на Кента, который сидел в ожидании с легкой улыбкой на худощавом умном лице.

— Друзья мои, чтобы вернуть себе счастье, вам придется подвергнуться большим испытаниям и опасностям. Вам двоим нужно будет вернуться в кладовые памяти.

— Да ведь реинкарнация — это всего лишь ужасное воспоминание из невежественного прошлого! — воскликнул Кромвель, вскакивая на ноги. — Никто не верит в такую чушь!

— Сядьте! — резко приказал Кент. — Вы ошибаетесь. Великие мыслители современности, а также многие из тех, кто изучает философию, науки и религию, считают, что реинкарнация возможна.

— Помолчи, Дональд. Мистер Кент собирается нам помочь, — и Джоан успокаивающе положила руку на плечо мужа.

Кент продолжал, как будто его и не прерывали.

— Я подверг анализу происходящее. С помощью гипноза я заглянул в ваши души и в свою. Ваше прошлое — не только в этой жизни, но и в различных предыдущих воплощениях — для меня открытая книга. Вы двое должны заново пережить прошлую опасность, в которой янтарь сыграл такую важную роль.

— Дональд, я верю тому, что он говорит! Кажется, я чувствую, что он прав. О, Кент! Как нам пройти это испытание?

Кромвель с изумлением посмотрел на жену. Затем его взгляд смягчился, а плечи расправились.

— Кент, мне жаль, что я сомневался в вас. Я готов ко всему.

Кент подошел к маленькому буфету и вернулся с бутылкой и двумя бокалами.

— Джоан, вы с Дональдом собираетесь пережить самое странное приключение, когда-либо выпадавшее на долю человека. Это очень тонкий эксперимент. Вы двое рискуете.

— Но как вы собираетесь нас перевоплотить? — запинаясь, спросил Кромвель.

— Я не буду пытаться, — улыбнулся Кент, — объяснить процесс вашим неподготовленным умам, но я изложу вам несколько фундаментальных фактов.

Великий индуистский философ Шри Йогеш Мисроу говорит, что четвертое измерение — это одна из тех тонких реальностей природы, что открывается нам по мере развития необходимых для познания ее новых ментальных органов и интуитивных способностей.

Что же такое четвертое измерение? Это одна из сфер вселенной, с которой мы соприкасаемся с помощью наших интуитивных способностей. Точно так же, как планета, где мы живем, реальна — реально и четвертое измерение. Плотные аспекты нашего мира принадлежат к третьему измерению. Более тонкий аспект относится к четвертому измерению и соприкасается с ним. Я не могу сказать вам существенно больше, равно как и не могу точно описать четвертое измерение и его удивительные возможности. В настоящее время оно частично видимо многим, кто настроен на его вибрации. Но мало кто из нас способен применить эту великую силу на практике. Лучшее определение, которое я могу вам предложить, — это сверхсознательный разум, могущий пребывать как в физической, так и в астральной сферах четвертого измерения.

Имейте в виду, что даже для самых просвещенных из нас Изида все еще скрыта, и космическая иллюзия все еще скрывает судьбы Вселенной. Больше я ничего не скажу. Вам пришлось бы учиться годами, прежде чем ваш разум смог бы усвоить основы. Но я говорю вам, что могу использовать силу четвертого измерения и таким образом спроецировать вас назад во времени. Этот процесс является в значительной степени ментальным, своего рода гипнозом. Ваши тела никогда не покинут этих кресел, но ваши сверхсознательные умы вернутся к прежнему существованию. Ибо, когда я спроецирую ваши умы в четвертое измерение, время и место не будут значить абсолютно ничего.

Ученый сделал паузу и вручил гостям по бокалу с темной жидкостью.

— Пейте от души, и вот тост. За вас, Джоан и Дональд, современных культурных людей, которые отправятся назад по неумолимому потоку времени и заново переживут прошлое существование! Вас ждут невероятные опасности. Пейте!

Джоан и Дональд допили последние капли из бокалов и посмотрели в горящие глаза ученого.

— Джоан, дорогая, — пробормотал Дональд, — боюсь, Кент сошел с ума.

Двое искателей приключений почувствовали, что их разум цепенеет. Дональд протянул руку и сжал ищущие пальцы Джоан. Вместе они мужественно ждали, пока их сознание улетало в огромную пропасть тьмы и пустоты. Они ощущали, что висят над громадной бездной забвения, отчаянно цепляясь за ледяной край непослушными пальцами. После им показалось, что они падают и что к ним летит гигантский зверь. Страшная рептилия выпустила свои чешуйчатые когти и притянула их к себе.

Так это же Гипнос! Бог сна — и все оборвалось.

Джоан и Дональд мучительно пытались привыкнуть к странному ментальному восприятию. Их чувства постепенно обострялись, и они вытаращенными глазами рассматривали свое фантастическое окружение.

Это был влажный, источающий пар мир гигантских деревьев и невероятных кустарников, похожих на орхидеи, которые практически покрывали землю. Повсюду виднелись колоссальные грибы и мхи, разраставшиеся с поразительной, заметной взгляду быстротой.

Посреди тепловатого, вялого ручья бродило самое удивительное чудовище. Его уродливая голова, расположенная на конце змееподобной удлиненной шеи, возвышалась на целых сто футов. Пасть ужасного существа срывала нежные ветки с верхушек деревьев, в то время как его огромное туловище, опираясь на мощные задние лапы, тяжело тащилось вдоль ручья.

— Ну, Джоан, — выдохнул Дональд, — мы теперь доисторические люди. Судя по внешнему виду этого бронтозавра, который является травоядным животным и безвреден для человека, мы находимся в периоде плейстоцена.

Дональд повернулся к Джоан. Та в явном ужасе бросилась в его объятия. Его рот широко раскрылся. Распахнутые

от удивления и испуга глаза Джоан только усилили страх Дональда.

— О, Дональд, — ахнула Джоан и в тревоге отшатнулась от него, — что с тобой случилось? Ты настоящий зверь. У тебя длинные волосы по всему телу. И ты голый, если не считать львиной шкуры на поясе. Что произошло?

Дональд с изумлением осмотрел себя. Он обратил внимание на свои длинные, жилистые руки, которые свисали намного ниже колен. У него было тело Геркулеса. Он удивленно провел руками по лицу. Оно также было покрыто шерстью. К своему ужасу, он обнаружил у себя большой, выпуклый рот с выступающими резцами, как у гориллы. Дональд заговорил, и ошеломленный разум слышал что-то похожее на бормотание обезьяны. Внезапно его обезьяноподобное лицо расплылось в улыбке, и с толстых губ странно слетели булькающие, но цивилизованные слова:

— Ну, Джоан, ты сама не первая красавица. Разве ты не понимаешь, дорогая? Теперь мы — первобытные люди, одни из первых представителей человеческой расы. Господи Боже! Может быть, мы — наши собственные предки.

К этому времени Джоан успела испуганно оглядеть себя и начала поспешно осматриваться в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить дополнительной одеждой.

— Не бери в голову, — рассмеялся Кромвель. — Твоя коричневая кожа загорела так, что стала похожа на шкуру.

Дональд изумился еще больше, обнаружив, что сжимает в руке тяжелую дубину. Его руки, казалось, привыкли к ощущению и весу этого оружия. Несмотря на его огромную величину, Дональд легко размахивал им, как фехтовальной шпагой.

Некоторое время Джоан и Дональд взволнованно обсуждали свою ситуацию. Затем инстинкт выживания, преобладавший в создании первых представителей человечества, заявил о себе, и они действительно стали первобытными людьми.

Они перенеслись на миллионы лет назад и теперь жили в эпоху палеолита. Мир был населен странными существами и фантастическими, гигантскими монстрами. Теплые доли-

ны и болотистые низменности были заполнены причудливыми растениями и кишели чудовищными рептилиями — некоторые из них были крылатыми. Эрозия и разрушение, вызванные ветром и дождем, еще не обтесали возвышающиеся вдалеке горы; они имели прямоугольную форму. Да и на дымящейся земле не было округлых камней: все они были кубическими или отличались острыми гранями. Ледниковые периоды, наступившие миллион лет спустя, еще не перемололи и не разгладили поверхность земли своим непостижимым давлением и трением.

В наше время женщина перестала быть движимой собственностью и рабыней и стала совместно с мужчиной владеть на Земле; но в доисторические времена женщина была подвластна мужчине. Кромвель зашагал впереди, когда они начали с трудом взбираться по лесистому склону. Он представлял собой огромное, вселяющее страх существо семи футов ростом, с громадным, костлявым телом. Его толстая, как шкура, кожа была покрыта шрамами, полученными во многих ужасных сражениях. Блестящие глаза, тесно сведенные под косматыми бровями и защищенные глубокими глазами, пристально вглядывались в широкую долину сквозь разрывы в неотлучном, медленно плывущем тумане.

Природа предназначила его для внезапных и могучих усилий; большие, широко раскрытые ноздри быстро наполняли воздухом гигантские легкие, мышцы и сухожилия были сильными, но эластичными. Джоан, женщина, следовала за ним по пятам; ее глубоко посаженные глаза постоянно по-птичьи метались из стороны в сторону. Судя по всему, они осознали, что находятся в краю, населенном ужасными существами, которые видели в них лакомую добычу. Со всех сторон грозили страшные опасности, везде поджидала внезапная зубастая смерть. Они осторожно выглядывали из-за густых, скрывавших их от хищников кустарников. Вскоре они ощутили, что отчаянно проголодались, и с присущим бесчисленным поколениям инстинктом начали уметь искать пищу. Они пробирались сквозь пышные заросли ярко окрашенных полутропических растений и орхидей. Воздух был приторно-сладким от запаха бесчисленных яр-

ких цветов.

Они добрались до медленного теплого ручья и принялись ловить вялую рыбу, глотая ее сырой. Утолив голод, они присели на корточки у ручья, чтобы обдумать свое бедственное положение. Вновь осознав, что обладают разумом современного человека, они печально посмотрели друг на друга.

— Джоан, — начал Дональд, его толстые, оттопыренные губы с трудом выговаривали слова, — мы оказались в странном и трудном положении. Мы живем как первобытные люди, но обладаем разумом и знаниями той замечательной эпохи, из которой мы ушли в прошлое. Это сверхъестественно, это пугает, но мы должны крепиться. Какие-то неведомые унаследованные инстинкты подсказывают нам, как мы можем перехитрить наших многочисленных естественных врагов. Нам также помогает наш собственный, более развитый разум.

Джоан внимательно слушала; ее приземистая, волосатая, широкобедрая фигурка напряглась, как будто готовясь к внезапному прыжку.

— Да, Дональд, но что с Кало?

Дональд стремительно вскочил на ноги.

— Господи, Джоан, я и забыл, что нас преследует Кало и его солнцепоклонники. А ведь только прошлой ночью мы перевалили через горы, едва ускользнув от их дозорных.

Дональд помолчал и чуть улыбнулся: у него появилась отличная мысль.

— У нас есть небольшой шанс, Джоан. Мы можем поступить неожиданно для врага. Кало ждет, что мы продолжим путь через болотистую местность, чтобы добраться до нашего племени. Но мы можем вернуться обратно в горы. Там мы спрячемся. Мне непонятно, Джоан, как мы оказались в этих краях, так далеко от нашего племени — бодас. Почему мы отправились в эту вражескую страну одни, ты и я? Для меня это тайна. Я помню, похоже, некоторые важные события этого прошлого существования, но детали расплывчатые. Давай отправимся в горы, Джоан. Мы срежем путь через вон ту маленькую долину.

Дональд выпрямился во весь рост и стал вглядываться своими пронизательными глазами в плывущий туман. Далеко на юге туман разошелся, и он увидел группу огромных зверей. Эти хищники собрались над бурлящей ямой со смолой, надеясь полакомиться незадачливым саблезубым тигром, который увяз в ловушке смертоносной вязкой жидкости.

Бок о бок два первобытных человека начали неутомимой рысью спускаться по пологому склону, ведущему в лесистую долину. Джоан все думала о чем-то и, пока они бежали, заговорила:

— Разве ты не помнишь, Дон? Нас изгнали из нашего племени в земли врага, потому что мы поженились без разрешения вождя.

Казалось, она была немного задета тем, что Дональд не вспомнил о сердечных делах.

— О, да, — выдохнул Кромвель. Память вернулась к нему. — Вождь желал тебя. Зано, старый жрец, обвенчал нас. Вождь был в ярости. Он изгнал нас, прекрасно зная, что попасть в плен к солнцепоклонникам — верная смерть... Интересно, как долго будет продолжаться эта реинкарнация. Жаль, что с нами нет Кента. Ты помнишь, Джоан, он сказал, что янтарь имеет какое-то отношение к этому приключению. Я только боюсь, что мы обречены прожить остаток нашей жизни как доисторические люди.

— Если и так, — благородно ответила Джоан, — мы проживем эту жизнь вместе, а в будущем снова будем жить, как Дональд и Джоан Кромвель.

— Что за чушь, — отозвался Дональд. — Мы по-прежнему Джоан и Дональд.

— Нет, это не так, — настаивала Джоан. — Мы теперь другие.

Жизнь, с ее непостижимыми целями и кажущейся бесцельной борьбой, была огромной проблемой для доисторического человека. Какая сила, какой инстинкт, какая вера владели сердцами наших первобытных людей, сражавшихся со слепой отвагой за существование, за выживание вопреки выглядящим непреодолимыми препятствиям? Тот же

инстинкт, что властвовал над нашими доисторическими предками, царил в сердцах Джоан и Дональда. И они шли вперед. Они сделали бы все, что в их силах, чтобы раздуть мерцающий факел человеческой жизни.

Внезапно из тяжелого, густого воздуха над ними донесся жуткий звук, похожий на дребезжание костей, и к ним, хлопая крыльями, устремилась отвратительная рептилия.

— Ложись, Джоан, — крикнул Дональд. — Это птеродактиль.

Кромвель занял оборонительную позицию. Яростно размахивая дубинкой, он прыгнул вперед, защищая Джоан, которая опустилась на землю. Ужасное, потустороннее летающее существо, наполовину птица, наполовину рептилия, пикировало прямо на них, его клыкастая пасть истекала слюной в предвкушении желанной трапезы.

Когда могучие челюсти гигантского летающего зверя сомкнулись с громким металлическим щелчком, Дональд отскочил в сторону и с чудовищной силой взмахнул дубинкой.

Хрясь!

Он угодил рептилии по крылу, рядом с ее мерзким туловищем. Послышался хрустящий звук. На мгновение монстр растерялся. Затем он издал нарастающий оглушительный крик. Удар Дональда сломал его огромное крыло, похожее на крыло летучей мыши. Однако наказанная тварь была все еще опасна.

Рептилия по инерции пронеслась мимо людей, но мигом развернулась и возобновила атаку. Чешуйчатые передние лапы, прикрепленные к перепончатым крыльям, были почти бесполезны, тем более что одна из них безвольно свисала, но сильные задние конечности со сверхъестественной быстротой швырнули разъяренное существо на Дональда.

Тот был беззащитен — его тяжелая дубина раскололась от удара. Спасения не было. Земля под его ногами была болотистой, и с каждым шагом его огромные ноги увязали по щиколотки.

И тогда Дональд Кромвель совершил героический поступок.

— Ради Бога, беги, Джоан, — взмолился он. — Я задержу его, пока ты не доберешься до деревьев. Беги!

Джоан повиновалась и, слегка поскуливая, помчалась прочь, как испуганный кролик. Дональд осмелился бросить на нее взгляд и отметил, что она была уже недалеко от зарослей. Затем он храбро повернулся и стал ждать, вытянув могучие руки, как огромная горилла, готовящаяся к бою с ужасной ящерицей.

Джоан, в нескольких сотнях футов от места роковой борьбы, забралась на ветку большой сосны, присела на корточки и стала наблюдать за беспорядочной схваткой между человеком и зверем. Она чуть не упала со своего ненадежного наеста, когда перед ней развернулась жуткая драма.

Кромвель, хотя и был безоружен, оказал упорное сопротивление. Какое-то время ему удавалось уклоняться от отчаянных атак птеродактиля и всякий раз он выигрывал несколько драгоценных футов на пути к безопасному месту. Издавая странные, всхлипывающие звуки, Джоан пристально следила за ним. Ее сердце замерло от ужаса, когда она увидела, что Дональд в громадном прыжке провалился в глубокую трясину. Огромная ящерица налетела на него.

Раздался единственный дикий крик и отвратительный хруст костей.

Джоан в ужасе скорчилась на огромной сосне. Казалось, она окаменела и была не в силах пошевелиться или заговорить. Ее глаза были прикованы к хищному зверю, который пировал на ужасном месте героической гибели Дональда. Затем нескладное существо, на мгновение утолившее свой голод, пошатываясь, двинулось в противоположном направлении. Рептилия была теперь прикована к земле из-за сломанного крыла и вскоре должна была стать легкой добычей для других существ, еще более жутких и голодных.

Звук множества незнакомых голосов у подножия дерева вывел Джоан из оцепенения. Она посмотрела вниз, и ее глазам открылся новый ужас. Это был Кало и его страшная банда солнцепоклонников. Они выследили ее и Дональда. Она попалась им в руки!

Через несколько секунд ловкие обнаженные воины забрались на сосну и стащили отбивающуюся Джоан на землю, где стоял огромный Кало, свирепый в своем разъяренном достоинстве. Он злобно посмотрел на Джоан, которая твердо ответила на его взгляд. Огромное мужество наполнило ее сердце. Она больше не боялась умереть.

— Привяжите ее к тому бревну, — приказал Кало, указывая своим воинам на большое сосновое бревно, которое лежало у корней высокой сосны, наполовину погребенное в высокой поросли едко пахнущего мха.

Джоан не сопротивлялась; она была безучастна. Она прекрасно знала, что ей суждена ужасная смерть, и только надеялась, что все закончится как можно скорее. Неуклюжие, но энергичные руки вскоре надежно привязали ее лицом вниз к большому гладкому бревну. Кало подошел ближе и наклонил к ней свое отвратительное лицо. Она могла ясно разглядеть его зловещую ухмылку.

— А теперь, Джано, ты придешь жить в мою пещеру?

— Нет, — закричала Джоан. — Я требую права умереть.

Кало нахмурился. По традиции племени хи, женщина могла потребовать для себя смерти, если предпочитала это пещере мужчины, который выбрал ее. Даже этот могущественный вождь, обладавший огромной властью, не осмелился нарушить традицию. Его звериные черты отразили острое разочарование. Он зарычал.

— Ты хочешь умереть, но ты умрешь от укуса священного жука Идис.

Даже примитивные умы последователей Кало ужаснулись, и они протестующе ахнули, но не посмели оспаривать решение своего вождя.

— Укус священного жука Идис заставит тебя умереть в страданиях. Ты будешь умирать много дней, а затем вознесешься на Солнце, и солнечные дьяволы будут мучить тебя вечно.

Джоан застонала, но величие ее разбитого сердца перебило страх смерти, какой бы чудовищной та ни была.

— Принеси священного жука. Дай ему укусить, — потребовала она.

Рыча от ярости, Кало подозвал пожилого жреца, который стоял, держа в руках плотно закрытый глиняный горшок, перевязанный множеством кожаных полосок. Жрец был настолько стар, что лицом и фигурой напоминал мумию. Он дрожал от дряхлости, но его пронизательные, порочные черные глаза горели жестоким огнем фанатизма.

Нетерпеливо, с дрожащими руками он приблизился к обнаженной девушке, привязанной к бревну.

— Освободи жука, — прорычал Кало.

С бесконечной осторожностью старый жрец размотал кожаные ремешки и снял с глиняного сосуда крышку, осторожно постучав по доньшку. Большой жук медленно и лениво выполз наружу, прополз по бревну и остановился всего в футах от лица Джоан. Какой-то сверхъестественный, дьявольский инстинкт словно подсказывал страшному жуку, что связанная девушка должна была стать его жертвой.

Джоан содрогнулась от ужаса и изо всех сил попыталась разорвать путы, но они держались крепко.

Ужасающее насекомое, испуская мягкий, жужжащий, коварный звук, стало медленно приближаться к лицу Джоан. Зная, что смерть близка, она ждала в отчаянном напряжении. Внезапно ее разум и сердце успокоились. Скоро она будет с Дональдом.

Жук в упор приблизил свои глазки-бусинки и крабоподобные клешни к лицу Джоан, остановился на расстоянии нескольких дюймов и вдруг расправил крылья. Даже сейчас, в ожидании страшной смерти, Джоан невольно заметила под его крыльями поразительную отметину, напоминающую мертвую голову.

— Символ мертвой головы, — выдохнула она. — Знак священного жука Идис!

Жук плотно прижал крылья к телу и приник к бревну, его отвратительные лапки дрожали, как согнутая проволока. Джоан знала, что жук вот-вот прыгнет и присосется к ее пульсирующему горлу. Она закрыла глаза, готовая смело встретить свою судьбу.

Плюх!

Джоан почувствовала, как на ее лицо брызнула теплая

липкая жидкость. Она недоверчиво открыла глаза. Произошло нечто удивительное: огромная капля сосновой смолы каким-то чудом упала сверху на большого жука как раз в тот момент, когда тот собирался прыгнуть. Липкая, похожая на клей субстанция мгновенно покрыла и задушила сопротивляющегося жука, чьи бесполезные подергивания лишь скатали вязкое вещество в шар. Ужасный жук был надежно погребен!

Джоан напряглась в своих путах и посмотрела на Кало. Вождь выронил свое оружие и стоял, дрожа от страха. Его воины бежали. Кало, вытянув могучие руки над своим мощным торсом, смотрел на солнце, тускло мерцавшее сквозь туман.

— О, Бог Солнца, — простонал он в ужасе, — ты сердишься на меня. Ты убил священного жука Идис.

Последним, что запомнила Джоан, был треск ломающихся кустов, когда Кало, вождь солнцепоклонников, в бешенстве бросился прочь от дерева.

Джоан и Дональд Кромвель снова медленно и мучительно приходили в сознание. Кент, старый философ, помахал руками у них перед глазами и отступил назад. На его добром лице была понимающая улыбка.

Джоан с криком бросилась в объятия Дональда.

— О, Дональд, ты в безопасности, но я видела, как ты умирал!

Ее голос поднялся почти до визга, в то время как Дональд, не так быстро оправившийся, все еще качал головой и глупо тараторил на Кента.

— Дональд, ты умер за меня. Мы действительно жили как первобытные люди, и я видела того жука в янтаре.

Кромвель уже пришел в себя и отвечал на ласки своей взволнованной жены.

— Да, Джоан. Я помню ящера, с которым я сражался.

— О, мистер Кент, я так счастлива. Я знаю, что у нас с Дональдом больше никогда не возникнет никаких трудностей. Скажите, мы в самом деле пережили эти приключения?

— Мои дорогие дети, — с таинственным видом стал успокаивать их Кент, — вы должны принять то, что произошло с вами — или с вашим разумом. Думайте об этом, что хотите, но извлеките выгоду из вашего опыта. Пусть это избавит вас от навязчивых мыслей о жуке в янтаре.

— Погодите, — перебила его Джоан, — позвольте мне рассказать вам, что произошло.

Двое собеседников не пытались остановить ее, и Джоан с вдохновенным пылом рассказала о своем драматическом приключении — и о священном жуке Идис.

— Я говорил вам, друзья мои, — спокойно заявил Кент, — кое-что о силе разума и перевоплощении.

— Но, Кент, — запротестовал Кромвель, — пережили ли мы это приключение во плоти, или то был просто какой-то ментальный фокус?

— Что ж, — вздохнул Кент, — будет бесполезно объяснять вам двоим тонкости четвертого измерения. Поэтому разрешите мне дать вам практический ответ.

Джоан и Дональд наклонились вперед, держась за руки и словно показывая, что в будущем между ними не может возникнуть никаких недоразумений. Кент немного подождал и продолжал:

— Вы оба пережили одно и то же приключение, не так ли?

— Да, — прозвучало в унисон.

— Я собираюсь предоставить вам двоим, — продолжал Кент, — решать, действительно ли вы перевоплотились или нет; я же предоставлю вам только одно, последнее доказательство.

С этими словами он раскрыл ладонь, и на ней заблестела, отражая пляшущий в камине огонь, янтарная бусина. В центре ее невинно покоился безобидный на вид жук.

— Он совсем как тот жук, который собирался меня уку-
сать, — воскликнула Джоан.

— Давайте просто посмотрим, так ли это... возможно, перед нами тот самый жук.

С этими словами Кент взял со своего стола маленькую пилочку и несколько острых инструментов и, сжав янтар-

ный шар крепкими плоскогубцами, начал осторожно распиливать его посередине.

Джоан и Дональд внимательно и с большим интересом наблюдали за происходящим. Какое новое поразительное открытие представит им изобретательный Кент?

Умелые пальцы Кента вскоре положили на стол две янтарные половинки. На ладони у него лежал древний окаменевший жук.

— К счастью, — с чувством произнес Кент, — между крыльями и туловищем жука попало немного исходной смолы. Вот! — торжествующе воскликнул он. — Я распатал одно из крыльев. А теперь скажите мне, Джоан, что вы видите под крылом этого жука?

Джоан наклонилась вперед, и Дональду пришлось крепко поддержать ее своими сильными руками. Какое-то время губы Джоан шевелились, не произнося ни слова. Давний ужас промелькнул в ее глазах, и на мгновение ей показалось, что ее разум перенесся далеко назад и погрузился в воспоминания о прошедшем.

Затем ее голос обрел силу и она гордо и счастливо выпрямилась, обняв Кромвеля одной рукой.

— Под крылом я вижу знак мертвой головы — знак священного жука Идис.

Эдвин Д. Вебстер

УБИЙСТВО ПЛЕЗИОЗАВРА

Капитан Чарльз Джексон стоял перед своей палаткой и с тревогой смотрел на север. Там, вдалеке, вырисовывались неприступные склоны громадного Центральноафриканского горного хребта. Прошло уже четыре дня с тех пор, как Ласка, его главный следопыт, отправился на разведку, чтобы бегло осмотреть горы и окрестности их лагеря. Капитан Джексон возглавлял одну из геодезических партий, посланных из Трансвааля на север для поиска возможного маршрута великой железной дороги Кейптаун-Каир, которая должна была соединить северную и южную части африканской империи Англии. Ласка был человеком верным и умным и много лет охотился в Южной и Центральной Африке. В этой местности не обитали никакие враждебные племена, и капитан затруднялся объяснить отсутствие своего надежного разведчика.

Усталый охотник со стертыми ногами, в разорванной в лохмотья одежде, продрался сквозь подлесок у подножия небольшого холма, где был разбит лагерь. Медленно, словно в изнеможении после долгого бегства, он поднялся по склону к лагерю. Это был Ласка. Его винтовка исчезла, как и револьвер с патронташем. Приближаясь к лагерю, он озираясь по сторонам, будто страшась какой-то опасности, воспоминание о которой до сих пор преследовало его. Лицо загорелого старого араба было осунувшимся и измученным, а в глазах застыло необычайное для него робкое, испуганное выражение.

— Мертвы, все мертвы, — даже не утрумо, но равнодушно ответил Ласка, когда капитан Джексон спросил его, что случилось с остальными участниками разведывательной партии. — Дьявол поднялся из вод и схватил их. Кисмет! Судьба не хотела моей смерти, и поэтому я остался в живых. Хотя после того, что я видел, жизнь меня не очень-то волнует.

— Их схватило какое-то животное? — озадаченно спросил английский капитан. Он знал Ласку много лет и не сомневался в его верности. Много раз он видел, как мрачный старый арабский воин невозмутимо встречал смертельные опасности, и не мог понять, что могло так сильно потрясти его железные нервы.

— Это было не животное, мой капитан, — со всей искренностью ответил Ласка. — Я много лет сражался и охотился по всей Африке, знаю всех животных, и нет ни одного, что могло бы устоять перед пулями «Ли-Метфорда». Нет, их схватил дьявол. Я не из тех, кого пугают бабушкины сказки. Но я видел его собственными глазами и чувствовал его обжигающее дыхание. Я расскажу вам всю историю с самого начала, чтобы вы не подумали, будто Ласка, который много раз сталкивался с опасностью вместе с вами, испугался ночного кошмара.

С четырьмя людьми, которых вы мне дали, мы двинулись на север и достигли подножия гор. Мы были хорошо вооружены, туземцы были дружелюбны, и мы не думали об опасности. Поднимаясь в горы, мы встретили не так много туземцев, однако в тот момент я не обратил на это внимания. Говорят, что северный пик был когда-то вулканом, но так давно, что об этом почти не сохранилось преданий. Там, где некогда изливался огонь, теперь раскинулось озеро.

У меня появилась мысль, что следовало бы осмотреть это озеро, так как вода могла пригодиться при прокладке железной дороги. Но когда я попытался нанять проводника, ни один туземец не захотел идти со мной. Все они говорили, что у озера нет дна, что оно соединено с адом, и что дьявол выходит из воды и хватает всех, кто отважится приблизиться к берегу. Наконец, предложив немалую плату, я уговорил одного туземца показать мне озеро.

Увидев его, я посмеялся над страхами проводника. Озеро подобно драгоценному камню, вделанному в вершину горы. Со всех сторон его окружают высокие скалы с пальмовыми деревьями, и на него приятно смотреть. В скалах есть проход, откуда к озеру спускается крутая тропа. Туземец дрожал от страха, но все же вывел нас на верхний участок тропы. Он отказался идти дальше, даже когда я предложил ему больше денег. Я разозлился и, вытащив револьвер, сказал ему, что, если он не отведет нас к озеру, я застрелю его. Но и тогда, хотя он явно боялся моего револьвера, он отказался вести нас вниз по тропе.

— Лучше умереть от маленького пистолета, — ответил он мне, — чем быть схваченным дьяволом, который живьем утащит меня по воде в ад.

Все угрозы и посулы были бесполезны. Я позволил ему остаться и в сопровождении четырех людей направился по тропе к озеру. Я думал, что туземцев напугал гиппопотам, или очень большой крокодил, или какое-нибудь другое животное, обитающее в озере; винтовки были при нас, и я не испытывал страха. Тропа была гладкой, как будто по ней часто проползала какая-то большая змея. Это удивило меня, но в своей глупости я считал себя мудрым: ведь я знал всех животных в Африке и никого не боялся.

Вода в озере не голубая, а зеленая, как в океане. После осмотра берегов я решил, что было бы полезно выяснить глубину озера. Итак, мы соорудили плот и поплыли по воде. Капитан помнит, что дал мне с собой три лотлиня. Я привязал к одному тяжелый камень и опустил его вниз, но он не коснулся дна. Я привязал к первому второй лотлинь, но камень вновь не достиг дна. Затем я прикрепил третий, однако камень, по-прежнему не достигая дна, погрузился на всю длину трех лотлиней, то есть почти на две мили. Тогда я отдал приказ выбрать лотлини. Мои люди занялись этим, а я лениво наблюдал за озером, когда увидел что-то темное, поднимающееся из глубокой воды.

— Это большой крокодил, которого туземцы считают дьяволом, — сказал я своим людям. — Я покажу ему, на что способна винтовка.

Но когда я поднял винтовку, существо приблизилось, и сквозь прозрачную воду озера я смог разглядеть, что это не крокодил. Я велел своим людям оставить лотлини и приготовить винтовки. Я продолжал считать, что это всего лишь водяная змея, выросшая до необычных размеров. Существо стремительно плыло вверх, и прежде, чем я сумел как следует его рассмотреть, вода у борта плота слегка поднялась, и существо вырвалось на поверхность. Тогда-то я понял, что туземцы не солгали и что в озере водился дьявол.

Сначала появилась голова, намного больше, чем у любого слона, с оскаленными челюстями и большими зубами.

За ней последовала шея, похожая на змеиную и возвышавшаяся над туловищем на целых сорок футов. Само туловище напоминало огромную черепаху, но было больше, чем шесть гиппопотамов вместе взятых. У существа имелись плавники и длинный, тяжелый хвост, взбивавший пену. От оскаленных челюстей до хвоста в нем было, должно быть, почти сто футов, хотя оно казалось гораздо более крупным.

Озерный Дьявол вскинул голову высоко в воздух над нами и разинул пасть. Высокий мужчина мог бы выпрямиться в этой пасти во весь рост, и его голова едва доставала бы до верхней челюсти. Увидев голову над собой, мы все подумали, что с нами покончено. Мои люди дали бешеный залп и прыгнули в озеро. Но я подумал: дьявол это или нет, всажу в него хотя бы одну пулю. Я прицелился в изгибающуюся шею и выстрелил. Пуля из «Ли-Метфорда» угодила ему прямо в шею, но произвела не больше впечатления, чем камешек, брошенный ребенком.

Озерный Дьявол ударил головой вниз, и тяжелые бревна плота разлетелись в щепки, как будто это были гнилые сучья. Все быстро, как только могли, поплыли к берегу. Когда я оказался в воде, я глубоко нырнул и проплыл под водой какое-то расстояние. Вынырнув на поверхность, я услышал крик и увидел, как Озерный Дьявол схватил пастью одного из моих людей и подбросил его в воздух. Тогда я поплыл быстрее, не оглядываясь. Еще три раза я слышал крики и знал, что все мои люди мертвы. Но я не оглядывался, пока мои ноги не коснулись дна. Потом я увидел, что Озерный Дьявол плывет за мной. Он мчался, как один из тех пароходов, что плавают по Великой воде.

Я пробежал по мелководу и поднялся на крутой берег. Но Озерный Дьявол поплыл быстрее, добрался до берега и погнался за мной. Я слышал свист его дыхания и чувствовал дуновение воздуха на своей щеке. На бегу я выхватил револьвер и выстрелил назад, торопливо нажимая на спусковой крючок, но не оглядываясь и не прекращая бежать. Возможно, один из моих выстрелов повредил ему глаз, а может, он захотел вернуться к озеру и сожрать тела моих товарищей. Какова бы ни была причина, он перестал пре-

следовать меня. Но я бежал все дальше и дальше, не останавливаясь, вверх по крутому берегу, через лес и вниз по склону горы. Ибо я видел Озерного Дьявола, и я, Ласка, который много раз сталкивался со смертью, так боялся, что дрожал, как испуганный ребенок, и мои кости, казалось, таяли внутри меня. И я бежал дальше, пока не наступила темнота, а потом я упал на землю и заснул. Я не боялся диких зверей, так как видел дьявола и остался в живых.

Капитан Джексон был сильно озадачен. Будь это кто-нибудь другой, он был бы склонен посмеяться над нелепой историей. Но Ласка, свирепый старый араб, всю жизнь видел сражения и внезапную смерть во всех многообразных формах Центральной Африки. Только какая-то реальная и ужасная опасность могла настолько сильно выбить его из колеи. Спортивная кровь капитана Джексона закипела, и он решил встретить приключение лицом к лицу.

— Что ж, Ласка, — ответил он, — остается только одно, а именно, узнать побольше об этом существе, которое ты называешь Озерным Дьяволом. Правда, по твоему описанию я не могу понять, что это за животное.

— Я знаю всех животных Африки, — решительно заявил Ласка. — Это не животное, а дьявол, вышедший из центра земли. Пули не пробьют его кожу, а идти к озеру — смерть. Даже дьявол не может бороться с судьбой, и судьба не желала моей смерти. Кismet! Но снова отправиться на озеро означало бы посмеяться над судьбой, а после такого никто не сможет стать в живых.

— Дьявол или нет, — ответил капитан Джексон, — мы организуем охотничью партию и выследим твое чудовище. Его кожа может быть слишком толстой для пули, но если оно существо из плоти и крови, динамит достанет его.

На следующий день охотничий отряд отправился в поход, несмотря на протесты Ласки, который не стремился к второй встрече с «дьяволом». Люди пробирались сквозь чащу джунглей, пока не достигли подножия гор. Ночь настигла их на половине пути вверх по склону. Поставили палатки и на следующий день вышли на рассвете. Был почти полдень, когда они добрались до вершины. Высокие скалы окайм-

ляли маленькое озеро, которое раскинулось перед ними, глубокое, спокойное и не таившее ни малейшего намека на опасность. Группа остановилась, осматривая озеро и решая, как лучше всего спуститься к нему.

— Вот тропа, по которой мы спустились, — сказал Ласка, указывая на восток, где к озеру сбегала гладкая тропа. — Но еще не поздно повернуть назад и не искушать судьбу, охотясь на озерных дьяволов.

Лес на многие мили вокруг был пустынен, поскольку туземцы избегали вершины горы как проклятого места. Даже диких животных, казалось, здесь было меньше, чем в других местах этого района. Единственным живым существом в поле зрения был большой слон-самец, пробиравшийся по тропе к озеру.

— Этот слон, вероятно, бродяга и забрел сюда откуда-то издалека, — заметил Ласка. — Туземцы сказали мне, что ни одно из животных, живущих поблизости, не станет ходить на водопой к озеру дьявола.

Большой слон спустился к озеру, пошел вброд, пока вода не дошла ему до живота, и начал пить. Напившись вволю, он начал мыться, пуская на себя со всех сторон сильные струи воды из хобота.

— Старина, похоже, наслаждается жизнью, не думая об опасности со стороны озерных дьяволов, — сказал капитан.

Посередине озера возник небольшой водоворот. Ласка заметил его первым и молча указал на него английскому капитану. Водоворот перемещался все ближе и ближе к берегу, но большой слон по-прежнему стоял, обрызгивая себя и не подозревая об опасности. Затем сквозь прозрачную воду озера капитан Джексон смог смутно разглядеть какое-то огромное существо, несущееся к берегу. Шквал волн, и с шумом и плеском гигантская голова прорвалась на поверхность. За ней следовала змеиная, извивающаяся шея длиной почти сорок футов. После появилось туловище, похожее на черепашее, но намного крупнее, чем у любой черепахи с тех времен, когда ископаемые чудовища, по сравнению с которыми самые большие животные современности покажутся карликами, правили сушей и морем. Большой

слон слишком поздно осознал грозящую ему ужасную опасность. Он повернулся, собираясь броситься к берегу. Змеиная голова дернулась вперед, громадные челюсти открылись, а затем со щелчком сомкнулись, обхватив слона поперек тела, как кошка хватает мышь.

Слон снова и снова перекашивался в воде, брыкаясь, отбиваясь хоботом и тщетно пытаясь нанести удар бивнями. Ни одно животное в африканских джунглях не могло соперничать с ним по силе, но против пережитка иных эпох даже слон был беспомощен. Озерный Дьявол подплывал все ближе и ближе к берегу, сжимая слона железной хваткой. Слон поднимал пену в отчаянных попытках освободиться. Но Озерный Дьявол все равно продвигался вперед, пока прочно не уперся в дно.

Слону также удалось поставить все четыре ноги на твердую землю, и он вложил всю свою мощь в одно невероятное усилие. Не сумев вырваться и убежать, он развернулся всем телом и начал наносить яростные, хлещущие удары хоботом по голове монстра. Тогда Озерный Дьявол напряг всю свою огромную силу. Змеиная шея и громадная голова описали дугу, поднимая слона над берегом. На секунду воздух задрожал от его пронзительного, страдальческого трубного рева. Затем Озерный Дьявол слегка оттолкнулся плавниками и переместился на глубину. Гигантская голова погрузилась под воду, увлекая за собой вопящего слона. Еще мгновение, и Озерный Дьявол рванулся, как спущенный на воду линкор, вылетел на середину озера и погрузился в его непостижимые глубины.

— Идти на озеро — это смерть, — угрюмо сказал Ласка. — Наши пули не причинят ему вреда. Зачем выбрасывать жизнь на ветер? Если даже большой бродячий слон оказался беспомощен, как смогут люди одолеть Озерного Дьявола?

— Да, было бы самоубийством плыть по озеру, — решительно отозвался капитан Джексон. — Эта тварь не сумела бы потопить разве что океанский лайнер. Наша единственная надежда — заставить его напасть на нас на суше. Тогда мы сможем испробовать на нем наши пули. Если они не сработают, мы можем использовать динамит. Но мы при-

бегнем к динамиту только в случае смертельной опасности, так как взрыв разнесет зверя на куски и испортит скелет.

Маленький отряд медленно двинулся вдоль берега озера к тропе между утесами. Даже капитан Джексон занервничал, когда они приблизились к озеру, логову великого плезиозавра, доисторического монстра, перед мощью которого не устояли бы самые сильные и свирепые из современных животных. Ласка опасливо поглядывал на гладкую тропу.

— Здесь путешествует Озерный Дьявол, — пробормотал он. — Проводник сказал, что на суше он движется неуклюже, но может обогнать самого быстрого бегуна.

Капитан Джексон остановил своих людей примерно в ста ярдах от берега озера.

— Нет смысла подходить ближе. Пусть проголодается, чтобы мы могли заманить его на берег.

— Озерный Дьявол всегда голоден и всегда зол, — заметил Ласка. — Стоит только потревожить воду, и он покажет себя.

— Тогда — да благословит нас Аллах!

Капитан приказал своим людям привести винтовки в готовность к немедленному применению. Затем он расстегнул небольшую сумку и достал три динамитных патрона. Один из них он протянул Ласке, другой сунул в карман.

— Эти два взорвутся, если мы их бросим, — сказал он. — Но мы не хотим этого делать без абсолютной необходимости. Я прикреплю запал к третьему и брошу его в озеро. Взрыв, вероятно, потревожит его величество, и оно выйдет на поверхность, чтобы посмотреть, в чем дело. Тогда мы сможем воспользоваться винтовками. Если зверь бросится на нас на суше, у нас будет хорошая мишень. Наконец, если пули не дадут никакого результата, мы можем попробовать динамит. Перед динамитом, вероятно, не устоит и плезиозавр.

Он прикрепил запал к динамитному патрону и, подойдя к берегу, поджег запал и бросил патрон далеко в озеро. Взрыв произошел как раз в тот момент, когда патрон достиг поверхности. Поднялся большой столб воды. Капитан побежал обратно к своим людям. Все подняли винтовки и ждали, с тревогой высматривая на озере признаки возвра-

щения плезиозавра.

Несколько мгновений не было видно ничего необычного, кроме волн, поднятых взрывом. Внезапно из воды вынырнула громадная голова, а за ней колоссальная змеиная шея показались из воды. Плезиозавр поднялся из глубин в поисках нарушителей границ его владений. Голова неуверенно покачивалась взад-вперед. Затем он увидел незваных гостей и с невероятной быстротой поплыл к берегу.

— Он приближается, — мрачно сказал капитан Джексон. — Сейчас самое главное — спокойствие. Попробуйте попасть ему в глаза.

Заговорили «Ли-Метфорды», и пули подняли фонтанчики воды вокруг быстро приближающей головы. Возможно, было и несколько попаданий, но монстр лишь увеличил скорость. Казалось, он мгновенно добрался до мелководья. На виду появилась длинная змеиная шея, затем огромное черепашее тело, черное, скользкое и угрожающее. Чудовище поползло по мелководью. Плавники несли его вперед быстрее, чем мог бы передвигаться бегущий человек. Все участники охоты привыкли к опасностям, но сейчас они чувствовали, как их сердца учащенно бьются при виде допотопного монстра длиной в девяносто футов, чьи челюсти были способны раздавить дюжину людей. Плезиозавр был явно взбешен пулями, продолжавшими безвредно шлепать по его толстой шкуре. Его красные, налитые кровью глаза сверкали, с губ стекала слизь, и он казался скорее каким-то демоном из глубин ада, чем созданием из плоти и крови.

Выбравшись на землю, чудовище и не подумало останавливаться.

— Спокойно, спокойно, — сказал капитан Джексон. — Цельтесь ему в глаза.

Пуля попала в сверкающий глаз, расплескав его, как лужу крови. Плезиозавр, казалось, только увеличил скорость. Теперь он был достаточно близко, и люди видели темную кровь, сочащуюся из пулевых ранений на шее и туловище. Они казались просто булавочными уколами и лишь еще больше злили чудовище. Вот он уже в восьмидесяти... шестиде-

сяти ярдах от охотников. Ласка наклонился и поднял с земли свой динамитный патрон.

— Подождите еще секунду, — выдохнул капитан Джексон. — Я не хочу повредить тело.

Плезиозавр продолжал рваться вперед, и Ласка не выдержал.

— Бросайте сейчас же! — воскликнул он. — Бросайте, или мы покойники!

Капитан Джексон извлек свой патрон. Время пришло: раскачивающаяся в сорока футах от земли голова была готова в любую секунду ринуться вниз в смертельном размашистом захвате.

— Падайте ничком, когда я брошу! — крикнул своим людям английский капитан и швырнул динамитный патрон прямо в плезиозавра. Ласка уже бросил свой, и оба, капитан Джексон и Ласка, упали на землю.

Два ужасных взрыва слились в один, и воздух наполнили куски плоти и костей и брызги крови. Патрон Ласки немного не долетел, но когда он коснулся земли, плезиозавр опустил голову, точно хотел схватить смертоносный снаряд. Патрон капитана Джексона взорвался непосредственно перед большим черепашным телом. Только забрызганная кровью земля и фрагменты плоти и костей напоминали о самом сильном и ужасном монстре на земле, который за секунду до этого мчался в смертоносной атаке. Против динамита был бессилён даже властелин допотопных эпох.

— Выбор был: динамит или смерть, — с сожалением сказал капитан Джексон. — Но жаль, что нам пришлось воспользоваться динамитом. Туша зверя стояла бы целое состояние.

Ласка решительно покачал головой.

— Дважды я смотрел в лицо Озерному Дьяволу, и Аллах сохранил меня, — сказал старый араб. — И я рад, что увидеть его больше невозможно. Ибо зрелище это не из приятных, и воспоминание о нем не из приятных для человека, который прожил долго, совершил много грехов и знает, что недалек тот миг, когда Азраил, Ангел Смерти, призовет его к ответу.

Хэл Грант

ДРЕВНИЙ УЖАС

— Будет занятно, если им посчастливится найти ящерицу и окажется, что она настоящая.

— Какую еще ящерицу? — спросил я.

Вместо ответа Резерфорд протянул мне газету и указал на заголовок, где говорилось, что группа ученых отправилась на поиски «ДОИСТОРИЧЕСКОГО МОНСТРА, ЗАМЕЧЕННОГО ОХОТНИКАМИ В БОЛОТАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ».

Из описания я понял, что замеченное существо принадлежало к одному из видов гигантских ящеров, которые бродили по земле в эпоху рептилий, около пятисот миллионов лет назад.

Я подумал, что эта история — розыгрыш, и так и сказал. Резерфорд не согласился, обратив мое внимание на то, что все ученые, чьи имена были приведены в статье, являлись людьми хорошо известными; вряд ли какой-нибудь журналист осмелился бы использовать эти имена в связи с чем-либо отдававшим обманом.

— Я полагаю, что у них есть доказательства в поддержку экспедиции, иначе бы они не поехали, — сказал он. — Более того, я не удивлюсь, если когда-нибудь в будущем прочитаю, что они открыли эту штуку, чем бы она ни была, и что открытие принесло науке много интересных сведений.

Что ж, каждый имеет право на свое мнение, даже безосновательное. Поэтому я не стал спорить с Резерфордом, сказав только, что у него, судя по всему, имелась какая-то веская причина так верить в успех экспедиции.

Быть может, мои слова показались ему немного саркастичными. Во всяком случае, он на мгновение посмотрел на меня прищуренными глазами, как будто взвешивая что-то; затем, набив трубку, он потянулся за спичками и, закурив, тихо сказал:

— Да, я действительно верю, что на свете обитают живые потомки тех ящеров и что они внешне похожи на древних существ, о которых мы читали. Кроме того, у меня есть серьезные основания полагать, что некоторые из них не похожи ни на один известный вид, и, поскольку ты не станешь разделять мою убежденность, не получив какие-либо доказа-

тельства, я собираюсь тебе кое-что рассказать — конечно, при условии, что ты будешь готов принять мои слова на веру.

Резерфорд не из тех, кто склонен делать заявления, не соответствующие действительности. Если он говорит, что что-то твердо знает, так оно и есть. Он всегда был таким, даже в школе. Я не раз видел, как он получал взбучку, когда мог легко выкрутиться, просто чуточку исказив факты. Я знал его достаточно хорошо и сказал, что он может предоставить мне свои доказательства, если хочет, хотя я готов и без всяких дальнейших подробностей согласиться с тем, что «веская причина» у него имеется. Я не имел ни малейшего представления о том, каковы были его «доказательства», иначе не стал бы так рисковать. За исключением фантастических рассказов, я никогда не слышал и не читал ничего, что могло бы сравниться с его ужасной историей. И обстановка была идеальной. Мы с Резерфордом были одни в охотничьем домике на берегу северного озера; ночной ноябрьский ветер завывал в деревьях, окружавших дом с трех сторон, и обрушивал потоки дождя и мокрого снега на окна и кровлю. Жуткая ночь для жуткой сказки.

— Я никогда раньше не рассказывал эту историю, — начал Резерфорд, — поскольку не хотел, чтобы меня считали лжецом. Однако мне часто хотелось рассказать о случившемся, и этот момент кажется очень подходящим. Каждое мое слово истинно, как в евангелии.

В этом случае, как и во всех других, действуют причина и следствие. Если бы я не зимой 1905 года не подхватил грипп, то никогда ничего бы об этом не узнал.

Болезнь протекала довольно тяжело, и мне только чудом удалось выкарабкаться. Даже избавившись от гриппа, я едва не отдал концы: болезнь дал осложнение на легкие, которое мой врач счел легкой формой туберкулеза.

Как только погода позволила, он велел мне на неопределенное время отправиться в горы, в любое место, где много сосен и чистый воздух. Как ни странно, из всех мест на земле я выбрал то, о котором никогда раньше не слышал, — только потому, что название его, попавшееся мне на глаза в

железнодорожном расписании, напомнило мне девочку, которая нравилась мне в школьные годы.

Может быть, ты помнишь ее — Элси Хэмптон. Она училась в нашей школе там, в Стоу, в Вермонте. Она жила на холме, за большим домом, который построил Батлер, владелец гостиницы. Помнишь, он так и не закончил строительство? Погиб, когда лошадь понесла и выбросила его из коляски. Пьян был в то время, если я правильно помню.

Я кивнул, и он, снова набив свою отвратительную трубку, продолжал:

— Так и случилось, что я поехал в Хэмптон, и, как оказалось, не мог бы выбрать лучшего места, учитывая все обстоятельства. Городок был расположен на высоте двух тысяч футов над уровнем моря, на краю предгорий. Много сосен, елей и бальзаминов. Воздух чист, как хрусталь. Можно было рыбачить и охотиться, пока не надоест. Вдобавок, Хэмптон располагался вне туристической зоны, что делало его еще более привлекательным. Никто и никогда там не останавливался (это было еще до времен «автомобильных бродяг», и такого понятия, как «туристический кемпинг», просто не существовало).

При этом город был современным, с газом, электричеством и большим запасом чистой воды, подаваемой по трубопроводу из водохранилища в десяти милях от холмов. Из-за высокой стоимости постройки резервуара разгорелся жаркий спор, но сторонники водохранилища одержали победу, и в конце концов все остались довольны.

Вскоре после моего приезда начали происходить события, которые взбудоражили весь город и особенно тех, кто выступал против идеи строительства водохранилища. В один прекрасный день, как раз в то время, когда женщины готовили обед, все краны в городе пересохли. Не прошло и получаса, как возмущенные домохозяйки принялись звонить в отдел водоснабжения, желая знать, что случилось с водопроводом.

Отдел узнал об аварии почти одновременно с домохозяйками, и инженеры вприпрыжку помчались вдоль трубопровода, ведущего к резервуару, сопровождаемые толпой

бездельников. Относясь к последнему классу, я отправился с ними.

Прорыва в трубе не обнаружили, как и каких-либо причин для остановки подачи воды. Но, когда инженеры достигли водохранилища, причины обнаружились в изобилии. Огромное искусственное озеро пересохло, и питавший его ручей изливался в большую яму в центре бассейна, рядом с плотиной. По доносившемуся оттуда реву можно было догадаться, что вода преодолевала некоторое расстояние, прежде чем падала на дно.

Обычную дыру можно заделать. Но здесь было нечто большее, чем дыра; непрерывный и значительный поток воды не мог заполнить ее. Очевидно, под поверхностью находилась пещера или несколько пещер с достаточно большими выходами, не позволявшими воде заполнить каверны.

В Хэмптоне выходили две газеты. Одна поддерживала новаторов, а другая консерваторов, и инцидент с водохранилищем предоставил конкурирующим изданиям обильный материал для публикаций.

Как можно догадаться, статьи в консервативном органе были злыми и едкими. С другой стороны, никто не мог предвидеть такой катастрофы — ибо дело сводилось именно к природной катастрофе.

Другая газета попыталась объяснить случившееся — и действительно объяснила. Причина была совершенно очевидна. Ручей, по крайней мере, тот его отрезок, что проходил над местом провала, протекал по скальному покрытию подземной камеры или камер огромных размеров. Учитывая то, что произошло год спустя, я полагаю, что их должно было быть по меньшей мере две, а то и больше. Эта тонкая пластина или перемычка была достаточно прочной, чтобы выдерживать вес потока, но постоянно разрушалась, становясь все тоньше. По-видимому, в конечном итоге она просела под нагрузкой воды в резервуаре.

Консервативная газета приняла это объяснение, но попыталась убедить своих читателей, что инженеры, исходя из структуры горных пород, должны были взять в расчет возможность подобной аварии.

Рабочие, со своими молотками и лопатами, взялись за дело — как вдруг, точно гром среди ясного неба, произошло еще одно феноменальное событие. Его-то, я полагаю, можно было бы предвидеть, хотя я не понимаю, как именно.

Большой фермой, примыкавшей к ручью, владел человек по имени Уилсон. Фактически, часть озера, образованного водохранилищем, вторгалась во владения Уилсона. Их защищала от воды специально выстроенная стена, которая тянулась от верхнего конца водохранилища и заканчивалась примерно в ста футах от плотины. Оставшееся пространство занимало нечто вроде насыпи или дамбы, возвышающейся где-то на пятнадцать футов или чуть больше над самой высокой отметкой уровня воды. Насыпь очень напоминала по форме черепаший панцирь и имела сто футов в длину и около пятидесяти футов в ширину у основания. Я упоминаю ее сейчас потому, что она сыграла важную роль в более позднем инциденте, и я хочу, чтобы ты запомнил детали.

Однажды утром, когда главной темой разговоров все еще было обрушение водохранилища, в городе появился страшно возбужденный Уилсон. Оказавшись в кабинете мэра, он поразил это официальное лицо, заявив, что его ферма «утонула». То был, несомненно, подлый и необычный трюк со стороны фермы, и мэр был одновременно удивлен и полон сочувствия. Но Уилсону не нужно было сочувствие, он требовал возмещения ущерба, что выставляло историю в совершенно ином свете. Сначала мэр подумал, что Уилсон спятил, но вскоре изменил свое мнение и, вызвав окружного прокурора, попросил владельца фермы подробно рассказать о происшедшем.

Уилсон сказал, что его пробудил от сна странный шум, что-то вроде треска, смешанного с сильным ревом. Встав и подойдя к окну, которое выходило на водохранилище, он увидел большой поток воды, изливавшийся в отверстие на дне. Несколько мгновений спустя раздался еще один трескучий, грохочущий звук, и вся лучшая садовая земля Уилсона оторвалась от более высоко расположенной и менее ценной почвы и «провалилась с глаз долой».

Он все еще стоял, разинув рот, у окна, когда раздался новый взрыв, за которым последовал душераздирающий грохот, и в северной части впадины, куда погрузилась ферма, открылась огромная пропасть, и из нее хлынул поток воды. К этому времени, по словам Уилсона, он решил, что ему лучше будет «одеться и посмотреть, в чем там дело».

Добравшись до боковой стороны обвала, он увидел, что пропасть быстро заполняется водой, хлынувшей в нее через дыру в верхнем конце. Он наблюдал до утра, когда вода, застыв в нескольких дюймах ниже границы оставшейся у него земли, перестала подниматься. Уилсон пришел к выводу, что больше она подниматься не будет.

Сперва он был озадачен, но в конце концов сообразил, что несчастье произошло из-за обвала резервуара: вода вымыла фундамент из-под его собственности. Что ж, и мэр, и окружной прокурор согласились с ним, забыв в ажиотаже, вызванном фантастической историей, что Уилсон явился за возмещением ущерба.

Разумеется, мэр ничего не мог сделать для Уилсона, и окружной прокурор, не видя лучшего выхода из сложившейся ситуации, посоветовал фермеру нанять адвоката и подать иск.

Дело тогда не дошло до суда, поскольку город нашел способ избавиться от беды, в которую его втянул обвал.

Анализ показал, что вода во вновь образовавшемся озере во всем соответствовала воде из водохранилища. Оценщик назвал сумму выплат за затопленное имущество, сумма удовлетворила Уилсона, и, когда вопрос был решен, начались приготовления к подключению озера к трубопроводу.

Но цепочка необычных событий еще не подошла к концу. За день до того, как Уилсон должен был получить деньги за свою землю, из сотен кранов, остававшихся все это время открытыми, внезапно потекла вода. Расследование показало, что резервуар снова начал наполняться. Как только новость достигла офиса окружного прокурора, выплата Уилсону была задержана до тех пор, пока не станет ясно, заполнится ли резервуар и останется ли он полным.

Когда стало очевидно, что проблем с водоснабжением больше не возникнет, город отменил сделку. Уилсон обратился в суд и проиграл. Он подал апелляцию и снова проиграл: вышестоящий суд поддержал нижестоящий, оправдываясь тем, что случившееся было «деянием Божиим», за которое город ответственности не несет.

Я познакомился с Уилсоном во время судебного процесса, после чего он пригласил меня к себе. Я был рад поехать с ним, так как его приглашение могло гарантировать улучшение моих жилищных условий (я никак не мог найти подходящее жилье ни в одном из фермерских домов за пределами Хэмптона). Я рассудил, что если ферма Уилсона мне понравится, я скорее всего смогу договориться с ним и остаться у него на неопределенный срок. Мне это удалось, и кто знает: возможно, меня ждало бы то же, что его, не распорядись судьба иначе.

Приключение, как и романтику, незачем искать далеко. Совсем не нужно ехать в Африку, подобно этим ученым, чтобы найти приключения, как не к чему искать романтики в Европе. В тот летний день, в дребезжащем автомобильчике Уилсона, я ехал навстречу самому настоящему приключению. Никто и никогда не переживал более странного, более ужасного опыта, чем тот, что выпал на мою долю.

Мы быстро добрались из Хэмптона до фермы. Хотя большая часть обрабатываемых земель очутилась под водой, ферма показалась мне прекрасным местом. Покрытая водой земля была практически единственным ровным участком во всем владении; остальные были холмистыми и по большей части поросшими лесом. Озеро находилось почти в центре. Полностью уничтожив сельскохозяйственное значение фермы, оно в то же время значительно увеличило ее очарование и красоту. Приблизительно овальное по форме, озеро имело почти в милю в диаметре и мерцало в своем ложе, как огромный сапфир, окруженный изумрудами. Благодаря его глубине, которая, по оценке Уилсона, составляла около пятисот футов, вода всегда оставалась холодной, что делало озеро идеальным местом обитания и размножения форели, которая могла попасть туда из ручья.

Я сказал об этом Уилсону в тот вечер после ужина. Очевидно, он никогда не думал ни о чем подобном и только оплакивал свою потерю. Взвесив в уме мои слова, он явно обрадовался.

— Если бы в этом проклятом озере была рыба, — сказал он, — я бы ни за какие деньги не согласился его продать. Тогда я смог бы извлечь из воды больше, чем когда-либо извлекал из земли, и все еще владеть землей.

Я знал, что он был прав. С рыбой он ухватил бы весь мир за хвост. Получился бы прекрасный летний курорт — если выстроить вдоль озера коттеджи, они приносили бы в сезон кругленькую сумму. Уилсону определенно нужна была рыба.

И рыба появилась, но не раньше, чем мы потеряли почти всякую надежду. Тем временем я стал звездным постояльцем Уилсона: он пригласил меня оставаться на ферме столько, сколько я захочу, в качестве его гостя. Я проводил дни, помогая Уилсону вести хозяйство. Он уже несколько лет как овдовел и бродил теперь по берегам озера, высматривая признаки рыбы.

Однажды вечером, на закате, я увидел, как из воды выпрыгнула форель. Я подозвал Уилсона, который ответил мне на бегу и добрался до меня как раз вовремя, чтобы увидеть, как из синих глубин выпрыгнула еще одна рыба. Уилсон схватил меня за руку и сказал:

— Резерфорд, мне понадобится некоторая финансовая помощь. Если хотите участвовать, мы разделим прибыль. Что скажете?

Думал я недолго и сказал, что предоставлю необходимый капитал. Мы оставались на берегу озера до темноты, обсуждая этот вопрос и наблюдая, как доллары — Уилсону нравилось называть форель «долларами» — выпрыгивают из воды. Затем мы вернулись в дом, чтобы составить дальнейшие планы на следующий сезон.

Две недели спустя мы заканчивали строительство дюжины летних коттеджей. Позднее мы собирались построить больше, но решили, что для начала хватит и дюжины; отсюда видно, что даже пара новичков может рассуждать здраво. Мы могли сдать в аренду и сотню, если бы они у нас бы-

ли... Позже я пожалел, что вообще построил хоть один коттедж. Но кто мог тогда подозревать, к каким последствиям приведет наше начинание?

Коттеджи, возведенные на достаточно большом расчищенном участке на юго-восточном берегу озера, были достроены до наступления холодов. Закрыв дощатые ставни на окнах, чтобы защитить их от возможного ущерба, мы посвятили наше время планированию весенней кампании.

Нам с Уилсоном казалось, что зима никак не желала заканчиваться, но наконец она уступила место весне, и вскоре после этого я отправился в город. Там я провел ряд переговоров с некоторыми торговцами рыбой; результатом их, как только открылся рыболовный сезон, стала большая витрина с выставленными куканами форели, отчего последователи Исаака Уолтона чуть не обезумели, мечтая помахать наживкой над местом обитания рыб. Выставку сопровождала тщательно составленная пояснительная надпись с необходимыми деталями. Сезон открылся, все наши коттеджи были заняты, и мы стали зарабатывать деньги.

Вскоре после этого мы начали слышать по ночам странные звуки. Находясь мы рядом с портовым городом, я бы подумал, что эти звуки, хотя и довольно резкие, издавали корабельные сирены. Однако Хэмптон лежал более чем в полутора тысячах миль от океана и в тысяче миль от любого значительного водоема, где могли плавать корабли; мы решили, что до нас доносились отдельные громкие гудки с железной дороги, проходившей примерно в трех милях к западу от нас. Звуки беспокоили нас около недели, но затем, как и все другие часто повторяющиеся шумы, перестали нас тревожить. Среди дачников ходили некоторые предположения, но, когда мы сказали, что это, вероятно, шум какого-нибудь паровоза, они приняли наше заявление как факт и думать забыли о ночных звуках. Кроме того, что значит небольшой шум, когда рыбалка хорошая? А ловля была прекрасной.

Наше озеро и его окружение обладали только одним недостатком. После наступления темноты здесь становилось довольно холодно, так как озеро располагалось одновременно

и на высоком месте, и в глубине холмов. Но днем было достаточно тепло, так что это не имело особого значения.

Однако в первой половине июля наступил период очень жаркой погоды. Тепло было до поздней ночи, и в ранние вечерние часы вода была густо усеяна лодками и каноэ, которые плавали взад и вперед у берега и уходили вглубь озера.

Первый сбой в спокойном порядке нашей жизни произошел как-то вечером во время этого жаркого периода. Мы с Уилсоном чистили на берегу пойманную форель. Было около восьми или чуть позже. Быстро темнело — на озере почти не бывало сумерек. Едва мы закончили работу, как где-то в юго-западной стороне над озером прозвучал долгий, мучительный крик, словно вопль смертельной агонии. Бросив рыбу, мы с Уилсоном побежали вниз по берегу в направлении коттеджей и нашли там всех женщин и двоих мужчин, сбившихся в испуганную кучку. В ответ на наши расспросы кто-то из мужчин сказал, что кричал молодой Барнаби, который вместе с отцом и матерью занимал один из коттеджей.

Так получилось, что на озере не было никого, кроме молодого человека. Все остальные мужчины, за исключением тех двоих, которых мы встретили на берегу, уехали в Хэмптон пополнять запасы. Когда мать позвала юного Барнаби в коттедж, тот ответил, что «вернется через несколько минут», но по какой-то неведомой причине направился к спускающемуся во тьме западному берегу. Мать юноши осталась на крыльце коттеджа, провожая его встревоженным взглядом. Двое мужчин, также наблюдавших с берега, обменялись замечаниями по поводу «прихоти» Барнаби.

Начало происшествия оба свидетеля описывали совершенно одинаково, но дальше их истории заметно расходились. Один из мужчин уверенно сказал, что молодой человек начал разворачивать каноэ и перевернулся. Другой с такой же уверенностью заявил, что видел в полутьме, как мальчик вскочил на ноги в каноэ, ударил по чему-то веслом и внезапно с криком упал в воду.

Двое свидетелей рассказали все это, пока мы вчетвером мчались на двух лодках к месту, где мальчика видели в последний раз.

Хотя человек, сказавший, что несчастный случай произошел из-за попытки молодого человека развернуть каноэ, продолжал настаивать на своем, я почему-то чувствовал, что он ошибался. Барнаби, как мне сказали, был отличным пловцом. Учитывая, что он, вероятно, был недалеко от берега, когда упал в воду, я был убежден, что такая ничтожная авария вряд ли исторгла бы у него дикий крик агонии. Нет! Я абсолютно точно чувствовал, что на Барнаби было совершено какое-то нападение и что он пытался отбиться от нападавшего — кем бы или чем бы он ни был — своим веслом и потерпел неудачу. И когда я пытался угадать, с какой опасностью столкнулся несчастный мальчик, мурашки ужаса пробегали у меня по спине.

Я был глубоко убежден, что с Барнаби случилось что-то жуткое и что ему уже ничем нельзя помочь; вид его перевернутого каноэ, когда мы приблизились к нему, послужил лишь отвратительным подтверждением. Тем не менее, зная, что это бесполезно, я настоял на тщательных поисках и вместе с другими снова и снова звал его по имени. Возможно, они и надеялись, но не я. Я знал, что мальчик мертв.

Однако я держал свои мысли при себе, поскольку мои подозрения только усугубили бы ситуацию. Для матери было достаточным ударом узнать, что ее единственный сын утонул, но я сомневался, что ее рассудок выдержит мысль о представлявшемся мне ужасе. Уилсон последовал моему примеру.

Не имея кошек, мы не стали прочесывать озеро той же ночью. Я сказал миссис Барнаби, державшейся на удивление хорошо, что утром куплю что-нибудь в Хэмптоне. Но в Хэмптоне ничего подходящего не оказалось, и нам пришлось изготовить неуклюжую импровизированную кошку из тяжелых веток и кроуков.

Отец юного Барнаби хотел отправиться с нами, но я уговорил его остаться с женой. Я чувствовал, что так будет предпочтительней: хотя я и не ожидал найти тело, я сознавал возможность встретиться с чем-то очень зловещим, и я по-

нимал, что для него будет лучше не видеть наши находки. Возможно, он как-то уловил мои мысли, поскольку все же согласился остаться.

Мы погрузили неуклюжую кошку с привязанной веревкой (на всякий случай я купил восемьсот футов) в лодку и с Уилсоном на веслах подплыли к месту, где произошло несчастье. У нас возникли некоторые трудности из-за неудобной формы и веса кошки, но в конце концов нам удалось ее опустить. Казалось, она никогда не достигнет дна. Пятьсот футов — это долгий путь вниз.

Когда, наконец, кошка легла на дно, я сел на корму лодки и велел Уилсону медленно грести. Он так и сделал. У него получилось даже лучше: он практически не двигался. Я подумал, что кошка, возможно, зацепилась за какую-нибудь корягу, но Уилсон заверил меня, что во всем озере ничего подобного было не найти. Потребовались общие усилия восьми человек, по двое на лодку, чтобы вытащить эту штуку.

Мы работали весь день, прочесывая каждый фут озера в радиусе нескольких сотен ярдов от места, где утонул Барнаби. Мы ничего не нашли ни в тот день, ни на следующий, ни в любой другой день в течение недели изматывающего душу труда.

Это был напрасный, но необходимый труд. Иначе мы рисковали не только свести с ума мать и, возможно, отца, но и разрушить наш бизнес. И, конечно, я мог ошибаться.

Коттедж семьи Барнаби опустел на следующий день после того, как мы перестали прочесывать озеро, и какое-то время казалось, что другие тоже вскоре опустеют. Но наши постояльцы, обсудив этот вопрос, решили, что имел место всего лишь несчастный случай, прискорбный, но достаточно частый; и поскольку возвращение прочих дачников домой никак не помогло бы осиротевшим родителям вернуть своего мальчика, о происшедшем можно с таким же успехом попытаться забыть. Итак, они остались, и вскоре освободившийся коттедж был снова арендован.

Однако дачники не забыли, что молодой Барнаби погиб в вечерние часы; и поэтому, хотя теплая полоса продолжа-

лась, они после захода солнца держались подальше от озера.

Почти месяц прошел в полном спокойствии. Даже ночные звуки прекратились, и я уже начал думать, что дал волю своему воображению и что смерть юного Барнаби произошла из-за простого инцидента с каноэ. Затем случилось новое несчастье, и на сей раз оно было особенно ужасным. Зловещее впечатление усиливалось тем, что жертвами стали молодые супруги, занимавшие коттедж, где до них жила семья Барнаби.

Молодой человек и его жена, — фамилия их была Уиппл, — прожили в браке немногим больше года. Миссис Уиппл, довольно хрупкая женщина невротического типа, темпераментная, капризная и упрямая как дьявол, вскоре должна была стать матерью, и ее положение, конечно, ничуть не облегчало общение с ней. Однако она была красавицей, и Уиппл обожал ее.

Но, несмотря на все свои капризы, миссис Уиппл понимала, что ей не стоит рисковать падением в воду, пусть она и была хорошей пловчихой. Поэтому она держалась подальше от середины озера, довольствуясь тем, что сидела на носу лодки, которая была привязана к колышку, вбитому в землю в нескольких футах от края. Там не было абсолютно никакого берега, никакого пляжа, и вода на краю озера резко обрывалась в глубину.

Никто никогда не узнает, что побудило ее настоять тем вечером на лодочной прогулке. Вероятно, это была просто необъяснимая прихоть, свойственная женщинам. Будь Уиппл немного более убедителен и дипломатичен, он, возможно, отговорил бы ее от этой затеи. К сожалению, он для начала решительно отверг ее просьбу отправиться перед сном на «маленькую водную прогулку» — и искры полетели во все стороны. Невинная, вкрадчивая просьба превратилась в требование, подкрепленное всеми признаками приближающейся истерики.

Согласно Священному Писанию, которое многими людьми признается истиной, Ева сумела заставить Адама попробовать яблоко, хотя тот *знал*, какими катастрофически-

ми будут последствия; чего же можно было ожидать от человека, так сильно влюбленного в свою жену и *страшившегося лишь возможности* неприятного результата своей уступки? Уиппл продержался некоторое время, но, в конце концов, сдался. Что еще хуже, миссис Уиппл велела ему плыть «прямо на противоположный берег и обратно».

Я присутствовал при этом, то есть слышал их разговор, беседу в тот момент с соседом Уипплов. Когда я услышал, как Уиппл неохотно согласился, у меня возникло чувство страха, предчувствие чего-то ужасного. Со всем возможным тактом я попытался отговорить миссис Уиппл от поездки. Все было бесполезно. Она достаточно вежливо выслушала меня, так как была хорошо воспитана, но осталась непоколебима, а что еще я мог сделать? Правда, я мог бы схватить фалинь и не позволить Уипплу сесть в лодку, поскольку у меня было «предчувствие». Но это потребовало бы объяснений, которые я вряд ли смог бы дать. Так что я лишь сказал, что в данных обстоятельствах не стал бы этого делать. Это совершенно не помогло.

Я знал людей, которые смеялись над «предчувствием». Такие утверждают, что в «предчувствии» нет ничего особенного, что это ощущение вызвано каким-то пустяковым и целиком физиологическим нервным расстройством. Некоторые приписывают это чрезмерной стимуляции нервов алкоголем или табаком. Что ж, возможно, это связано с какой-либо одной или всеми этими причинами, но в моем случае оно всегда работает, и у меня было много возможностей это проверить. Доказательство, разумеется, полностью одностороннее: ибо, если я чувствую, что позже пожалею, сделав нечто, и подчиняюсь этому «предчувствию», я никогда не знаю, какое наказание в действительности последовало бы, поступи я иначе. Все это напоминает пастеровское лечение при подозрении на заражение бешенством. Если лечение проводится до того, как у человека разовьется бешенство, никогда нельзя быть уверенным, что в нем была какая-либо необходимость. Известно лишь, что в случае заражения и без лечения человек умирает, причем самым ужасным образом. Так и с «предчувствием». Возмож-

но, все это чушь собачья, как утверждают хладнокровные, прозаичные люди, но действовать согласно «предчувствию» не так уж и сложно, и я, как правило, ему следую.

Я стоял на берегу, наблюдая, как очертания лодки становились все более и более размытыми по мере того, как она приближалась к середине озера. Была вторая ночь новолуния. Беззвездное небо походило на черный бархат. Все вокруг казалось мне зловеще тихим. И вдруг над черной полосой воды эхом разнесся ужасный вопль женщины, находящейся в смертельной опасности. Помню, я даже не удивился — так уверен я был в неминуемой угрозе. Тем не менее, душу мою до основания пронзил ужас, и когда мгновение спустя до меня донесся более хриплый мужской крик, я понял, что трагедия завершилась. И Уипплу, и его жене уже ничем нельзя было помочь.

Вероятно, я был очень близок к истерике. Когда Уилсон, стуча зубами, схватил меня за руку, я с проклятием оттолкнул его и побежал к лодке. Другие мужчины последовали за мной.

Как правило, меня не сильно беспокоят «нервы». Это не связано с какой-то необычной храбростью, потому что я не раз испытывал страх. Мне определенно было страшно в ту ночь, когда мы плыли через озеро к тому месту, откуда донеслись ужасные крики. В грязи и зловонии «ничейной земли», в черноте дождливой ночи, зная, что смерть будет моей участью, если я хоть звуком выдам свое присутствие, мои нервы были спокойны, хотя в моем сердце был страх. Я знал, каким образом могу умереть, и это знание помогло. Но ужасная тайна, стоявшая за необходимостью выйти на озеро, потрясла меня, и, если бы кто-нибудь внезапно прикоснулся ко мне, я уверен, что закричал бы.

В сотне ярдов от дальнего берега мы наткнулись на лодку и подплыли к ней вплотную. Там было пусто. Внезапно мой взгляд привлекло что-то белое на дне лодки, недалеко от кормы. Я подтянул пустую лодку ближе и потянулся к предмету. Это был кусочек муслина, оторванный от женского платья. Я вспомнил, что миссис Уиппл была в этот вечер в белом платье, и меня затошнило.

Когда я снял руку с борта лодки, готовясь начать заведомо безрезультатные поиски, я почувствовал, что рука моя оказалась измазана чем-то липким. Это показалось мне странным, поскольку лодку в последнее время не красили. Я уже собирался окунуть руку в озеро и вымыть ее, как вдруг меня осенило. Я зажег спичку — было слишком темно, чтобы разглядеть что-либо отчетливо, — и посмотрел, что испачкало мою руку.

Это была кровь.

Уилсон наблюдал за мной. Когда я поспешно, с невольной дрожью погрузил руку в озеро, он спросил тоном человека, который боится услышать ответ:

— Это была...

Он не договорил. Я кивнул и почувствовал, как лодка затряслась, когда его охватил спазм дрожи.

Мы знали, но продолжали поиски — мы и другие, догнавшие нас. Я не ведал, что именно привело к смерти трех человек, но был уверен, что в нашем озере обитало нечто зловещее и ужасное — и я испугался.

Прочесывая озеро, мы не нашли тел — и я знал, что от них ничего не осталось.

На этом нашем предприятии пришел конец. Через неделю все коттеджи опустели. И неудивительно: женщины не только были доведены до предела страшными событиями, но и не могли спать по ночам из-за кошмарных снов и адского звука сирены, свистка или чего там еще, который становился все громче. Это был поистине душераздирающий звук.

После того, как последний из наших гостей собрал вещи и уехал, мы с Уилсоном решили разгадать тайну озера.

К счастью для нас, исчезновение Барнаби и Уипплов не вызвало в Хэмптоне никаких подозрений. Было известно, что несколько человек утонули: событие печальное, но вполне заурядное. Мы не стали просвещать горожан.

Я понятия не имею, что именно натолкнуло меня на мысль о связи между звуками, тревожившими наш сон, и происшествиями на озере, но я обнаружил, что связываю их в своем сознании. Уилсон, когда я упомянул ему об этом, по-

смеялся над моей идеей. «Как, — спросил он, — шум мог опрокинуть лодку?» Когда я попытался объяснить, что причиной могло быть нечто издававшее шум, он захотел знать, как локомотив мог сойти с рельсов и совершить такое. Видишь ли, он принял как факт мысль о том, что звук, который мы слышали, исходил от механического устройства. Я изложил ему свое представление о ситуации и склонен полагать, что в тот момент он принял меня за умалишенного. Когда я попросил его попытаться вместе со мной определить источник шума, он отказался.

Из уважения к его мнению, я решил провести небольшое расследование. Машинисты оказались очень вежливыми и услужливыми и аккуратно гудели, проезжая по ближайшему к нам участку железной дороги, но гудки совсем не походили на звук, происхождение которого я пытался выяснить.

Я рассказал Уилсону о своих открытиях и подчеркнул, что шум, по моему мнению, явно доносился с озера. Тогда он согласился на совместное ночное дежурство, но я видел, что он не разделял моей убежденности.

В течение трех ночей мы наблюдали, но ничего не слышали, и Уилсон был готов прекратить это дело. С большим трудом мне удалось уговорить его продолжить наблюдения на четвертую ночь.

Поскольку шум, похоже, всегда исходил с юго-западного берега и именно там происходили несчастные случаи, мы использовали это место в качестве нашего наблюдательного пункта. В отличие от восточного берега, который был открытым и довольно пологим, западная сторона резко обрывалась к воде. Некоторые деревья, сломанные обвалом, лежали плашмя в воде, цепляясь за берег только корнями и прикрывая ветвями ближайшие участки озера.

Мы нашли одно дерево, которое пустило корни немного дальше от линии разлома и потому частично избежало участи своих собратьев. Удерживаемое корнями, оно возвышалось над водой под углом примерно в двадцать градусов. Жесткие ветви этого большого хвойного дерева со сломанными сучьями, лежащими поперек, обеспечивали безо-

пасное и удобное, хотя и далеко не теплое, место для засады, так как ничто не защищало здесь от ветра. Как я уже говорил, ночи у озера были холодными.

Вокруг не было опасных наземных животных, и поэтому мы решили не брать оружие; к тому же, я был уверен, что любое имеющееся у нас оружие оказалось бы бесполезным против существа, которое мы надеялись выследить. Итак, прихватив пакет с бутербродами и термос с горячим кофе, мы с Уилсоном отправились на наш наблюдательный пункт.

Ночь была ясной, когда мы вышли из дома, но примерно через час тучи сгустились и пошел мелкий холодный дождь. Прикосновение капель к открытой коже было неприятным, но в остальном мы были тепло одеты и не испытывали никаких неудобств.

Было, судя по всему (в ту минуту мне и в голову не пришло посмотреть на часы) около половины одиннадцатого, когда меня пробудил от полудремы странный шум, который я не сразу смог определить. Проснувшись, я настороженно ждал повторения звука. Вскоре я услышал его снова и на этот раз узнал: это было хрюканье — обычное хрюканье свиньи. Если звук чем-то и отличался от знакомых вокализаций, доносящихся из свинарников, то в тот момент я этого не осознал, разве что хрюканье казалось необычайно громким.

Насколько я помню, моим единственным чувством было легкое удивление: не столько потому, что я услышал хрюканье свиньи — которая вполне могла сбежать из своего загона и спуститься к озеру — сколько потому, что звук исходил со стороны озера, а не с суши.

В плеске воды нет ничего, что могло бы испугать человека. И все же там, у озера, пока холодная морось падала мне на руки и лицо, я вздрогнул, услышав плеск.

Уилсон, прислонившись спиной к сломанной ветке, крепко спал, хотя позже клялся, что бодрствовал. Я как раз собирался разбудить его, когда самый ужасный рев, который я когда-либо слышал, разорвал ночной воздух в темноте подобно сирене океанского лайнера, чуть не раздробив

мои барабанные перепонки.

Это довольно быстро подняло меня на ноги, а что касается Уилсона, то, если бы мне не посчастливилось схватить его за куртку, когда он начал падать вниз, сквозь ветви дерева, случившееся с ним позднее могло бы произойти этой ночью.

Едва я восстановил свое душевное равновесие и водворил Уилсона на место, как рев раздался снова. Это был тот же вопль, что мы постоянно слышали. И я знал, что он был каким-то образом связан с прискорбными исчезновениями наших гостей и что ревело в темноте создание огромных размеров.

Было бы трудно достоверно описать мои чувства, когда я сидел, скорчившись, в нашем не слишком безопасном укрытии, вглядываясь в черную тьму и пытаясь понять, что за существо издало этот сотрясающий душу крик. Я испытывал страх, но к обычному страху примешивалось что-то еще, нечто вроде неведомого ужаса; возможно, предчувствие какого-то чудовищного события. Когда плеск воды прозвучал ближе, мне пришлось проявить большое самообладание, чтобы не броситься в бегство. Уилсону, я полагаю, пришлось еще хуже: у него стучали зубы и он, казалось, онемел от страха.

Затем плеск сменился свистящим, всасывающим звуком, похожим на тот, что издает весло, с силой погружаемое в воду. Чем бы ни было это существо, оно плыло, причем не так, как плавают обычные животные, двигая ногами, а скорее на манер тюленя, загребая ластами. И оно направлялось к северной оконечности озера.

Когда шум раздался прямо перед нами, я смутно различил огромное, волнообразнодвигающееся тело, выделявшееся расплывчатой черной тенью на фоне стены черноты. Я не мог разглядеть его очертаний, потому что света было недостаточно, но я знал, что зверь огромен. Когда я вспомнил ужасные крики тех несчастных мужчин и той беспомощной женщины, мое горло сжалось, и — мне не стыдно в этом признаться — слезы навернулись мне на глаза. Уилсон, по-видимому, думал о том же. Он оставался почти не-

подвижным и сидел, заламывая пальцы и повторяя снова и снова: «Бедная маленькая женщина! Бедная женщина!» Когда я больше не смог этого выносить, я встряхнул его и заставил замолчать.

Тень монстра исчезла, и мы с трудом поднялись на ноги, выползли обратно на берег и направились домой, обходя северную оконечность озера в надежде получше разглядеть чудовище. Но больше мы его не видели. Возможно, оно изменило направление или, что более вероятно, спряталось в своем убежище.

Я не любитель выпить, но когда мы добрались до дома и Уилсон налил себе приличную порцию виски, я попросил его налить и мне. В ту ночь мы нуждались в крепком напитке, так как были довольно-таки потрясены.

Наш обычный час отхода ко сну давно миновал, но нам не очень хотелось спать. По привычке я, правда, предложил разойтись по постелям и втайне очень обрадовался, когда Уилсон заявил, что не желает увидеть во сне эту тварь.

— Нет уж, сэр! — сказал он. — Я останусь в одежде и спать не собираюсь.

Итак, выпив еще по одной, мы набили трубки и приготовились ждать рассвета.

— Что это была за рыба?

Вопрос Уилсона прервал ход моих мыслей, и я, сосредоточившись, ответил:

— Водный антиквариат.

Это, конечно, ничуть не прояснило для него ситуацию, и я спросил, знает ли он что-нибудь об истории Земли и странных существах, которые жили на ней в давние времена. Его познания были очень ограничены; поэтому, припоминая сведения, почерпнутые из книг много лет назад, я попытался осветить для него вероятный смысл увиденного нами.

Что касается повторения некогда прочитанного, моя задача была проста. Но любой правильный ответ, который включал бы объяснение того, что мы смутно видели там, на озере, требовал чего-то большего, и я был вынужден прибегнуть к дедуктивным рассуждениям.

Вкратце я сказал ему следующее. Возраст Земли составляет от 860,000,000 до 1,000,000,000 лет; в соответствии с возрастом горных пород, этот огромный промежуток времени был разделен на эры, такие как азой, за которыми следуют палеозой, мезозой и кайнозой.

Затем я сказал, что если мы принимаем возраст Земли приблизительно в 1,000,000,000 лет, мезозойская эра отстоит от нас примерно на 500,000,000 лет. Я поведал ему, насколько мог, какие монстры и гигантские рептилии населяли Землю и ее воды в то время; далее, пытаясь объяснить появление чудовища в озере, я обратился к своему воображению. Быть может, я ошибся в своих предположениях, но других у меня нет. Ибо, насколько мне известно, наука не обладает данными о каком-либо создании (за возможным исключением некоторых наземных видов), которое могло бы сравниться по размерам с существом, чью тень мы видели.

Я склонен полагать, что был недалек от истины, поскольку из геологии известно, что в те отдаленные времена происходили обширные континентальные изменения. Основываясь на этом факте, я сказал, что во время некоторых из этих огромных потрясений отдельные представители семейства рептилий, вероятно, были застигнуты в какой-то из громадных формирующихся пещер и, не имея возможности сбежать, приспособились к изменившемуся окружению.

Спору нет, это существо отличалось от любого известного вида, но *действительно ли все рептилии, жившие в те далекие эпохи, были классифицированы?* Я совсем не был в этом уверен, так что существо в озере могло быть прямым потомком какого-то особого и неизвестного класса. Также возможно, думал я, что рептилия является неким гибридом, имеющим сложное сходство со своими древними предками. Почему бы и нет? Если возможно скрещивать ослов и лошадей и получать потомство, которое, хотя и безошибочно отличается от любого из своих родителей, по всем существенным признакам напоминает обоих, почему не могло произойти подобного рода скрещивания между члена-

ми семейства рептилий?

В Северной Америке были обнаружены всевозможные ископаемые останки доисторических рептилий, и эти существа при жизни обитали здесь. Более того, известно, что Америка буквально испещрена пещерами и что некоторые из них имеют огромную протяженность. Во многих из них есть вода, хотя, возможно, ее недостаточно, чтобы вместить ящерицу такого размера, как эта. *Но можем ли мы сказать, что все пещеры были обнаружены?*

Возьмем для примера наш конкретный случай. Когда дно водохранилища провалилось, куда делась вода, если не в какую-то обширную пещеру или каверны? И если бы под руслом ручья не было такой пещеры или каверн, случился бы какой-нибудь обвал? Конечно, нет.

Следуя этой линии дедукции, я пришел к выводу, что наша рептилия родилась в подземных глубинах, возможно, вместе со многими другими. А поскольку даже ящерица не может жить в совершенно застоявшейся воде, должны были существовать входы и выходы, чтобы вода сохранялась по крайней мере сравнительно свежей.

Только космическое пространство безгранично, а значит, у этой пещеры или системы каверн имелся свой предел. Когда сверху прорвалась вода, пещера была заполнена до такой степени, что каменные стены разрушились и почва, потеряв опору, провалилась, выталкивая воду вверх и образуя озеро. Когда вода достигала определенного уровня или находилась на одной плоскости с руслом ручья, резервуар снова заполнялся, поскольку выходное отверстие было слишком маленьким и не могло вобрать весь поток. Если мое предположение было верным, присутствие ящерицы в нашем озере можно было легко объяснить. Она просто поднималась вверх через то же отверстие, откуда поступала вода.

Такое объяснение я дал Уилсону. Я считал тогда и все еще думаю, что оно было правильным.

После завтрака я отправился на северную оконечность озера. Я полагал, что нашел реальное объяснение присутствия рептилии в озере, и хотел проверить свои предположения. Мне подумалось, что ящерице, возможно, взбредет

в голову подняться из глубин и показаться мне. Я хотел, чтобы Уилсон сопровождал меня, но он сказал, что у него слишком много работы.

Я ждал возле дыры примерно до полудня, но, не увидев никаких признаков ящерицы, пришел к выводу, что она либо поднялась наверх ранним утром, либо, что более вероятно, пряталась внизу до наступления темноты. Однако вместо того, чтобы повернуть домой, мне захотелось решить другой вопрос. В течение некоторого времени мы не видели форели, и я подумал, что рыбы, возможно, испугались ящерицы и вернулись в водохранилище. Мы с Уилсоном до вчерашнего вечера и не знали, что именно стало причиной несчастных случаев, однако все-таки сочли за лучшее остаться без рыбы, чем рисковать рыбалкой на озере. Но если рыбы снова окажутся в водохранилище, я намеревался поймать несколько штук.

Холм или насыпь, о которой я рассказывал тебе в самом начале, лежал прямо между мной и водохранилищем. Взобраться на него было нетрудно, и я начал подниматься по его склону. Холм был покрыт низким кустарником и сорняками, которые скрывали поверхность земли от посторонних глаз, но не слишком препятствовали моему продвижению. Я добрался до вершины и направился по закругленной тыльной части к водохранилищу. Я прошел всего несколько шагов, как вдруг, без всякого предупреждения, земля ушла у меня из-под ног, и я оказался в куче гравия на дне того, что показалось мне огромной цистерной.

Я не пострадал, но меня сильно трясло, так как я упал примерно с десяти футов. На мгновение мне стало смешно: должно быть, забавно я выглядел, сидя там и понурившись. Но смеяться было не над чем. Положение мое было незавидным. Я очутился на дне ямы, окруженный непроницаемыми стенами из рыхлого гравия. Более того, никто не видел меня в этом уединенном месте или поблизости от него, так что, если не произойдет чуда, никто и никогда не придет мне на помощь. Что ж, сидеть и пялиться на дыру, сквозь которую я провалился, было бессмысленно, и я начал внимательно разглядывать свое окружение.

Вскоре стало очевидно, что яма была вырыта кем-то с определенной целью; в чем заключалась эта цель, я понятия не имел. Отверстие наверху, как я обнаружил, было прикрыто досками, которые за короткое время покрылись землей и остатками растений; в свою очередь, на этой почве выросли сорняки, скрывавшие яму. Ни одна из досок не упала в дыру, и не было ничего, что я мог бы использовать, чтобы добраться до края. Поскольку больше я ничего не мог сделать, я решил отгребать гравий от стен и насыпать его до тех пор, пока куча не станет достаточно высокой; тогда я смогу дотянуться до сломанных досок, ухватиться за какой-нибудь куст и выбраться наружу.

Я знал, что мне предстоит утомительная работа, ведь в качестве лопаты у меня были только собственные руки. С одной стороны ямы под собственным весом рухнула целая грудa гравия, что показалось мне хорошим стартом. Как быстро выяснилось, бросать гравий двойными пригоршнями в центр площадки или носить его в шляпе я мог бы целую вечность; поэтому я расстелил свою куртку, набросал на нее гравий, затем отнес ее к медленно растущему холмику, на который и вывалил эти накопления.

Моя куча достигла около трех футов, когда, набирая пригоршнями гравий, мои пальцы соприкоснулись с поверхностью ящика. Вскоре я полностью откопал его: примерно в фут глубиной, пятнадцать дюймов в ширину и около двух футов в длину. Я уже собирался откинуть крышку и выяснить, что в нем содержится, но решил сначала осмотреть ящик немного внимательнее. Хорошо, что я подчинился импульсу, — осторожно сняв крышку, на которой уже начали появляться следы сухой гнили, я обнаружил двухгаллоновую канистру с нитроглицерином.

Это сразу объяснило появление ямы: при строительстве резервуара она использовалась для хранения взрывчатых веществ, и этот ящик, скорее всего, был упущен из виду, когда работы были закончены.

Очень осторожно я перенес его и установил на боку поверх небольшой кучки гравия. Копая дальше, я нашел еще один ящик, затем еще один. Всего их было пятнадцать. Я

сложил их в виде пирамиды под отверстием, через которое провалился; затем, сдерживая дыхание и стараясь не сделать неверного шага, я взобрался на вершину и вскоре снова оказался на солнце, где смог перевести дух.

Добравшись до водохранилища, я увидел прыгающую форель. Вопрос с рыбой был решен, и я направился обратно к дому за своими снастями. Я был примерно на полпути к ограде, когда заметил Уилсона с длинной палкой в руке. Он пытался преградить дорогу корове, которая вырвалась из загона и теперь направлялась к озеру.

Предполагается, что мулы упрямы, но когда дело доходит до откровенного злобного упорства, с коровой, мне кажется, ничто не сравнится. Вдобавок ко всему, коровы — существа нервные, готовые в любой момент броситься в паническое бегство, и когда им в голову приходит какая-то идея, выбить ее оттуда невозможно.

Так вот, эта корова была голштинской и ценной, и Уилсон, естественно, не обрадовался, когда увидел, что она направляется к озеру; конечно, он также помнил, какого рода арендатора приютило озеро.

Я был слишком далеко и не мог помочь, а в одиночку Уилсону не удалось справиться с коровой. Увернувшись от его палки, она помчалась прямо к воде, насмешливо, как могло показаться, хлопая себя по бокам хвостом. Она все еще скакала галопом, когда добралась до озера, так что полностью ушла под воду. Я видел, как она вынырнула в нескольких ярдах от берега и, загребая ногами, направилась к дальнему берегу. Я не знаю, почему корова в подобных обстоятельствах всегда выбирает самую дальнюю точку, если только это не потому, что коровы попросту непроходимо глупы.

Беспокоясь за корову, Уилсон забыл кое-что, о чем ему следовало помнить: если озеро было опасным местом для голштинки, для него оно было еще опаснее. Но он, не исключая, в эту минуту вообще не думал о ящерице. Во всяком случае, он побежал к маленькому причалу, выдававшемуся воду, отвязал лодку, забрался в нее и начал отчаянно гребсти вслед за своей драгоценной коровой.

Я был слишком далеко и не успел бы предупредить его об опасности. Правда, в тот момент она не казалась серьезной: озеро, похожее на огромный голубой драгоценный камень, купалось в золотых лучах послеполуденного солнца, как воплощение улыбающейся красоты, и лишь осознание того, что глубоко в сапфировых водах мог скрываться безымянный и чудовищный ужас, придавало этой красоте несколько зловещий характер. Наверное, я немного фаталист; мне думается, что все в значительной степени предопределено для нас с самого начала. По мнению духовенства, мы «свободны в моральном выборе», но мне интересно, так ли это на самом деле. Конечно, Уилсону не обязательно было выходить на воду. И он не стал бы так поступать, если бы остановился и подумал. Но вряд ли его можно винить за то, что он не остановился и не подумал. Он никогда этого не делал.

К тому времени, когда я добрался до места, где корова вошла в воду, животное было примерно в ста ярдах от берега и направлялось обратно: Уилсон догнал его и заставил повернуть назад. Судя по всему, нервничать было не из-за чего, но я волновался и крикнул, чтобы он поторапливался. Он махнул мне рукой и кивнул, и это был последний жест в его жизни. Едва рука Уилсона снова взялась за весло, как из синих глубин прямо за его спиной бесшумно поднялась ужасная голова, а за ней длинная шея существа, чью тень мы смутно видели той ночью, когда сидели, скорчившись, на шаткой платформе из ветвей упавшего хвойного дерева.

Существо поднялось на высоту семи или восьми футов. Я застыл и онемел, глядя на этот абсолютный ужас. Я видел похожую на пещеру трехфутовую пасть, видел, как она открылась и обнажила блестящие, острые, как иглы, зубы над головой несчастного человека; и я был совершенно беспомощен. Даже если бы на карту была поставлена моя собственная жизнь, я не смог бы издать предупреждающий крик.

Думаю, Уилсон каким-то образом что-то почувствовал, потому что я заметил (ясно вспоминаю это и сейчас) выражение страха, появившееся на его суровом лице. Но было

слишком поздно: как раз в тот момент, когда он собирался обернуться и посмотреть, что находится позади, наступил конец. Последовало легкое движение ужасных челюстей — возможно, инстинкты послали в мозг существа какой-то вкусовой намек; затем молниеносно опустилась непотребная голова, челюсти с щелчком сомкнулись, и Уилсон был вырван из лодки с той же быстротой и легкостью, с какой курица подбирает кукурузное зернышко. Лишь его ноги торчали из пасти ящерицы,

Невыразимый ужас овладел моим разумом, и мне кажется, я на мгновение потерял сознание. Возможно, на какое-то время я утратил рассудок: я не помню, как шел к дому, и, пока меня не привел в себя жесточайший раскат грома, я не сознавал происходящее.

Когда я очнулся, я сидел, ссутулившись, на одном из кухонных стульев. Голова у меня кружилась, как будто я пил много дней подряд. Неопределенные тени странных воспоминаний мелькали в моем сознании. Затем новый жуткий раскат грома смел паутину с моего мозга, и я почувствовал, как память стремительно возвращается.

Вскоре и, возможно, к счастью другие вещи заняли мой разум и потребовали моего внимания. Одна из жесточайших бурь, какие я когда-либо видел, назревала быстро и яростно. Дом, каким бы крепким он ни был, дрожал и скрипел под натиском разгулявшейся стихии.

Встав со стула, я, пошатываясь, подошел к окну. Небо было затянуто тяжелыми тучами. Те, что находились непосредственно над головой, были серовато-черными, в то время как на юго-западе высоко в небесах клубилась потусторонняя зеленоватая масса клубящихся кучевых облаков. В воздухе сталкивались несколько потоков, долетавших с самых разных направлений, и верхушки деревьев мотались и бились как бешеные. Температура начала падать, и огромные тучи с северо-запада пронеслись мимо, под чернотой высоко над головой; вспышки молний стали ужасающими, огненные вилы металась от облака к облаку, то и дело раздавались оглушительные раскаты грома, заставлявшие все вокруг трепетать.

Затем пошел дождь, хлынул потоками, настоящими каскадами несущейся воды, бьющей в каждую трещину и расщелину. В сотне ярдов от дома зажглась ослепительная вспышка, и высокое дерево превратилось в щепки, разлетевшиеся во все стороны; шторм закружил их и швырнул в пенящееся озеро.

Я услышал грохот над головой и понял, что труба рухнула на кровлю. За этим последовал треск, и крыша курятника, похожая на крылья какой-то огромной птицы, поплыла прочь по озеру; и когда сам дом начал оседать на фундамент, я ожидал, что он скользнет туда же. Но, к счастью, этого не произошло; стихия не затронула и крышу, хотя, как я обнаружил позднее, на ней не осталось ни одной целой черепицы.

Внезапно отвратительный грохот усилился звуком, который перекрыл все остальные шумы. Все оконные стекла разлетелись на куски, все двери были сорваны с петель, и в дом хлынул поток воды, отбросивший меня в угол.

Люди часто говорят о «трубном гласе», и если он звучит хуже, чем этот треск, я не желаю его слышать. Но, кажется, оглушительный звук все же возвестил что-то успокоительное: жуткое громохание начало стихать, и через час только отдаленные раскаты свидетельствовали, что энергия бури еще не истощилась. Однако дождь продолжался, пока не стало казаться, что все океаны мира не в силах обеспечить тучи водой.

В нижних комнатах взад и вперед ходила вода. Мокрый, замерзший и усталый, я пробрался к лестнице, ведущей на второй этаж. Я потащил свое ноющее тело вверх по лестнице, по которой стекали маленькие ручейки, так как окна наверху тоже были разбиты. Я искал какое-нибудь укрытие от ветра, надеясь найти сухую одежду и прилечь. На втором этаже все довольно сильно промокло, но я наконец нашел убежище в большой кладовой в задней части дома. Эта сторона дома была обращена к востоку, и поскольку шторм налетел с юго-запада и севера, там было сравнительно сухо. Я нашел в шкафу воскресный костюм Уилсона, несколько рубашек и пару туфель, а также несколько пар носков.

Костюм был слишком мал, а туфли слишком велики, но выбирать мне не приходилось. Если ты не оказывался в подобном положении, ты не можешь знать, какое блаженство приносит сухая одежда любого вида или марки.

Отжав свою одежду и развесив ее сушиться на спинках стульев в надежде, что дождь все же когда-нибудь прекратится, я сложил кое-какие вещи на пол и устроил из них постель. Вскоре я совсем забыл о грозе и о том, что было до нее.

Солнечный луч, отразившийся от зеркала и попавший мне в глаза, разбудил меня. Мои часы остановились, так что точного времени я не знал; кажется, было около девяти. Я немного замерз и был голоден, но в остальном пребывал в довольно хорошей форме. Вытащив стулья, на которых висела моя одежда, на солнечный свет, я спустился по лестнице, выгреб мокрую золу из печи, развел огонь и приготовил себе яичницу с ветчиной и кофе. Затем я начал изучать масштабы ущерба.

Пострадало многое. Крыша сарая обвалилась, стены накренились наружу. К счастью, погода была теплой, так что скот все еще оставался снаружи. Наконец я нашел всех животных в бывшем маленьком яблоневом саду; по-видимому, они ничуть не пострадали от пребывания под дождем и с довольным видом щипали траву. Я говорю «бывшем», поскольку практически все деревья превратились в голые стволы с обломанными ветвями.

После, без какой-либо особой причины, я спустился к озеру. За исключением множества плавающих обломков дранки, веток и досок, это был все тот же улыбающийся и красивый голубой водоем — последнее место в мире, подумал я, где могли произойти такие ужасные трагедии, и самое маловероятное укрытие для вызвавшего их ужасного существа. Вскоре я услышал приглушенный звук, похожий на журчание падающей воды, и задался вопросом, чем он был вызван. Чуть позже я заметил, что плавающий на поверхности воды мусор понемногу дрейфует к северной оконечности озера. Это выглядело странно, так как течения не было, и я с любопытством двинулся в том же направлении. Вскоре приглушенный звук стал громче. Он доносился со

стороны озера! На мгновение я был озадачен, но объяснение мгновенно пришло ко мне, как вспышка, и я бегом пустился на север.

Вскоре я добрался до места, откуда доносился шум. Это была огромная расщелина в конце котловины, где лежало озеро. Я посмотрел в сторону насыпи или, скорее, на то место, где раньше находилась насыпь. Если у меня раньше и были сомнения относительно причин происхождения расщелины, теперь все полностью объяснилось. Вчерашний попусторонний грохот был вызван взрывом тех пятнадцати ящичков с нитроглицерином; возможно, в песке оставались и другие ящики, которые сдетонировали, когда молния ударила в яму.

Скалистое дно ямы, должно быть, представляло собой что-то вроде крышки над подземной пещерой или кавернами. Взрыв разметал его, оставив вместо камней и земли огромную дыру, проходящую через стену, которая удерживала озеро. Взрыв сделал даже больше, разрушив стену между ним и водохранилищем: обойдя пропасть и направившись к плотине, я обнаружил, что вода быстро спадает. Пока я стоял там, пораженный силой взрыва, большой бетонный блок с ближайшего ко мне конца плотины оторвался и с плеском упал в воду. Очевидно, подумал я, вся плотина была повреждена и в любой момент могла рухнуть. Я поспешил убраться подальше от этого места и поступил мудро, потому что в течение десяти минут вся огромная бетонная конструкция раскрошилась и упала; часть ее полностью скрылась из виду в отверстии в дне резервуара, в то время как остальное было унесено в противоположном направлении.

Поскольку пропасть быстро расширялась, было ясно, что и озеро, и водохранилище вскоре опустеют; желая увидеть финальный момент, я вернулся в безопасное место на восточном берегу, сел на камень и стал ждать конца.

Сидя там, я гадал, на какие глубины уйдут воды озера и водохранилища; возможно, размышляя я, некоторые прочитанные мною истории о людях, населяющих подземный «мир под миром», были правдивы. На время я позабыл о

том, что происходило у меня на глазах.

Меня вывело из задумчивости громкое фыркание. Вернувшись к действительности, я посмотрел на озеро. Менее чем в пятидесяти ярдах передо мной плыла огромная ящерица, издавая недовольные звуки.

Наконец-то я увидел монстра, и он действительно был чудовищем. Мои способности к описанию слишком ограничены, чтобы должным образом изобразить его словами. Тело, по крайней мере, верхняя часть, было полностью на виду. По форме монстр походил на лебедя; длина тела от места соединения шеи с туловищем и до кончика хвоста, чем-то напоминавшего хвост утки, составляла около шестидесяти футов. Это тело, вооруженное или снабженное лапами, похожими на тюленьи, но чрезвычайно большими, было зеленовато-черного цвета и покрыто чем-то наподобие засохшего слоя слизи и тины. Шея, гибкая, как у лебедя, имела целых два фута в диаметре у основания и постепенно сужалась к голове в восьми футах от туловища. Морда являла смешение черт крокодила и тираннозавра, но была гораздо крупнее, чем у обоих, со слабо сочлененными челюстями, способными раскрыться под громадным углом, как бывает у некоторых змей. Пасть, усеянная шестидюймовыми зубами, была по меньшей мере трех футов длиной от рыла до угла челюстей. Верхние клыки длиной не менее десяти дюймов, изогнутые наружу и вниз над нижней челюстью, придавали чудовищу устрашающий вид. Более ужасное существо я не мог вообразить, и я задался вопросом, могло ли оно быть представителем какого-то неизвестного вида или являлось гибридом. Думаю, правильно последнее, и поскольку существо было единственным, замеченным людьми в наше время, я также стал спрашивать себя, не могло ли это создание начать свое существование когда-то тогда, в мезозойскую эру. Это казалось невозможным, но кто знает? Во всяком случае, монстр определенно выглядел достаточно древним, чтобы родиться задолго до начала творения. Несомненно, подумал я, где-то есть и другие подобные ему, так как выглядело маловероятным, что только один экземпляр попал в один из катаклизмов тех древних дней. Но прав я

был или нет, нельзя сказать.

Очевидно, ящерица была чем-то испугана — вероятно, мыслью о том, что ее засосет в пропасть, поскольку она предпринимала отчаянные усилия, пытаясь уплыть. Однако это была проигрышная игра: какой бы мощной ни была рептилия, крутящийся водоворот был сильнее, и как она ни колотила воду, силясь спастись, ее медленно втягивало обратно. Что бы я ни думал о ней, трусости она не знала — осознав, что игра проиграна, она внезапно развернулась и с ужасающим ревом, используя лапы, чтобы придать себе большую скорость, в своего рода дьявольски дерзком рывке нырнула головой в водоворот.

В течение дня вода продолжала расширять пропасть, и к ночи озеро почти исчезло, как и водохранилище.

На следующее утро появились городские инженеры, и я, как мог, объяснил, что произошло. Случилось так, что в основном я говорил с человеком, который руководил строительством резервуара и, следовательно, был единственным, кто знал о нитроглицерине. Я понял, что моя находка вызвала у него некоторое беспокойство; он объяснил, что отдал приказание вывезти нитроглицерин, но, очевидно, оно было забыто или проигнорировано рабочими. Я пообещал ему никому не говорить об этом упущении, за что он, как мне показалось, был очень благодарен. Поскольку тогда распространяться об этом было ни к чему, я счел за лучшее забыть об этом деле.

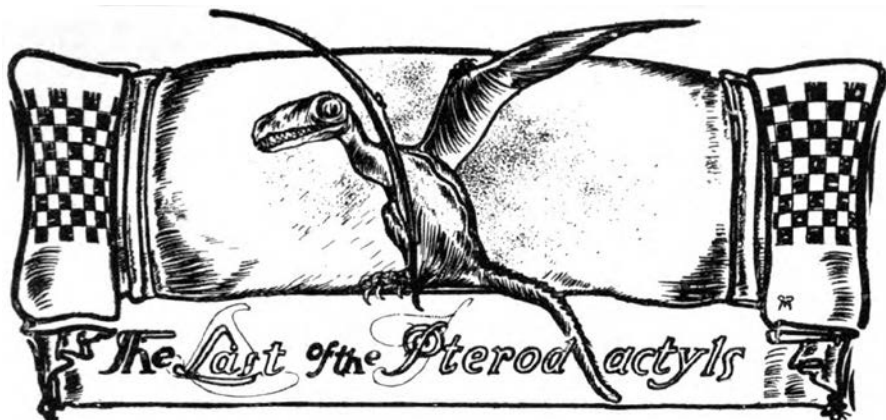
Я никому не рассказывал о ящерице. Исчезновение Уилсона я объяснил тем, что он упал в озеро с лодки, когда пытался отогнать обратно на берег корову, которая забрела в воду. Эту же историю я рассказал адвокатам, улаживавшим дела с наследством.

Как только стало возможно, я собрал свои вещи и вернулся в город. Я пытался забыть о пережитом, поскольку этот опыт был далеко не приятным, но статья в газете снова напомнила мне о нем. Повторяю, я не удивлюсь, прочитав, что эти ученые нашли каких-то выходцев из мезозойской эры, так как верю, что некоторые особи все еще живы. Почему бы и нет?

У. Брюс-Стэкпул

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПТЕРОДАКТИЛЕЙ

Доисторический этюд

— Что это такое? — спросил я. — Рассказ?

— Возможно, — ответил профессор, — но скорее, если говорить строго, фрагмент реконструкции. Вы послушаете?

I

Бушевал шторм, и волны обрушивались на пляж длиной в лигу с непрерывным грохотом водопада. Покрытая илом и грязью поверхность пляжа, раскинувшегося между береговыми оконечностями двух линий вулканических холмов, бледно отражала лучи солнца, давно миновавшего зенит. Тут и там, подобно зеркалам, брошенным на заиленную равнину, поблескивали большие водоемы; а дальше в глубине материка, за пределами досягаемости прилива, виднелась поросль чахлых кустарников, казавшихся серо-зелеными, как лишайник, на фоне темных солончаков; эти низкорослые и жалкие кусты были единственной растительностью во всей огромной долине, которая простиралась до самых внутренних гор, огромных и меланхоличных, как Лунные Кордильеры.

Среди гор, далеко в глубине материка, милях в пятидесяти от шумного прибоя, можно было различить формацию, давно утраченную нашим миром живущих. Три вулкани-

ческих конуса, одинаково симметричные, гигантские и зловещие, выбрасывали в небо столбы дыма.

Огромные конусы, дымящиеся вдалеке, мрачные серо-стальные холмы вблизи, солончаки, где ничто не двигалось, небо без птиц, море без парусов довершали картину ужасного величия и прискорбного запустения — запустения, подчеркнутого человеческой фигурой на пляже.

То была женщина, обнаженная и загорелая, с длинными распущенными волосами цвета морских водорослей, полосу которых она держала в руке.

Она была крепко сложена и казалась мощной, а волосы, скрывавшие ее уши и свод черепа, выглядели необычайно грубыми; линия их начиналась низко на лбу, немногим более дюйма от нависших бровей, затенявших ее мрачные глаза.

Сам Данте нашел бы, что ее лицо заслуживало пристального рассмотрения. Внешний и видимый символ миллионов лет борьбы, борьбы с ветрами и непогодой, с рептилиями и зверями — это было не столько лицо, сколько маска, таинственная, как маска Мемнона, лишенная человеческих страстей, как вулканические холмы.

Она стояла на доисторическом пляже, одна из первых из нас, обнаженная, безымянная и забытая; человеческое существо, едва выжившее в той титанической схватке в грязи, которую философы самодовольно называют Началом Вещей, а теологи столь же самодовольно игнорируют.

II

Нечто живое в грязи

Она наклонилась, чтобы поднять ленту из морских водорослей, не из прихоти, а от голода. Разжевывая водоросли, она продолжала свой путь вдоль пляжа, направляясь к восточной гряде холмов и держась примерно в пятидесяти ярдах от бурлящего прибоя. По пути она то и дело поглядыв-

вала по сторонам и часто внезапно останавливалась, обращившись, как будто к ней обращались. По ее движениям можно было подумать, что ее сопровождало несколько человек, причем некоторые словно шли справа от нее, другие слева, а третьи сзади, и все они точно окликали ее по очереди. Кто-то мог бы принять ее за жертву заблуждений и иллюзий; но воображение никогда не смогло бы представить ужасные опасности, которые были истинной причиной этих постоянных поворотов головы, остановок и нерешительных движений.

Внезапно она бросилась вбок и упала в грязь, и поверхность перед ней на протяжении примерно пятидесяти ярдов затряслась, закачалась и задрожала, как будто в глубине кто-то смеялся. Она медленно отползла назад и встала на ноги. Затем она направилась дальше, сделав длинный крюк, чтобы обойти болото, которое чуть не поглотило ее.

Теперь она была недалеко от вулканических скал, выброшенных холмами, как подношение морю, и миновала маленький, казавшийся безобидным ручей; но вдруг, бросив украдкой взгляд через плечо, она подпрыгнула, словно ее ударило мощным электрическим разрядом, и бешено рванулась вперед.

Позади нее весь левый берег ручья пришел в движение; он поднимался, вздымался, опускался, снова поднимался; затем... появилась голова, такая голова, какую мальчишки могли бы вылепить для забавы из большого комка глины — сами глаза существа казались вылепленными из глины....

Женщина вцепилась в камни и оглянулась. Ручей был все там же, но существо исчезло: на всем пляже не было заметно никаких признаков жизни, как и во всей местности, от бурлящего прибоя до трех огромных конусов, дымящихся вдалеке.

III

Зубы, рвущие плоть

Она карабкалась среди скал с ловкостью животного, двигаясь не прямо вверх, а влево, по диагонали, прочь от моря.

Наконец она добралась до чашеобразной впадины около сорока футов в диаметре, крошечного амфитеатра, усыпанного валунами.

Здесь сидел мужчина, прислонившись спиной к одному из валунов. Если бы не кожа, его можно было бы принять за скелет. Длинные, как у женщины, волосы спадали на лицо. Судя по его позе, он крепко спал, но полузакрытые глаза были настороже и следили за каждым движением женщины, приближавшейся к нему.

Смерть наложила свою печать на этого доисторического человека. Он умирал, не от возраста, раны или болезни — он умирал, как умирали многие львы и миллионы людей в Начале Вещей: он медленно умирал от голода, потому что потерял зубы.

Женщина огляделась, как будто что-то разыскивая, затем поспешно подошла к мужчине и начала говорить, если только звуки, которые вырывались из ее рта и походили на бормотание разъяренной обезьяны, можно было назвать речью.

Она жестикулировала, разводя руки, и было очевидно, что она чего-то требовала. Но мужчина ничего не отвечал. Он казался испуганным и смущенным и все оглядывался по сторонам, как будто искал место, где можно было бы спрятаться; затем он закрыл глаза и безвольно застыл, опустив подбородок на грудь, а руки на землю ладонями наружу.

Женщина презрительно отвернулась от него и внимательно огляделась, словно принимаясь к воздуху со всех четырех сторон. Быстро пробираясь между валунами, она начала искать что-то, что оставила с мужчиной и чего больше не было с ним.

За большим валуном она внезапно наткнулась на то, что искала. Это был ребенок, очень маленький, около двух лет от роду, мертвый, но еще теплый. Его горло было разорвано. Он был убит каким-то диким животным. Мгновение женщина глядела на искалеченный маленький трупик; затем опустилась рядом с ним на колени и перевернула его, как будто хотела осмотреть. Она не вскрикнула и не выказала никаких видимых переживаний.

Мужчина, сидевший спиной к валуну, поднял веки и посмотрел на нее и на тело ребенка взглядом едва проснувшегося сновидца, который все еще путает декорации сна с декорациями жизни.

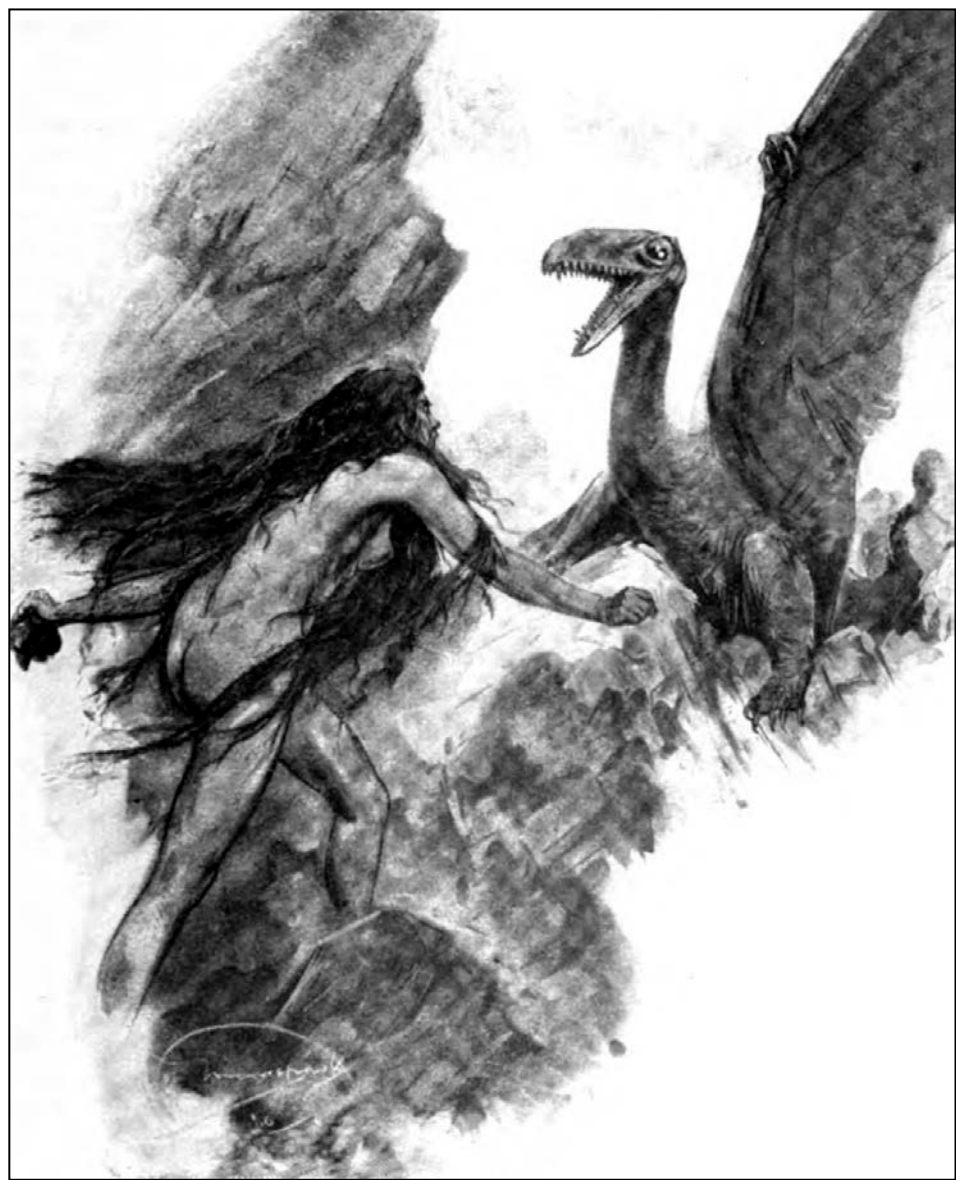
IV

Тень среди скал

Женщина вдруг резко поднялась со своего места рядом с ребенком и снова начала поиски. Ее лицо изменилось. Губы оттопырились, брови образовали одну черную полосу, ноздри раздувались.

Она торопливо бегала взад и вперед, ссутулив плечи, низко опустив голову и внимательно осматривая землю. Внезапно она остановилась, прижав обе ладони к груди, пристально вгляделась во что-то в серой почве и сделала глубокий, свистящий вдох. Затем она начала карабкаться вверх, перепрыгивая с камня на камень. Она шла по чьему-то следу, и шла так, как ищейка идет по запаху.

Женщина взбиралась по склону зигзагами, поднимаясь все выше и выше, пока не достигла вершины холма. Оттуда открывалась панорама береговой линии, дикой, чудесной и истерзанной морем. Вокруг простиралась земля, над которой господствовали три огромных конуса; исходившие из них клубы дыма окрасились пурпуром в лучах заходящего солнца.

Женщина продолжала путь среди валунов, усеивавших землю. Прямо, как гончая по горячему следу, она шла к тому, что искала.

Оно скрывалось среди скал — существо ужасней любых видений безумца. У него были крылья, но это была не птица; у него было тело ящерицы, но это была не ящерица; у него была огромная голова, совершенно непропорциональная размерам туловища — голова в форме гроба, прямая, откинута назад и балансирующая на тощей шее, покрытой чешуей. Его глаза были громадными, широко открытыми, бесстрастными и холодными, как глаза змеи.

Челюсти, ритмично распахивавшиеся и смыкавшиеся, точно приводимые в действие пружиной, обнажали острые и жестокие зубы, крылья вырастали из когтей, таких же жестоких, как зубы, и все жуткое создание, если сравнивать его с птицами, было в полтора раза больше самого крупного орла.

Зверь знал, что отмщение пришло — это было очевидно по его позе и движениям. Он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону; возможно, это был последний представитель своего вида, чудовищный экземпляр самого чудовищного из существ, которому Гольдфус дал название *Pterodactylus crassirostris*. Он бы улетел, если бы не повредил крыло — возможно, в борьбе с ребенком, которого он убил.

Женщина бросилась в бой с этим существом, вооруженная только своими ороговевшими руками и ненавистью, что двигала ею....

— Это все, — сказал профессор, сложил рукопись и протер очки. — Я написал это прошлой ночью. Что вы думаете об этом как о рассказе, а?

— Рассказ слишком неполный, — ответил я. — Почему вы не пишете, что стало с птеродактилем?

— Птеродактиль, — уклончиво ответил он, — исчез с

лица Земли много тысячелетий назад.

— Я имел в виду не вид, а индивидуума. Ну, а что стало с той женщиной?

— Той женщиной? — озадаченно переспросил он, нахмутив брови, как будто пытался придумать окончание для своего рассказа. Затем взгляд профессора упал на его жену, которая сидела в другом конце комнаты, прижимая к груди своего двухлетнего ребенка и читая «Мысли» Паскаля в мерцающем свете камина.

— Та женщина? — ответил он с улыбкой. — О, женщина все еще жива.

Приложения

БОЛИВИЙСКИЙ ЯЩЕР

Редактору *Journal of Science*.

Сэр,

газета *Anglo-Brazilian Times* в номере от 24 марта 1883 г. пишет, что «бразильский посланник в Ла-Пас, Боливия, прислал министру иностранных дел фотографические копии с зарисовок необычайного ящера, убитого на реке Бени, причем для этого понадобилось тридцать шесть пуль. По распоряжению президента Боливии высушенную тушу, хранившуюся в Асунсьоне, отправили в Ла Пас. В ней 12 метров от морды до кончика хвоста, сплющенного на конце. В 4 метрах от передней головы из спины поднимаются еще две головы (?) размером поменьше, но полностью сформированные. Все три близко напоминают голову собаки. Лапы короткие и заканчиваются громадными клыками. Лапы, живот и нижняя часть шеи защищены чем-то наподобие чешуйчатой брони, спину же покрывает еще более толстая двойная кираса, начинающаяся от ушей передней головы и продолжающаяся до хвоста. Шея длинная, живот округлый и почти волочится по земле. Профессор Жилвети, осмотревший животное, считает, что это не чудовище, а представитель редкого или почти исчезнувшего вида, поскольку индейцы в некоторых частях Боливии пользуются глиняными сосудами такой же формы, которые, вероятно, изображают существующее в природе животное».

Если это сообщение окажется правдивым, мы увидим параллель к резным изображениям мамонта, являющимся таким интересным памятником первобытного искусства.

Остаюсь Ваш и т.д.,

Вильям Э. А. Аксон,

Ферн-Банк, Хайер-Броутон, Манчестер.

Капитан Вильям Хиченс

ТАИНСТВЕННЫЕ ЗВЕРИ АФРИКИ

Любой белый охотник, когда-либо преследовавший по тропам Африки крупную дичь, слышал рассказы о хищных животных, никак не перечисленных в его охотничьей лицензии; они, по словам туземцев, бродят по темным уголкам буша вокруг краалей или таятся в лесах и болотах. Во время сафари, сидя по вечерам у сложенного из сухих веток костра, носильщики делятся странными повествованиями об этих страшных зверях: о *ндалау*, этом мрачном воющем людоеде лесов Уганды; о *мбилинту*, гигантском бегемото-слоне болот Конго; о жутком *мнзва*, мохнатом и беззвучно ступающем хищнике из кошачьих, обитающем в зарослях кокосовых пальм на берегу; о *лау* и *луквата*, чудовищных зверях, чьи жуткие голоса разносятся над озерами в серых сумеречных туманах. И кто-нибудь непременно заставит весь лагерь со страхом вглядываться во тьму, рассказав, как прожорливый и устрашающий *керит* напал в одну ужасную ночь на хижины спящего селения — под самым носом у белого человека — и утащил свою вопящую жертву. От частых пересказов истории эти ничего не теряют. Танцующее пламя лагерьного костра высвечивает на фоне темной, таинственной стены окружающего буша крадущиеся тени; гиена, припадая к земле, жалобно воеет либо же в рассказ вторгается внезапный резкий лай любопытного шакала, в то время как беспокойный маленький *комба*, галаго, вторит гогочущими безумными криками, прячась в ветвях дерева где-нибудь на краю лагеря. Носильщики теснее окружают костер, белый бросает успокоительный взгляд на винтовки и наливает себе стаканчик спиртного... в такие ночи на охоту выходит *керит*, дьявольское порождение тьмы!

Было бы нетрудно расценить эти истории как плоды воображения или ночных ужасов черного человека, вызванные к жизни невежественными суевериями — или, на худой конец, чистейшими фантазиями: мало ли что может помешаться, когда долго сидишь у костра так близко от котелка с теплым пивом *нтулу*! Но такое заключение было бы чересчур поспешным. Ибо эти «таинственные» звери, в том или ином виде, существуют: они рыскают в поисках добычи, завывают, таятся в засаде, набрасываются и убивают. Ра-

зумеется, можно сказать, что кошмарный *мнзва*, о котором рассказывают испуганные обитатели прибрежных рыбачьих краалей, не более чем миф, но трудно отмахнуться от действительности, когда к палатке приносят на носилках исколотого когтями, израненного и изуродованного человека; он-то уж никак не миф, и напавшее на него животное, будь то *мнзва* или что-то другое, также не мифическое: с таким зверем лучше всего беседовать через прицел винтовки четырехста пятидесятого калибра.

Африканские туземцы далеко не глупы в том, что касается местных саванн, лесов и животных; любая старуха в краале определит по следу или способу нападения, идет ли речь о льве, леопарде или гиене, и туземцы не станут впустую уверять, что тут замешан *мнзва*. В туземных охотничьих традициях существуют четкие различия между животными. В широко известной охотничьей песне, к примеру, в одной строфе говорится о *симба* (льве), *нсуи* (леопарде) и *мнзва*, и это ясно показывает, что туземцы не путают этих трех больших хищников между собой. Более того, многие белые охотники, фермеры и чиновники, в чьей честности не приходится сомневаться, слышали о подобных таинственных чудовищах, видели их следы, стреляли в них и иногда даже вступали в противоборство с ними; и нередко одно из «мистических» животных удавалось поймать или застрелить, как случилось недавно с *нсуи-фиси*. И тогда туземцы замечают: «Мы же говорили!», а зоологи чешут в затылках и бормочут: «*Ex Africa semper...*» и так далее. Но большинство таинственных зверей еще не попали на мушку. Подобно окапи, долго считавшемуся чистейшим мифом, они остаются неуловимыми. Рев, вой, треск деревянных шестов краала, испуганное мычание скота, вопли ужаса... зверь пришел и зверь скрылся.

Типичным образчиком таких животных, нападающих на скот и людей, может служить неведомый зверь, который некоторое время назад опустошал большую территорию в северной части Капской провинции и Трансваале. Зверя никто не видел, однако его следы известны, а его хищнические нападения вызвали повсеместную панику. Туземцы назы-

вают его *ходумодумо*, что буквально означает «чудовище из буша с разинутой пастью». В полном молчании, под покровом самых темных ночей, этот кровожадный хищник вторгается в краали и на фермы, перебирается через шестифутовые заборы, ограждающие загоны и стойла для скота, хватается овцу, козу или теленка, вновь перепрыгивает через ограду и исчезает со своей добычей.

Безмолвный налетчик

Следы хищника на дорожках краалей и в буше лишь служат еще одной загадкой. Это «круглые, похожие на блюдца следы с отпечатками двухдюймовых когтей», что ставит охотников в тупик — ведь такие следы не соответствуют ни одному из известных диких животных, атакующих скот. Нападения зверя были особенно кровавыми в районе Храфф-Рейнета, где была объявлена большая награда за голову животного и около сотни поселенцев приняли участие в облаве на хищника. Мнения о нем значительно расходятся: одни считают, что это некая «странная» гиена, но другие указывали, что гиена всегда *волочит* свою добычу; и, конечно, никто не слышал о гиене, способной перепрыгнуть через шестифутовую ограду с теленком в зубах. Далее, гиена — разбойник шумный; она стонет перед нападением и после вопит и хохочет, как демон, этот же зверь остается безмолвным. Высокий прыжок и привычка уносить добычу в зубах могут указывать на льва или крупного леопарда. Некоторые львы нападают беззвучно, и я не раз сталкивался со случаями, когда они перепрыгивали через шестифутовые изгороди краалей и уносили скот; но они всегда при нападении издают низкое сиплое рычание, а убив добычу, часто ревут; львы также часто издают рык, пытаясь таким образом устроить давку среди скота в загоне. Но этот зверь хранит молчание.

Многие поселенцы, принимавшие участие в облаве, были опытными охотниками, умевшими с первого взгляда рас-

познавать следы льва или леопарда. Но *ходумодумо* остается непойманным, и счастливого охотника, который сумеет его раздобыть, ждет приятная награда. Вполне возможно, что *ходумодумо* окажется новым для науки животным.

Таким же был в свое время *нсуи-фиси*. Его имя означает «леопард-гиена», и в родезийских краях о нем рассказывали много жутких историй. Туземцы постоянно говорили об этом звере белым охотникам, описывая хищника как животное исключительно ловкое, быстрое и беспощадное, что и можно было ожидать от убийцы-гибрида, сочетающего в себе свирепость леопарда и вероломные повадки гиены. По словам местных жителей, *нсуи-фиси* всегда нападал ночью, проламывая непрочные двери или стены загонов и стойл и исчезая с козами и овцами, и нередко превращал эти строения чуть ли не в руины. Он был похож на леопарда, рассказывали туземцы, но вместо пятен его шкуру украшали белые и черные полосы, как у зебры или полосатой гиены. Белые охотники, однако, никогда не видали подобного зверя, и рассказы о *нсуи-фиси* с пренебрежением отбрасывались: «Разумеется, это всего-навсего туземные суеверия!»

И тем не менее, в этом случае туземцы говорили правду. Такой известный ученый, как м-р Р. И. Покок, недавно представил Зоологическому Обществу шкуру *нсуи-фиси*, одну из нескольких, добытых в Родезии. Животное оказалось новым подвидом гепарда (*Acinonyx rex*), и в самом деле не пятнистым, а полосатым, словно зебра, как на протяжении многих лет и рассказывали туземцы! «Поразительно, — заметил по этому поводу м-р Покок, — что такой крупный и необычный зверь мог так долго оставаться неизвестным». Туземцы ошибались, предполагая в *нсуи-фиси* гибрид леопарда и гиены, но любому, кроме опытного зоолога, он покажется именно таковым. Поэтому не стоит спешить с предположением, что в природе не существует других «таинственных зверей» наподобие *нсуи-фиси*, и отнюдь не исключено, что *мнгва*, *керит* и *ндалау* также окажутся вполне реальными. Описания всех этих животных хорошо известны.

Ужас побережья

Согласно туземцам из рыбацких деревень, разбросанных по побережью Восточной Африки, *мнзва* представляет собой гигантскую полосатую кошку, но размером с осла и гораздо более свирепую и беспощадную, чем лев. Кто-то назовет такого зверя «невозможной» выдумкой; но я прошел немало миль в предполагаемых местах его обитания и помогал бинтовать раны не одной из его жертв и потому убежден, что некое животное, отвечающее описанию *мнзва*, обитает в густых джунглях, что окаймляют часть побережья. В некоторые районы этой темной чащи столетиями не ступала нога человека; подтверждением может служить тот факт, что в джунглях на расстоянии нескольких часов езды на автомобиле от Момбасы пятьсот лет простояли каменные руины крупного города, и никто о них ничего не знал, пока их не открыли четыре года назад. Какие еще секреты хранит этот пояс джунглей? Туземцы клянутся, что он населен призраками; возможно, в этих заколдованных местах обитают странные животные. Во всяком случае, кошка-*мнзва* в качестве зверя, отличающегося от льва и леопарда, известна туземцам не менее шестисот лет. Песня одного из знаменитых туземных властителей и охотников, написанная в XIII веке, гласит:

Я не сижу в городе, а иду в лес, где меня сожрет *мнзва*!
И если *мнзва* схватит меня, такова судьба охотника!

Много лет этот зверь был предметом охотничьих рассказов, и сегодня любой туземец с побережья может с ужасом поведать о лютости и регулярных нападениях *мнзва*. Все это не следует беззаботно объявлять «чепухой». Не так давно ко мне в Мчингу (небольшое прибрежное селение в Танганьике) принесли на носилках человека, получившего страшные увечья при столкновении с крупным хищником. Это был смелый и искусный туземный охотник, часто сопровождавший меня и других белых во время охоты на львов,

леопардов и прочих «хищников-убийц»; почему же мы должны предполагать, что он принял льва или леопарда за другое животное? Выдумки были охотнику ни к чему; напротив, вся его репутация зиждилась на абсолютной и заслуживающей доверия правдивости. В другом случае, в Линди, еще одном городке в Танганьике, у *мнгва* вошло в привычку разгуливать ночью по селению; хищник убил нескольких жителей и, наконец, полицейского, стоявшего на посту на местном рынке. Ночами весь городок дрожал от ужаса. Мы удвоили количество полицейских, но нам с трудом удавалось заставить их занять сторожевые посты. И это были те самые люди, которые на моих глазах палками выгоняли льва из кустов! Они твердили, что по селению бродит не лев и не леопард, а *мнгва*. Все наши попытки рассеять их страхи ни к чему не привели, не убили мы и льва, что наверняка бы произошло, будь он виновником нападений.

Медведь нанди

Керит — еще одно чудовище, которое в том или ином виде несомненно существует и рано или поздно будет обнаружено. Оно достаточно известно под именем *нанди-бер* или «медведь нанди». На побережье Кении туземцы называют этого хищника *дубу*, а лумбва, на севере страны, — *гетет*, и одно упоминание о нем вызывает крики ужаса во всех восточноафриканских краях вплоть до Руанды, где он известен как *икимиси*, а в других местах — как *кибамбангве*. Было бы глупо утверждать, что широко распространенная вера туземцев в *керита* — всего лишь беспочвенное суеверие. *Кериту* приписываются многочисленные и ужасные ночные набеги. В рассказах он изображается как монстр, получеловек-полуторилла с одним горящим глазом в центре головы, дышащий огнем и испускающий жуткие пронизительные завывания. Таков *керит*, каким его рисует ужас. Что касается воя, я могу сам выступить свидетелем, так как слышал его и разделил опыт многих других белых в охоте на

чудовище. Воеет *керит* не всегда, но всегда действует под покровом темных, безлунных ночей и нападает с быстротой и свирепостью настоящего дьявола. Это, бесспорно, не лев и не леопард. *Керит* смело бросается в самую гущу шестифутовой колючей *заробы* («стены» из нагроможденных ветвей кустарников, искривленных и шипастых), тогда как львы и леопарды опасаются подступиться к подобному заграждению; особенно опасны для них колючки, ранящие уязвимые подушечки лап и морды. Мне известны случаи, когда львы из числа людоедов или охотников за скотом перепрыгивали через *заробу*, но я никогда не видел, чтобы лев пробирался сквозь ограду, как это делает *керит* — словно крот, прокладывающий ход в земле.

Шесть подушечек и шесть когтей

След *керита*, опять-таки, совсем не похож на след льва или леопарда. Мнения по этому поводу разделяются, но есть множество свидетельств того, что этот поразительный зверь оставляет отметину с шестью подушечками и шестью когтями. Я убедился в этом еще в 1912 году, и с тех пор наряду с другими охотниками видел этот невероятный шестипалый след не в одном краале, подвергшемся набегу *керита*. Многие белые охотники встречали животное, считающееся *керитом*, и стреляли в него. Один из наиболее подробных отчетов был предоставлен майором Брейтвейтом и м-ром Ч. Кеннетом Арчером, двумя известными кенийскими колонистами, чьи слова и опыт в подобных вопросах не так легко опровергнуть. Они заметили в зарослях травы и кустарника животное, которое приняли за львицу; позднее они разглядели, что голова у него была несколько вытянутая и очень крупная, и сам зверь был весьма широк в плечах (от четырех футов трех дюймов до четырех футов шести дюймов). «Покатая спина, — рассказывают они, — круто спускалась к зад, и животное двигалось неуклюжей походкой, которую правильней всего было бы сравнить с медвежьей.

Шерсть у него была густая, темно-коричневого цвета. В конце концов зверь перешел на неуклюжую рысь и направился к полосе деревьев у реки, где и скрылся». Многие другие наблюдатели похожим образом описывали *керита*.

Зверь этот может являться, как предполагают некоторые, огромной гиеной; и гиена с размахом плеч в 54 дюйма действительно была бы огромной! Но у *керита* имеется одна уловка: он скрывается в ветвях деревьев и подстерегает туземцев, проходящих внизу по тропе, затем протягивает вниз волосатую лапу и разбивает им черепа. Никакая гиена на это не способна. Иные из охотившихся на чудовище сходятся на том, что это может быть антропоид. Его набеги неизменно происходят на окраинах лесов, которые могут служить пристанищем для одной из крупных обезьян. Мне возразят, что обезьяны не принадлежат к кровжадным хищникам, охотящимся на человека, но в ответ я могу сказать, что это не совсем так: медвежий павиан-чакма — отчаянный хищник и представляет серьезную угрозу для овцеводов в Южной Африке, где стаи бабуинов совершают набеги на стада, разрывая ягнят своими длинными когтистыми пальцами и львиными клыками и унося туши в свои логовища на холмах. Как бы то ни было, предоставим последнее слово главному инспектору по охране дичи Уганды, обладающему глубоким знанием местной фауны. Он говорит: «Я верю в медведя нанди; это может быть гигантская гиена или что-то отличающееся от всех известных нам животных». В любом случае, какое-то страшное чудовище по имени *керит* скрывается в лесах Восточной Африки и все еще ждет поимки и опознания.

То же самое можно сказать и о *ндалауо*, свирепом лютее, величиной и формой напоминающем леопарда, но с черной шерстью на спине, переходящей в серый цвет. Скептики вновь утверждают, что это гиена, но такой довод выглядит довольно шатким, когда его начинают выдвигать в объяснение каждой тайны. Гиены — трусливые животные. Бывает, что они нападают на людей, но только стаями, а иногда одинокая гиена может пробраться в дом и унести ребенка. Но хитрые и уклончивые повадки гиен не имеют ни-

чего общего со свирепостью *мнзва*, *керита* и *ндалауо*. Кроме того, туземцы не боятся гиен, и любая престарелая дама из крааля без всякой опаски прогонит их прочь.

Водные чудовища

К совершенно другому разряду таинственных существ относятся водяные чудовища — *лау* и *луквата*. Не исключено, что это одно и то же животное. *Лау* — это огромная водяная змея, которая, по словам местных жителей, обитает в болотах Нила, близ озера Но и в глубинах других озер и болот. *Лау* описывают как колоссальную змею длиной до ста футов, с туловищем размером с ослиное в обхвате. Ужас перед чудовищем и в этом случае приукрасил рассказы туземцев, и можно услышать, что глаза его сверкают смертоносным огнем и что оно питается людьми и крупными животными, которых хватает чудовищными щупальцами, торчащими из морды. Ночью *лау* издает громкие гулкие крики и грохочущие звуки, похожие на типичное послеобеденное гromыхание стада слонов. В Африке, конечно, водятся большие водяные змеи, и одна из них, застреленная недавно в Танганьике греческим поселенцем, достигала, как говорят, сорока футов в длину, хотя это и сомнительно. Туземцы утверждают, что *лау* уносит много людей и скота; некоторые белые также заверяли, что видели и слышали чудовищ, похожих по описанию на *лау*. Покойный сэр Клемент Хилл рассказывал, как в заливе близ горы Хома на озере Виктория-Ньянза подобное чудовище поднялось из воды и попыталось схватить туземца, стоявшего на носу парохода; крик этого человека и привлёк внимание сэра Клемента.

Он особенно отметил длинную шею и маленькую голову чудовища; это был, как заявили туземцы, озерный монстр под названием *луквата*, который нападает на рыбаков. Исследователь Грант видел похожее животное в окрестностях Джинджи, и недавно м-р Э. Г. Вейланд, директор Геологической службы Уганды, сообщил, что ему показывали фраг-

мент предполагаемой кости *лукваты*. Вера в существование чудовища очень распространена в области Кавирондо, и местные жители рассказывали, что оно иногда теряет в схватках с крокодилами части своего тела, высоко ценимые в качестве амулетов. Они также утверждали, что гулкий голос существа разносится на большое расстояние; м-р Вейланд сообщает, что и сам слышал его и не может предложить никакого иного объяснения, кроме туземного: то был голос *лукваты*, что бы это чудовище собой ни представляло.

Колоссальные ящеры

Самый большой, самый страшный и наименее правдоподобный из всех африканских таинственных зверей — *мбилинту*. Само его наименование означает «страшное неизвестное чудовище»; говорят, это огромное животное, похожее одновременно на слона и гиппопотама и обитающее в болотах Конго и районах озер Бангвеулу, Мверу и Танганьика. Местные рассказы о нем отличаются большим разнообразием. Судя по некоторым, это может быть халикотерий, замечательное животное позднего плиоцена с лошадиной головой и когтистыми «копытами», напоминающее помесь лошади и ленивца. В других рассказах говорится о гигантском ящере с шеей, как у жирафа, ногами, как у слона, маленькой змеиной головой и хвостом длиной в тридцать футов. Несколько белых охотников утверждали, что они выследили подобных животных, и Смитсоновский институт несколько лет назад направил экспедицию на поиски этого зверя, но она, к сожалению, потерпела фиаско и не добралась до места поисков. Много лет назад вождь Леваника доложил британскому резиденту в Зулуленде, что огромный ящер, «в десять раз больше крокодила, проложил в камышах тропу, похожую на след большой походной повозки, с которой были сняты колеса» (он имел в виду, что след оставило нечто волочившееся по земле и шириной со знакомый ему бурский фургон) и что он отдал строгий приказ своим войнам

сообщать о всяком появлении зверя, так как желал самолично его увидеть; но больше он никому не попадался на глаза. Туземцы до сих пор рассказывают об этом звере, которого знают под именем *исикукумадеву*.

Тайна раскрыта

У африканских дикарей ходят самые необыкновенные истории и о бесконечном множестве более мелких животных. Одним из них был *млуларука* или «летающий шакал», который, по словам местных жителей, во всем походил на шакала — за исключением того, что имел крылья и мог *рука кама попо* («летать, как летучая мышь»); он часто совершал набег на манговые деревья и гранаты в фруктовых садах и испускал громкие крики в сумерках. Никто в это не верил. Но м-р Лавридж, собирая в 1927 году в Танганьике коллекции для Гарвардского музея, нашел не один, а целых два вида *млуларука*. Это были два совершенно новых вида белок-летяг, и по крайней мере один превышал два с половиной фута в длину!

Сейчас много спорят о «кукарекающей хохлатой кобре», которая, по словам туземцев, представляет собой змею, похожую на кобру, но с гребнем на голове и громким, отчетливым криком, похожим на крик петуха. М-р Буленджер и другие авторитеты заявляют, что это невозможно; с другой стороны, белые охотники и другие клянутся, что они слышали крики этой и прочих змей и что те не только кричат, но и издают разнообразные звуки, начиная от «звона колокольчика» и заканчивая непрерывным «оленьим блеянием»! Эту рептилию еще предстоит изловить.

Маленькие волосатые человечки

Упомянем, наконец, о таинственных людях-зверях, таких, как *агогве*, маленькие волосатые человечки, которые, по

рассказам, скрываются в лесах Уссуре и Симбити на западной стороне равнин Уэмбаре. Несколько лет назад меня направили в эту местность для официальной охоты на львов и, ожидая на лесной поляне льва-людоеда, я увидел, как два маленьких коричневых мохнатых существа вышли из густого леса с одной стороны поляны и исчезли в зарослях с другой. Они были похожи на маленьких человечков, около четырех футов ростом, держались прямо, но были покрыты рыжеватыми волосами. Туземный охотник, стоявший рядом со мной, разинул рот от страха и изумления. Это были, сказал он, агогве, волосатые человечки, которых и раз в жизни трудно увидеть. Я отчаянно и безуспешно пытался найти их в этом почти непроходимом лесу. Возможно, это были обезьяны, но если так, то они не были ни обычными обезьянами, ни бабуинами, ни колобусами, ни белогорлыми мартышками и никакими другими видами, обитающими в Танганьике. Что же это были за существа?

Туземцы из местных деревень рассказывали мне о них странные истории. Если кто-нибудь выставит в огороде тыкву с пивом *нтулу* и миску с едой, эти маленькие люди возьмут еду и в знак благодарности ночью разрыхлят и прополот землю. Это миф, я считаю; но мои маленькие коричневые человечки были вполне реальны. Они еще могут быть найдены. Можно было бы рассказать и о других таинственных существах — *призиме* Конго, *нгаги*, *чируви*, *китунуси* и *нгоджоме*; некоторые из них определенно мифические, но было бы опрометчиво утверждать, что все они таковы. Нельзя забывать, что и окапи некогда считался «мифическим зверем» и что никто в свое время не верил в утконоса или в гигантскую панду Тибета. Однако все эти животные оказались «реальными». Так же обстоит дело и с таинственными зверями африканских саванн и лесных троп: они могут быть невероятны, но они отнюдь не невозможны; и вполне можно допустить, что близок день, когда, в тот ужасный час, когда зоопарк передает по радио голоса джунглей, мы услышим в наших домах жуткое рычание *мнзва* и леденящий душу вой *керита*.

Комментарии

С. Блейк. История Александра Марвина

Пер. впервые: *Вокруг света*. 1917. № 15, 16 апреля. Также в сб. *Борьба с химерами* (1927) под заг. «Носорог Марвина». Перев. не указан.

Стейси Блейк (Stacey Blake) — литературное имя английского писателя, журналиста и акварелиста Френсиса Уильяма Стейси Блейка (1873-1964), автора ряда приключенческих и научно-фантастических повестей.

С. 11. ...*Дэклинг* — от англ. *duckling*, утенок.

К. М. Руф. Миллион лет спустя

Впервые: *Weird Tales*. 1930, ноябрь. Пер. В. Барсукова. Илл. К. Сенфа.

К. М. Руф (1871-1958?) — американская писательница, поэтесса, драматург. С 1902 г. широко публиковалась в периодике; автор трех романов и нескольких биографий. В числе ее произведений — детективные рассказы и несколько рассказов о привидениях.

С. 26. ...«*Кохинур*» — один из крупнейших в мире ограненных алмазов (105.6 карат), входит в состав сокровищ британской королевской семьи.

С. 28. ...*Восемнадцатой поправки* — 18-я поправка к конституции США, принятая 16 янв. 1919 г., запретила «производство, продажу и перевозку» алкогольных напитков, т. е. ввела в действие «сухой закон». В декабре 1933 г. была отменена 21-й поправкой.

Ю. Регис. Ледяная загадка

Анонимный русский пер. впервые: *В мастерской природы*. 1928. № 2. В оригинале на шведском языке под загл. «Isens fängar» («Пленники льда», 1925). Рассказ был с некоторыми сокращениями переведен с английской публикации (*The Paradise of the Ice Wilderness // Amazing Stories*. 1927, октябрь), отчего в русском первоисточнике и др. публикациях возник никогда не существовавший «Дж. Реджис».

Юл Регис (наст. имя Юлиус Регис Петерссон, 1889-1925) — рано умерший шведский писатель, журналист, кинокритик, сценарист. Заметный автор приключенческих, научно-фантастических и детективных рассказов (последние собраны в две книги, вышедшие в 1918 и 1925 гг.).

Д. Н. Кэрролл. В мезозой

Впервые: *Amazing Stories Quarterly*. 1932, Fall/Winter. Пер. (с небольшими сокращениями) М. Фоменко.

Какие-либо сведения об авторе отсутствуют. В историю НФ он вошел всего двумя палеофантастическими произведениями; оба они представлены в настоящем сборнике.

С. 52. ...*струтиомим* — род распространенного в Северной Америке страусоподобного динозавра позднего мелового периода. Достигал более 4 метров в длину, был растительноядным или всеядным и, вероятно, мог бегать со скоростью от 50 до 80 км/ч.

Д. Н. Кэрролл. Когда правили рептилии

Впервые: *Wonder Stories*. 1934, январь. Пер. М. Фоменко. Илл. Ф. Пола.

Б. Уоллис. Первобытная яма

Впервые: *Weird Tales*. 1930, декабрь. Пер. В. Барсукова.

Б. Уоллис (? – ?) — английский писатель, бывший моряк, в 1930-х гг. жил в Британской Колумбии. Автор ряда научно-фантастических рассказов. Кузен, соавтор и, вероятно, литературный агент известного фантаста Д. Уоллиса (1871-1956).

Д. У. Скидмор. Жук в янтаре

Впервые: *Amazing Stories*. 1933, ноябрь. Пер. М. Фоменко. Илл. Л. Мори.

Д. У. Скидмор (1890-1938) — американский фантаст, чьи произведения часто именуются худшими образчиками журнальной фантастики 1930-х гг. Впрочем, Скидмор писал их, видимо, в основном для развлечения и в качестве подношений для своей горячо любимой жены, художницы Джоан Кромвелл (1895-1969), которая фигурирует во многих его произведениях. Погиб в автокатастрофе в январе 1938 г.

С. 120. ...*Брея в Лос-Анджелесе* — Ла-Брея — район битумных озер в Лос-Анджелесе, где с начала XX в. были найдены многочисленные останки вымерших животных позднего плейстоцена.

С. 123. ...«*Одиссее*»... *искусством* — Гомер, Одиссея, песнь 15. Пер. В. Жуковского.

С. 123. ...*Фалес Милетский* (ок. 640-624 — 548/558 до н. э.) — древнегреческий философ и математик, прозванный «отцом философии».

С. 123. ...«*изображение ... полных сил*» — Плиний, «Естественная история», Кн. XXXVII, XII. 49. Пер. Г. Тароняна.

С. 124. ...*Шреттера* — А. Шреттер фон Кристелли (1802-1875) — австрийский химик и минералог.

С. 124. ...по Данае — имеется в виду выдающийся американский геолог, минералог, вулканолог и зоолог Д. Д. Дана (1813-1895), чья химическая классификация минералов оставалась общепризнанной на протяжении большей части XIX в.

С. 127. ...Йогеш Мисроу — Й. Мисроу (1886/1889 – 1930) — социолог, поэт, индийский «гуру». Уроженец Калькутты, работал в США переводчиком в департаменте иммиграции. Выпускник Стэнфордского и Вашингтонского университетов. Позднее называл себя «философом-брамином», выступал с лекциями об индийских духовных учениях и практиках.

Э. Д. Вебстер. Убийство плезиозавра

Впервые: *The National Magazine*. 1902-1903. Vol. 17, октябрь-март. Пер. В. Барсукова.

Э. Вебстер (? – ?) — американский писатель, выступавший в нач. XX в. с зачастую юмористическими рассказами о взаимоотношениях животных и людей, часть из которых собрана в книге «*Strenuous Animals*» (1904).

С. 143. ...«Ли-Метфорда» — «Ли-Метфорд» — британская армейская магазинная винтовка; состояла на вооружении британской армии в 1888-1902 гг.

Х. Грант. Древний ужас

Впервые: *Amazing Stories*. 1928, апрель. Пер. М. Фоменко. Илл. Ф. Поля.

Сведениями об авторе мы не располагаем.

С. 161. ...Исаака Уолтона — И. Уолтон (1593-1683) — английский торговец, писатель-биограф, поэт; автор знаменитого трактата «*The Compleat Angler*» (первое изд. 1653), воспевающего рыбную ловлю в прозе и стихах.

У. Брюс-Стэкпул. Последний птеродактиль

Впервые: *The Pall Mall Magazine*. 1906, март. Пер. М. Фоменко. Илл. К. Мур-Парка.

У. Брюс-Стэкпул (? – ?) — английский писатель. Рассказы публиковались в периодике в 1900-х гг.

С. 188. ...*маска Мемнона* — вероятно, авторская оговорка: скорее всего, имелась в виду т. наз. «маска Агамемнона», золотая погребальная маска ок. 1600 г. д. н. э., найденная Г. Шлиманом в Микенах в 1876 г.

С. 193. ...*Гольдфус дал название Pterodactylus crassirostris* — Г. А. Гольдфус (1782-1848) — немецкий палеонтолог и зоолог, профессор, позднее ректор Боннского университета. Обнаруженный им в 1831 г. птерозавр был на самом деле назван *Scaphognathus crassirostris*.

С. 194. ...«Мысли» Паскаля — т. е. «Мысли о религии и других предметах» (первое изд. 1669), наиболее известное произведение французского ученого и философа Б. Паскаля (1623-1662).

Боливийский ящер

Впервые: *The Journal of Science* (London). 1883, Vol. V (Third Series), июнь. Пер. М. Фоменко.

Более известно сообщение о «боливийском ящере», опубликованное в июле 1883 г. в журн. *Scientific American* (Vol. 49, № 1), однако оно представляет собой лишь сокращенный пересказ этого письма в редакцию.

Капитан В. Хиченс. Таинственные звери Африки

Впервые: *Discovery: The Popular Journal of Knowledge*. 1937, декабрь. Пер. Ю. Масленникова.

В. Хиченс (? – 1944) служил в колониальной администрации Британской /Восточной Африки (протекторат Восточной Африки, позднее Кении) и Танганьики. В 1920-1930-гг. под собственным именем и псевдонимом «Фулан» опубликовал в журналах ряд очерков, посвященных быту, верованиям и религиозным практикам африканских племен, печатал также переводы сказок и песен Восточной Африки и пр. Некоторые его очерки, как например этот, с тех пор стали классическим источником вдохновения для криптозоологов и искателей живых динозавров.

С. 200 ...*нсуи-фиси* — так называемый «королевский» или «родезийский» гепард (*Acinonyx rex*), известный науке с 1926 г.

С. 200. ... «*Ex Africa semper...*» — Имеется в виду латинское изречение «*Ex Africa semper aliquid novi*» («Из Африки всегда исходит что-то новое»), приписываемое Плинию Старшему.

С. 202. ...*Р. И. Покок* — Реджинальд Иннс Покок (1863-1947), известный британский зоолог; в 1885-1904 гг. был сотрудником Музея естественной истории, затем возглавлял Лондонский зоопарк и одновременно работал в Британском музее.

Оглавление

С. Блейк. История Александра Марвина	7
К. Руф. Миллион лет спустя	21
Ю. Регис. Ледяная загадка	40
Д. Кэрролл. В мезозой	51
Д. Кэрролл. Когда правили рептилии	74
Б. Уоллис. Первобытная яма	83
Д. Скидмор. Жук в янтаре	119
Э. Вебстер. Убийство плезиозавра	141
Х. Грант. Древний ужас	152
У. Брюс-Стэкпул. Последний птеродактиль	186

Приложения

Боливийский ящер	196
В. Хиченс. Таинственные звери Африки	198
Комментарии	211

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.